

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- САХАРОВ В ГОРЬКОВСКОЙ БОЛЬНИЦЕ
- БЕЗРАБОТИЦА: БИЧ ИЛИ БЛАГО?
- ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ ВРАГ
- СТАРЕЙШИЙ БОЛЬШЕВИК ПЛАНЕТЫ
- ТРИУМФ ИСЛАМА В РЕСПУБЛИКЕ СУДАН
- ЛЕНИН — АПОЛОГЕТ ЯПОНСКОГО МИЛИТАРИЗМА
- ЛЕВАЯ, ПРАВАЯ ГДЕ СТОРОНА?
- ЗЕЛЕНЫЙ ГЕНЕРАЛ
- ЭКОЛОГИЯ ИЛИ ЭСХАТОЛОГИЯ
- ЧИСТЫЙ ВОЗДУХ ДЛЯ ВСЕХ
- АРХИВ. САМОУБИЙСТВО ДВАДЦАТИПЯТИТЫСЯЧНИКА
- ЗИМА, БАРКЛАЙ ИЛЬ РУССКИЙ БОГ
- БУДУЩЕЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
- УВИДЕТЬ ВЕНЕЦИЮ И УМЕРЕТЬ

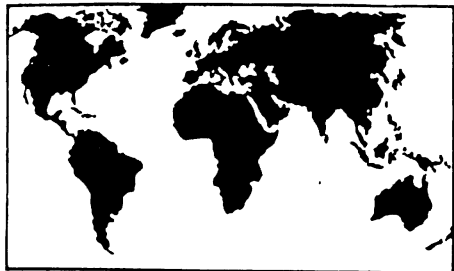
Ежемесячный общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Сергея Максудова. Оформление Б.Рабиновича. Корреспонденты журнала: Е.Фишер (Бонн), В.Кучинский, Г.Ферон (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк), А.Мильман (Тель-Авив), П.Брукингс (Гонконг), П.Ростин (Рабат). Цена одного номера 6 нем. марок, стоимость годовой подписки 60 нем. марок (25 ам.долларов). Журнал доставляется подписчикам обычной почтой бесплатно; доставка авиапочтой – за дополнительную плату (10 долл. в США, Канаде и Израиле, 20 долл. в Австралии и Новой Зеландии). Подписная плата принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека (с добавлением 5 нем.марок). Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СОДЕРЖАНИЕ

Политический дневник.	1
<i>Е.Фишер.</i> 35 часов в неделю.	13
<i>Б.Вайль.</i> Датские проблемы.	18
"Оголтелая шовинистическая пропаганда против России".	21
Вести из СССР	23
<i>Р.Орлова.</i> Сестра.	28
Из газет: 70 лет назад.	29
<i>Г.Дюбизль.</i> Справа и слева от прогресса.	30
<i>Г.Бастиян.</i> "Скажем великим державам: мы тут ни при чем".	37
Иллюзии и лукавство генерала Бастияна	46
<i>Л.Рудкевич.</i> Экология или эсхатология?	49
Воздух один для всех	55
Архив. Самоубийство в деревне Нечаево	59
<i>Б.Хазанов.</i> Не поймет и не оценит	68
<i>Г.Майер.</i> Второе рождение европейской литературы.	89
<i>Л.Фельс.</i> Венеция.	95

Das Land und die Welt e.V. Schellingstr. 48, 8000 München 40, BRD.
Tel. 272 18 99; 272 28 99.
Deutsche Bank München, BLZ 700 700 10, Konto-Nr. 331 9613 (Das Land und die Welt e.V.).
Postgiroamt München, Postscheck-Konto-Nr. 223981-804.

СТРАНА И МИР

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Прошедшие 17 июня выборы в Европейский парламент в Страсбурге дали результаты, которых можно было ожидать. Во время этих выборов собственно общеевропейская политика играла очень малую роль. Граждане десяти государств — учредителей Европейского парламента прежде всего стремились высказать свое отношение к собственным правительствам. Правда, высказались далеко не все: на сей раз процент поддержавшихся (всюду, кроме Италии) был особенно высок. То, что произошло 17 июня, заставит политологов пересмотреть ряд положений, которые они считали твердо установленными.

Прежде всего заметим, что избиратели практически обошли вниманием главное, ради чего они, казалось бы, пошли к урнам. Энергичные попытки ряда кандидатов и отдельных партий определить, чем именно должен заниматься Европейский парламент, так ни к чему и не привели. Эта ассамблея, избранная всеобщим голосованием, заседает в Страсбурге вот уже пять лет. Она обладает собственным бюджетом (понятно, что это определяет сумму, которую каждое государство — член Сообщества вносит в общую кассу, а значит, и уровень налогов в каждой стране). Однако Европейский парламент первого созыва не смог убедить избирателей в полезности своего существования. Почему? Вопрос этот стоит остро не только для законодательного органа Европейского Экономического Сообщества, но и для его исполнительной власти — Европейского Совета. Министры и главы правительств десяти стран — членов Сообщества регулярно собираются на совещания. Но понятно, что каждый из них прежде всего является членом правитель-

ства собственной страны, а уж во вторую очередь — членом Европейского Совета.

Решения "Европейских" органов весьма существенны для десятков миллионов людей. Они, например, устанавливают цены и объем производства сельскохозяйственных товаров, а значит, и доходы производителей. Однако обсуждение этих вопросов ведется на непонятном жаргоне и мало волнует тех, кого они затрагивают непосредственно. Нужно обладать недюжинными качествами, чтобы убежденно выступать за или против так называемых "компенсирующих сумм", которые выплачивает Сообщество отдельным государствам, или даже просто понять, что эти пресловутые "компенсации" для миллионов людей означают нищету или процветание.

Но собственно политических дискуссий в Европейском парламенте практически не бывает. Да и может ли быть иначе? Ведь каждое из государств, ставших членом ЕЭС, согласилось "образовать Европу" только при том условии, что оно сохранит полную суверенность как во внутренней, так и во внешней политике. Разумеется, они все принадлежат к одному и тому же союзу, но по отношению к внешнему миру они совместной политики не ведут. Именно поэтому парламент в Страсбурге не обсуждал вопросы коллективной безопасности этой части континента или вопрос размещения американских ракет, хотя все понимают их жизненную важность. Оказалось, что Страсбургский парламент вообще не обсуждает сколько-нибудь животрепещущих проблем. Между тем очевидно, что всякая ассамблея, стремящаяся к тому, чтобы существовать не только на бумаге, должна утвердить себя в гла-

зах общественного мнения хотя бы несколькими важными шагами, выходящими за рамки рутинной бюрократии.

"Европейские" депутаты в парламенте группируются по идейным убеждениям или по политическим взглядам. В Страсбурге "национальных объединений" нет, а те, которые возникли, зачастую составлены искусственно; французские социалисты, руководители которых высказались за установку в Европе американских ракет, заседают бок о бок с английскими лейбористами или голландскими социалистами, которые решительно против этих ракет возражают. Столь же глубокие расхождения разделяют либералов, консерваторов, христианских демократов. Даже коммунисты, прежде славившиеся своей монолитностью, не избежали общей участи; да и как бы они могли стоять на общих позициях, если их уже не объединяет ни преданность Советскому Союзу, ни враждебность к США?

В этих обстоятельствах европейские выборы 17 июня в каждом из десяти государств — членов ЕЭС не могли восприниматься иначе, чем как ряд чисто национальных опросов общественного мнения, не имеющих непосредственной политической цели, однако способных оказать серьезное воздействие на политический климат в той или иной стране. В общем все правительства, какова бы ни была их окраска, потерпели поражение или оказались слабосильными. Все они страдают от того, что им не удалось преодолеть затянувшийся кризис. Во Франции результаты выборов оказались особенно поразительными: они показали резкое ослабление левых, которые в 1981 году триумфально пришли к власти, а теперь собрали всего около 35% голосов. Внутри самого левого лагеря особо привлек внимание провал коммунистической партии. На другом конце политического спектра появилась сильная крайне правая националистическая партия, характерной чертой которой является прежде всего ксенофобия. Эта партия получила 11% голосов — столько же, сколько прежде могущественная партия коммунистов.

Разумеется, нельзя забывать и о большом проценте воздержавшихся, — совершенно необычном при национальных выборах (40%). Вполне вероятно, что значительная часть воздержавшихся — это избиратели, прежде голосовавшие за левых, а теперь в них разочаровавшиеся. Они даже не сочли нужным явиться к урнам, ибо это

голосование не могло ни укрепить позиции президента, ни свалить его.

Голосование 17 июня интересно еще и потому, что в связи с ним французские политологи впервые провели опрос — исследование, позволившее выяснить мотивы голосования. Специально уполномоченные лица опрашивали граждан при выходе из 7500 избирательных пунктов, считающихся наиболее представительными.

Большинство избирателей, независимо от того, за какую партию они голосовали, отвечая на вопросы анкеты, утверждали, что они руководствовались стремлением защитить гражданские свободы. Это звучит странно, когда речь идет о голосовавших за списки экстремистских партий, но тем более это интересно. Почему стольким людям кажется, что их свобода находится под угрозой? Ни один сколько-нибудь серьезный наблюдатель, не ослепленный пристрастиями, не может утверждать, будто социалистическая партия, придя к власти, покушалась на гражданские свободы французов. Уподобление Франции ГУЛагу — излюбленный прием оппозиционной пропаганды — никто не принимает всерьез. Контроль над радио и телевидением не только не усилился при социалистах, но даже ослаб. Пожалуй, теле- и радиожурналисты стали даже гораздо более критичны по отношению к власти, чем до 1981 г. Теперь существует множество малых "свободных радиопередатчиков", тогда как до прихода социалистов к власти три года назад в области радиовещания существовала государственная монополия.

Совершенно неважно, обоснованы или нет те упреки, которые оппозиция с такой страстью обрушила на правительство. Важен сам факт распространения критических настроений. Почему это произошло? Потому ли, что парламенту были предложены плохо сформулированные или плохо объясненные законопроекты о печати и о школе? Потому ли, что коммунистическая партия, даже сильно ослабев, все еще внушает страх и многие боятся, как бы она не воспользовалась своим участием в правительстве для захвата власти? Может быть и так. Во всяком случае, результат очевиден. А при демократической системе никакое правительство не может эффективно действовать, если оно наталкивается на враждебность или равнодушный скептицизм большинства граждан.

Почему же власть левых так быстро оказалась

скомпрометированной и, главное, среди столь широких масс населения? Может быть, потому, что социалисты слишком долго ждали своего часа. К моменту победы на выборах 1981 г. они уже 23 года не были у власти. Прошли месяцы, пока они приобрели хоть какой-то опыт. В то время они хотели — и это говорит в их пользу! — выполнить все обещания, данные в ходе избирательной кампании. Но обещания эти были неосуществимы. Воодушевленные победой, левые депутаты думали, что возможно все. Г-жа Кестью, новый министр социального обеспечения, даже заявила, что она не собирается быть "министром-счетоводом". Едва приступив к делу, она забыла, что ей приходится распоряжаться значительной частью национального бюджета и что легкомыслие может привести к крайне неприятным последствиям. Год спустя президент и его окружение вдруг заметили, что они на краю банкротства. Чтобы спасти положение, было решено изменить политику. Но президент терял при этом поддержку тех социальных слоев, которым он дал невыполнимые обещания.

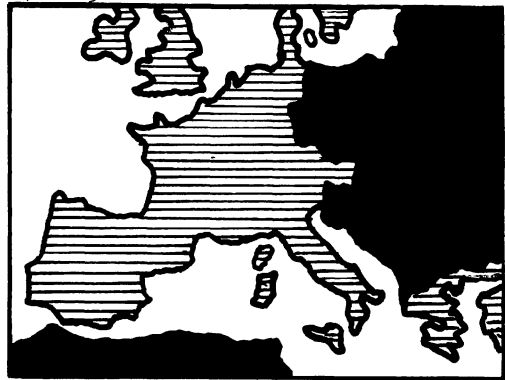
Коммунистическая партия еще больше потеряла в глазах избирателей, чем ее социалистический партнер. Это, в частности, связано с личностью генерального секретаря партии Жоржа Марше, который способен с невероятной наглостью говорить невесть что и в конце концов разозлить даже тех своих слушателей, которых прежде его выходки занимали. Чтобы руководить большой политической партией, надо иметь облик государственного деятеля и не пытаться соперничать с цирковыми клоунами. Коммунистическая партия стала также жертвой своей непоследовательности — она хочет быть одновременно и у власти, и в оппозиции. Однако ее провал на выборах 17 июня имеет и более глубокие причины.

Сразу после освобождения Франции коммунистическая партия получила на выборах около 30% голосов. И после этого она в течение долгого времени собирала на всех выборах около четверти бюллетеней. Это число снизилось лишь в 1958 г., когда к власти пришел генерал де Голль: сказалось воздействие феноменальной личности генерала. Немало бюллетеней из числа тех, что по традиции доставались коммунистам, на этот раз были отданы ему. Потом партия вновь слегка вознеслась в глазах избирателей. Но за последние 5 лет произошло новое сниже-

ние, и на сей раз нешуточное. На европейских выборах 1979 года Ж. Марше собрал 20%, на президентских и парламентских в 1981 г. — всего лишь 15%, а в этом году — 11% голосов. Словом, партия достигла того уровня, на каком она находилась сразу после ее образования в начале 20-х гг. За 56 лет популярность компартии никогда еще не была так низка.

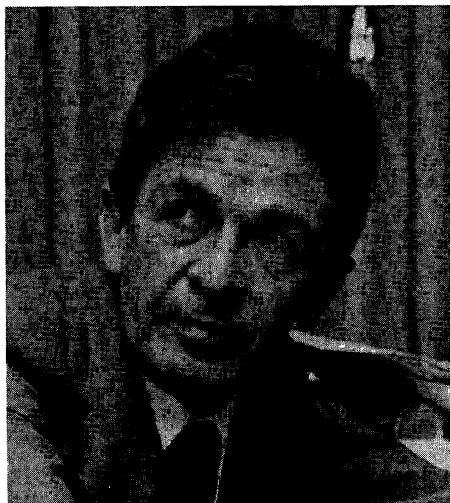
Случаен ли эпизод 17 июня 1984 г. или он свидетельствует о неудержимом падении авторитета ФКП? Коммунистическая партия приобрела популярность в те годы, когда миллионы людей верили в то, что советская система олицетворяет "надежду" человечества. Затем компартия сильно выиграла на победе Красной армии над нацизмом. Миф о коммунизме оказался устойчивым: он даже пережил десталинизацию, предпринятую Хрущевым. В ту пору французская коммунистическая партия пыталась отойти от политики Кремля, но сделала это крайне нерешительно. ФКП признала, что были допущены "кое-какие ошибки", но Ж. Марше продолжал твердить, что на Востоке "итоги в целом вполне положительные". Этому теперь уже мало кто верит. ФКП теперь страдает от того, что она, в отличие от итальянских коммунистов, не предприняла решительного пересмотра своих позиций. ●

Г. Ферон

ПЕРЕМЕНИ В ИТАЛЬЯНСКОЙ КОМПАРТИИ

11 июня в возрасте 62 лет в Падуе скончался генеральный секретарь Итальянской компартии Энрико Берлингуэр. За пять дней до этого у него произошло кровоизлияние в мозг в момент, когда он произносил предвыборную речь: 17 июня предстояли выборы в Европейский парламент.

Энрико Берлингуэр

Волна сочувствия и скорби охватила страну и ее масштабы поразили даже ближайших соратников Берлингуэра по партии. На гражданскую панихиду по Берлингуэру на римскую площадь Сан Джованни пришло почти полтора миллиона итальянцев и далеко не все они были коммунистами. Почести, с которыми провожали Берлингуэра — никогда не бывшего у власти — превосходили по своим масштабам государственные похороны.

В заявлении Ватикана отмечено, что Берлингуэр "пользовался всеобщим уважением за серьезность предпринятого им дела и за мотивы, которыми он руководствовался". 87-летний президент страны Сандро Пертини, проводивший последние дни у постели умирающего и сопровождавший его тело в Рим, назвал Берлингуэра "другом и братом, возлюбленным сыном, товарищем по борьбе". Кириако де Мита, лидер христианских демократов, крупнейшей партии страны — главного соперника коммунистов, сказал: "Итальянская демократия многим обязана ему". Передовая статья итальянской консервативной газеты "Джорнале", посвященная смерти Берлингуэра, была озаглавлена "Возлюбленный враг". В том же номере газеты известный католический священник и бывший редактор ватиканского официоза "Оссерваторе Романо" с большим уважением написал о Берлингуэре, как о человеке, "показавшем глубокое понимание верующих", и даже намекнул, что он был "одним из нас".

Пожалуй, лишь у руководства КПСС смерть Берлингуэра не вызвала скорби. Соответственной была и публичная реакция советских руководителей. Сначала неуклюжее письмо, адресованное самому Берлингуэру, в котором об умирающем, но еще живом человеке уже говорилось в третьем лице, затем более чем скромное сообщение о смерти, без полагающегося по советскому ритуалу парадного некролога.

Даже сама смерть Берлингуэра послужила на пользу той партии, которую он возглавлял, стала, говоря словами Маяковского, "величайшим коммунистом-организатором". На выборах в Европейский парламент, состоявшихся через 6 дней после смерти Берлингуэра, итальянская компартия впервые в истории стала партией номер один по числу поданных за нее голосов: 33,3% против 33% у следующих за ней христианских демократов. Несомненно, что большое число явившихся к урнам и решивших голосовать за коммунистов связано с эмоциональным подъемом тех дней.

Значение Берлингуэра как политического деятеля заключалось не только в том, что он был лидером крупнейшей в свободном мире компартии, насчитывающей 1,7 миллиона членов и 11 миллионов сторонников среди избирателей. Его имя прежде всего связано с возникновением "еврокоммунизма" — он был не только одним из основателей, но и самым активным и последовательным приверженцем этой политической доктрины.

Энрико Берлингуэр родился в Сардинии в аристократической семье испанского происхождения. В 1943 г. в возрасте 21 года вступил в находившуюся вне закона итальянскую компартию, и уже через год был арестован за антифашистскую деятельность. По окончании Второй мировой войны Берлингуэр стал быстро продвигаться в партийной иерархии. В 1948 г. он вошел в исполнительный комитет ИКП. В 1968 г. он был избран в парламент, возглавив избирательный список своей партии в столице — в Риме. В последние годы жизни генерального секретаря ИКП Луиджи Лонго, когда больной и престарелый генсек уже не мог по-настоящему руководить партией, Берлингуэр фактически выполнял его функции. После смерти Л. Лонго в 1972 г. Берлингуэр стал генеральным секретарем ИКП. Лично честный, скромный, интеллигентный, выглядевший всегда чуть усталым и озабочен-

ным, Берлингуэр пользовался уважением у друзей и у врагов. Он был женат на ревностной католичке, был хорошим семьянином, имел трех дочерей и сына. Работоспособность его была поразительна: товарищи в шутку называли его "куло ди ферро" ("железный зад") — за его способность заседать на совещаниях и в комитетах, доводя до изнеможения своих оппонентов.

Заветной мечтой Берлингуэра было привести свою партию к власти, но осуществить эту мечту ему не привелось. Уже через год после избрания генеральным секретарем Берлингуэр предложил христианским демократам свой знаменитый "исторический компромисс" — создание "большой" правительственной коалиции. Предложение его было отвергнуто. Не имела успеха и его попытка осуществления "левой альтернативы" в 1980 г. — создания коалиции с социалистами и другими левыми партиями. Наиболее сильную оппозицию это предложение вызвало у социалистов: нынешний премьер Беттино Кракси занимает, пожалуй, наиболее антикоммунистическую позицию даже по сравнению с христианскими демократами.

Все это происходило несмотря на то, что избирательные успехи ИКП при Берлингуэре были поистине впечатляющими. На национальных парламентских выборах 1976 г. компартия собрала наибольшее за свою историю количество голосов — 34,4%, лишь на 4% отстав от христианских демократов. На выборах в прошлом году ИКП, правда, собрала уже на 4,5% меньше голосов, чем в 1976 г., но зато христианские демократы потеряли еще больше.

Первый разлад между Берлингуэром и КПСС произошел в начале 60-х гг., когда он отказался поддержать КПСС в ее попытках отлучить китайскую компартию от коммунистического движения. Берлингуэр никогда не был сторонником китайской политической концепции, но для него был важен сам принцип независимости компартий, их права на свой "национальный путь".

После этого Берлингуэр все быстрее и быстрее стал отдаляться от советской модели коммунизма. Он резко осудил интервенцию в Чехословакию. Он поддержал демократические перемены в Польше, возглавленные "Солидарностью", и протестовал против объявления военного положения. Он был одним из самых решительных противников оккупации Афганистана. Он был сторонником сохранения членства Италии в обо-

ронительном союзе НАТО, хотя в принципе выступал за роспуск всех военных блоков вообще. Он убежденно защищал необходимость сотрудничества с католической церковью, указывал на невозможность игнорировать интересы "католических масс". Он критиковал нарушения прав человека в Советском Союзе. Ему принадлежит знаменитое высказывание о том, что идеалы, ради которых совершилась Октябрьская революция, в Советском Союзе окончательно умерли.

В 1975 г. он, вместе с лидерами испанской и французской компартий, выступил инициатором "еврокоммунизма" — политической доктрины, пытающейся соединить марксистскую теорию с идеалами западной демократии. По Берлингуэру, советская система просто немыслима "для социалистического преобразования стран, подобных Италии и другим странам Западной Европы".

Еврокоммунизму не была суждена долгая жизнь. Французский генсек Жорж Марше очень скоро качнулся назад к открыто просоветской позиции, и его не смутил даже Афганистан. Выборы в Европейский парламент, вознесшие ИКП на первое место, опустили ФКП до самого низкого уровня популярности за последние 50 лет. Генсек Жорж Марше исчез из поля зрения публики, ходят слухи о его возможной отставке. Испанская компартия также стала испытывать внутренние трудности, раскололась, один из "отцов" еврокоммунизма Сантьяго Каррильо был вынужден уступить пост генсека Херардо Иглесиасу. Партия сейчас борется за свое место в национальном политическом спектре, ища популярности то у феминисток, то у местных Зеленых, еврокоммунистические проблемы отошли на задний план. Малые европейские компартии, воспринявшие еврокоммунизм как дитя разрядки, сейчас, когда разрядка рухнула, находятся в состоянии разброда и не в состоянии четко определить свой политический курс.

ИКП при Берлингуэре была, пожалуй, последним бастионом еврокоммунизма, но и в ней эта концепция стала терять свои ясные очертания (если они были когда-либо вообще). Крах разрядки затронул и ИКП. Когда союз НАТО принял решение о размещении ракет среднего радиуса действия в Западной Европе (они должны быть размещены и в Италии — в Сицилии), Берлингуэр высказался против этого, но возражал он так вяло, что многим в партии и вне ее так и

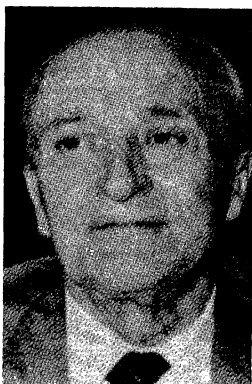
осталось неясным, какую же позицию он на самом деле занимал.

Конечно, рано еще говорить о том, что еврокоммунизм мертв. Престиж, которым он пользовался в течение ряда лет, не может так скоро улетучиться без следа. Видимо еще долго еврокоммунизм останется "маяком" для многих инакомыслящих в таких странах как Польша или Чехословакия и, может быть, даже в Советском Союзе. Во многом этому будет содействовать, как ни странно, именно провал попыток еврокоммунизма придти к власти. Не пройдя испытания суровой практикой, еврокоммунизм еще сохраняет привлекательные черты идеала.

Во многом судьба еврокоммунизма как политической доктрины будет зависеть от того, какую линию будет проводить послеберлингуэровская итальянская компартия.

После Берлингуэра — впервые в истории ИКП — не осталось бесспорного наследника. В партии, в соответствии с нормами "внутренней демократии", — также, кстати, введенной Берлингуэром — начались консультации. Двум членам правления — Уго Печчоли и Альдо Торторецца — было поручено провести опрос всех членов ЦК, провинциальных функционеров партии, коммунистических мэров городов, членов парламента, провинциальных советов и мэрий — всего несколько сот человек. Результаты этого опроса были представлены ЦК партии, который 26 июня и сделал свой выбор.

Новым генсеком Итальянской компартии был избран профессор истории, 66-летний Алессандро Натта, близкий друг и политический союзник покойного Берлингуэра. А. Натта, по всеобщему мнению, фигура совершенно бесцветная. Он —

Алессандро Натта

долголетний аппаратчик, но, может быть, в этом — в знании внутренних механизмов партии — и будет его сила. На его стороне также старшинство — благородные седины — но не будет ли это как раз его слабостью?

То, как поведет себя компартия при новом генсеке, покажет, в какой степени успехи ИКП были обязаны личным достоинствам ее выдающихся лидеров (Грамши, Тольятти, Берлингуэра...), а в какой — соответствии политической концепции партии как таковой историческим нуждам страны. Во всяком случае уже на местных выборах в Сардинии, Сицилии и ряде других мест 24 июня ИКП не смогла повторить тех достижений, которые ей удалось на неделю раньше. Эмоции отступили, и сейчас ИКП — вновь не первая, а вторая партия страны. ●

Самым важным событием в Польше в июне были выборы в местные советы. Под влиянием действующей в подполье оппозиции власти были вынуждены провести уникальную в послевоенной истории коммунистических стран предвыборную кампанию. Целью ее было не "агитировать", как обычно, за кандидатов, а убедить избирателей не слушать призывы "Солидарности" к бойкоту выборов. Это стало главной темой официальной прессы в последние недели перед выборами. На избирателей не столько оказывали давление, сколько уговаривали явиться к урнам. Если раньше ставка делалась, в основном, на страх, то теперь — на патриотические чувства. Патриотической обязанностью была объявлена проверка избирательных списков. Помимо шумной кампании в прессе, использовались и другие, более тонкие методы, чтобы принудить избирателей участвовать в проверке списков: считалось, что это является гарантией того, что

избиратели хорошо подготовлены и голосование будет протекать без неожиданностей. К проверке списков привлекали даже детей: для этого им выдавали листки с номерами их родителей в избирательных списках.

Уже через несколько часов после конца голосования представитель правительства Ежи Урбан заявил о "победе на выборах". Он сказал, что в выборах, в среднем, участвовало 75% имеющих право голоса, а в отдельных воеводствах число явившихся к урнам превышало 80%. Через несколько дней Временная координационная комиссия "Солидарности" поставила эти цифры под сомнение. ВКК считает, что в среднем по стране число уклонившихся от голосования составило 38%, так что правительственные данные преувеличены процентов на 12–13. По данным "Солидарности" в Варшаве голосовало 57,4% избирателей, а по официальным данным – 71%. Те же цифры для Гданьска, соответственно равны 47 и 68%, для Катовиц – 57,7 и 78%, для Вроцлава – 40,3 и 67%.

Конечно, данные "Солидарности" собирались конспиративно и пока еще очень неполны, но это не значит, что им не надо придавать значения. Оппозиции удалось мобилизовать по всей стране десятки тысяч "независимых наблюдателей". Они в течение всего дня в определенных промежутки времени подсчитывали избирателей, выходящих из избирательных участков. Нашлись сторонники "Солидарности" и в счетных комиссиях. В ряде округов скоро можно будет получить совершенно точные данные и тем самым проверить честность правительства. Однако и данные в целом по стране, хоть и неполные, все же позволят откорректировать официальную цифру. Так или иначе впервые за сорок лет власти оказались в ситуации, когда кто-то контролирует их действия, и их махинации, хотя далеко не все обязательно будут разоблачены. Не будь этого – "явился" бы в Польше к урнам все те же заветные 99,98% избирателей, как недавно в ГДР, где тоже выбирали в местные советы. Еще одно свидетельство того, что золотой век коммунизма в Польше кончился.

Поверим, однако, на время правительственным данным. 25% не явившихся к урнам – это 6 миллионов человек, 60% членов "Солидарности", осмелившихся остаться дома и бросить вызов властям. И это после двух с половиной лет сначала военного положения, а затем – жестоких по-

лицейских репрессий! Политика "нормализации" явно потерпела крах.

Но из тех 75%, что пришли голосовать, конечно далеко не все – сторонники власти. Много среди них таких, которые сделали это лишь ради спокойствия, не желая идти с властями на открытую конфронтацию. Многие пришли на избирательные участки с единственной целью вычеркнуть имя навязанного им кандидата.

Спор о количестве явившихся голосовать не так уж важен. Важно то, что 6 миллионов человек (если право правительство) или 10 миллионов (если права "Солидарность") сумели преодолеть страх, совершить акт гражданского мужества.

* * *

Если итоги выборов оказались успехом подполья, то, напротив, тяжелым ударом для него явился арест 9 июня члена ВКК 32-летнего механика Богдана Лиса. Еще в конце 70-х гг. Богдан Лис вместе с Лехом Валенсой, Анджеем Гвяздой и Анной Валентинович участвовал в попытках создания свободных профсоюзов Побережья. В августе 1980 г. он, в качестве члена президиума Межзаводского забастовочного комитета был в числе тех, кто подписал договор между бастующими рабочими и правительством. Он был избран в Общепольскую комиссию "Солидарности". 13 декабря 1981 г. он избежал ареста и с тех пор в течение 2,5 лет входил в состав ВКК.

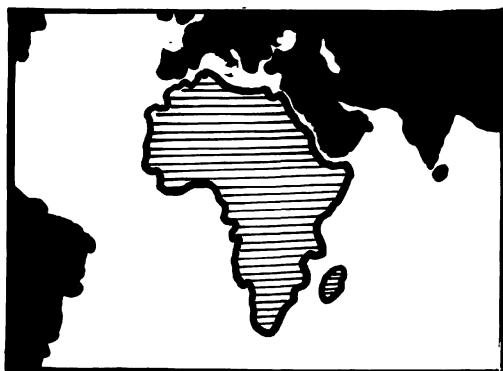
Сейчас, когда Б. Лис в тюрьме, он представляет для властей не меньшую проблему, чем в подполье. Конечно, "Солидарность" потеряла опытного руководителя, но ее организационная структура в Гданьске, где действовал Б. Лис, осталась ненарушенной. Кто-то другой станет на место Б. Лиса. Власти же оказались перед перспективой еще одного громкого политического процесса. Такой процесс властям вовсе не на руку, как показывает история 11 других лидеров оппозиции, которые уже давно находятся в тюрьме. Власти явно не знают, что им делать: добиться их добровольной эмиграции не удастся, а на открытый суд идти страшно.

При аресте у Б. Лиса нашли письмо от Ежи Милевского – председателя Координационного бюро "Солидарности" за рубежом. В этом письме содержалась информация о материальной помощи, оказываемой "Солидарности" международ-

ным профсоюзным движением. Власти пытались представить это как "раскрытие позорной тайны" профсоюза. Между тем, факт получения помощи "Солидарностью" никогда и не скрывался. За несколько дней до ареста сам Б. Лис говорил в интервью для бюллетеня Международной конфедерации свободных профсоюзов: "Мы очень нуждаемся в этой помощи. Без нее мы должны были бы изменить формы нашей деятельности. Мы получаем оборудование и другую материальную помощь и непосредственно, и через бруксельское бюро "Солидарности", которое тоже получает средства от международного профсоюзного движения".

В день ареста Б. Лиса власти предприняли попытку арестовать в Гданьске другого видного деятеля "Солидарности" Богдана Борусевича, бывшего члена КОР, также находящегося в подполье со времени введения военного положения. Попытка эта, к счастью, сорвалась. ●

В. Кучинский

■ ГОД ОРВЕЛЛА ЕЩЕ ОДНА "ИСЛАМСКАЯ РЕСПУБЛИКА"?

В Судане назревают перемены, которые могут существенно повлиять не только на внутривнутриполитическое положение страны, но и на равновесие сил во всем этом регионе мира. Президент Судана 54-летний Джафар Нимейри постепенно подпал под влияние группировки мусульманских фундаменталистов — секты суфиев. Члены секты в настоящее время находятся на постах всех главных советников президента. Религия заняла основное место в жизни и мыслях Нимейри. Он планирует в недалеком будущем провозгласить

в Судане "исламскую республику", которая — в политическом смысле — стала бы двойником Иранской "исламской республики" (с той разницей, что в Иране главенствуют мусульмане-шииты).

В сентябре 1983 г. Дж. Нимейри провозгласил мусульманское право — шариат — основой всего законодательства страны. Шариат в настоящее время определяет все формы религиозной, политической, общественной, семейной и личной жизни граждан. Все самые жестокие и средневековые формы мусульманского права применяются в полном объеме. Так, за воровство введена ампутация рук и ног (единственная уступка современности — ампутацию производит хирург, а не простой палач). Уже известно о 14 таких публичных ампутациях — среди наказанных есть даже несколько христиан с юга страны. За хранение спиртного виновные (не исключая иностранцев) наказываются бичеванием. Так, недавно публичному бичеванию подвергся итальянский католический священник, у которого нашли бутылку виски, 16 бутылок вина и ящик пива.

Полиция и агенты службы безопасности врываются в дома, производят обыски с целью обнаружения алкоголя, останавливают мужчин — водителей автомашин, допрашивают их о том, в каких отношениях они находятся с женщинами, которых они везут. Все это оправдывается ссылками на законы шариата.

Дж. Нимейри заявляет, что законы шариата будут применяться как к мусульманам, так и к жителям христианского юга. Он признает, что не существует апелляционного суда, в который приговоренный к ампутации мог бы обжаловать приговор, но утверждает, что судьи, выносящие такие приговоры, — ученые люди, а "ислам — очень, очень справедлив". Президент Судана сказал, что введение мусульманского закона — это "проявление демократии и свободы религии".

19 апреля в стране было введено чрезвычайное положение. В середине мая в соответствии с декларацией о чрезвычайном положении было арестовано 1700 человек. Им предъявлены самые различные обвинения: коррупция, тайное накопление запасов продовольствия, нарушения шариата и т. п. Арестованные предстанут перед чрезвычайными судами. Ситуация в стране становится все более и более мрачной. Население охвачено страхом.

Президент Египта Хосни Мубарак встревожен

Дж.Нимейри и Х.Мубарак

развитием событий в Судане. Египет и Судан — две страны долины Нила — находятся в особых отношениях. Между ними имеется договор о совместной обороне. Когда 16 марта ливийские самолеты совершили налет на Судан, Египет направил для защиты Хартума силы египетских ПВО. Стратегическое положение Судана между двумя странами, тесно связанными с СССР, — Ливией и Эфиопией — заставляет Египет особенно интересоваться развитием событий в этой стране.

Х. Мубарак неоднократно пытался выразить Дж. Нимейри свою тревогу, но тот отказывается даже отвечать на телефонные звонки египетского президента. 25 мая 1984 г., отмечая 15-ю годовщину переворота, приведшего его к власти, Дж. Нимейри впервые ни разу даже не упомянул "братский" Египет. Египту не было послано приглашение прислать на празднование делегацию.

По имеющимся сведениям, Дж. Нимейри намерен провозгласить "исламскую республику" в сентябре, когда в Хартуме состоится религиозная конференция, созываемая для обсуждения путей дальнейшего внедрения норм ислама в жизнь страны. При суданском парламенте — Народной Ассамблее — создана комиссия, которая должна решить, как следует изменить конституцию Судана, чтобы она полностью соответствовала шариату.

Дж. Нимейри, по-видимому, объявит себя не только политическим, но и религиозным вождем страны и возьмет себе титул имама, "эмира правоверных".

Наблюдатели расходятся во мнениях, что яв-

ляется причиной внезапного религиозного фанатизма Дж. Нимейри: плохое состояние здоровья и навязчивый страх смерти или же политическая необходимость. Видимо, и то, и другое. Как сказал один египетский политик, президент Судана "использует религию как инструмент для обеспечения своей политической стабильности."

Экономическая ситуация в Судане ухудшилась. На христианском юге вновь начались вооруженные столкновения (в этой части страны с 1955 по 1972 г. шла непрерывная гражданская война, закончившаяся тогда достижением компромисса). Новые действия повстанцев уже парализовали работу нефтепровода из южного Судана к Красному морю. Этот нефтепровод, обошедшийся стране в 900 миллионов долларов, впервые позволил начать экспорт нефти из страны и был главным источником дохода для Судана.

Египетские наблюдатели полагают, что сила Дж. Нимейри сейчас основывается главным образом на поддержке армии и на разобщенности его политических противников. В настоящее время Дж. Нимейри полностью контролирует положение в стране.

* * *

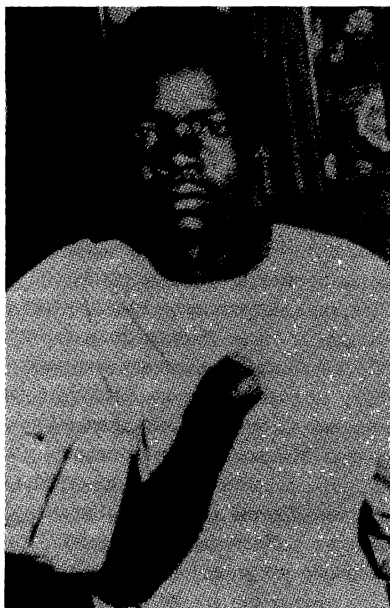
Ниже следует официальный текст сообщения об ампутации рук двух воров — Мохаммеда Салиха Хамида, 21 года, и Мохамеда Яхья эль-Фадилы, 22 лет. За ампутацией, произведенной 9 декабря 1983 г., наблюдало около 3000 зрителей — допускались исключительно мусульмане. Текст сообщения, распространенного правительственным агентством СУНА, дается в сокращении.

"Они сидели по обе стороны ампутационного стола на стульях, вделанных в бетонный пол. Их правые руки по запястьям были забинтованы. Два тюремных санитаров перетянули правые руки осужденных лентой и установили медицинское оборудование, которое должно было остановить кровотечение после ампутации.

После того как санитары измерили кровяное давление, осужденным связали ноги кожаными ремнями и завязали глаза.

Осужденные разговаривали с охранниками и санитарями и время от времени трогали свои забинтованные и анестезированные правые руки.

В 10 час. утра два солдата тюремной охраны в хирургических фартуках, с длинными острыми

Мохамед эль-Фадиль после ампутации

стерилизованными ножами приблизились к осужденным.

Обоих осужденных держали сильные охранники, и оба ампутировали, придерживая ампутируемые руки за пальцы, одновременно быстро и умело отсекали их у запястья.

Операция отсечения заняла около минуты. Никто из осужденных не произнес ни слова, не пошевелился и не вскрикнул.

Так как им была сделана местная анестезия и даны большие дозы успокаивающего, они, очевидно, не чувствовали боли или, по крайней мере, этого не показали.

Ампутаторы сделали свое дело под возгласы одобрения со стороны зрителей, которым они показали отсеченные ими руки.

Были приготовлены двое носилок и после операции отсечения Хамида к ним отнесли, в то время как Эль-Фадиль шел к своим носилкам самостоятельно в сопровождении охранника.

Обоих немедленно отнесли к ожидавшей санитарной машине для оказания первой помощи, а затем отвезли в больницу для дальнейшего лечения.

Отсеченные части рук были сначала подняты высоко в воздух на обозрение публике, а затем были выставлены на некоторое время на столе, пока охранники их не убрали.

Врач, который находился среди официальных лиц, присутствовавших при операции ампутации, сказал, что оба осужденных прошли медицинское обследование, чтобы установить, могут ли они перенести операцию.

Зрители собрались перед тюрьмой с раннего утра и в 9 час. 30 мин. их допустили внутрь посмотреть на ампутацию, ибо ранее было объявлено, что наказания, в соответствии с законом шариата, будут осуществляться публично."

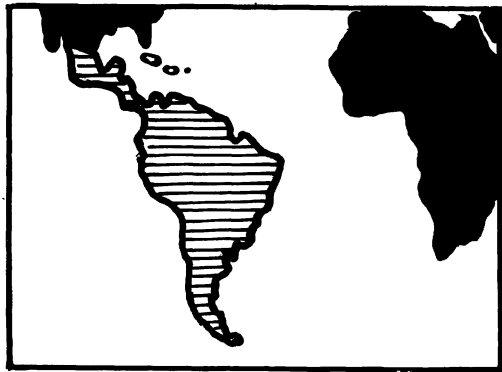

Недавно в юго-восточном Судане в течение четырех дней проходил съезд повстанческих организаций Эритреи. Цель конгресса – постараться преодолеть разногласия между различными повстанческими группировками и наладить сотрудничество в совместной борьбе против правительства Эфиопии, возглавляемого Менгисту Хайле Мариамом.

Повстанческое движение Эфиопии имеет двойственный характер. Во-первых, повстанцы борются против диктаторского марксистско-ленинского режима, который вызывает все большее недовольство населения не только Эритреи, но и самой Эфиопии. Во-вторых, это движение является также и национально-освободительным: большинство эритрейских племен не смирилось с присоединением Эритреи к Эфиопии и добивается создания собственного государства.

Съезд в Судане происходил по инициативе умеренных арабских правительств этого региона, которые обеспокоены возможностью распространения советского влияния из Эфиопии на другие страны. Место, где происходил съезд, сохраняется в тайне: где-то близ эфиопско-суданской границы. В съезде приняли участие около 300 делегатов из четырех враждующих повстанческих группировок. Съезд призвал к "объединению усилий в борьбе против просоветской эфиопской армии", однако практических решений принято не было. Наблюдатели весьма скептически относятся к возможности установления реального делового сотрудничества между различными фракциями повстанцев.

Особое беспокойство участников съезда вызвало строительство советской военно-морской базы на архипелаге Дахлак в Красном море. ●

БОЛИВИЯ: СПОРТ И ЭКОНОМИКА

Кроме СССР и его сателлитов, лишь две страны отказались от участия в летних Олимпийских играх в Лос-Анджелесе: Иран и Боливия. Отношение хомейнистского Ирана к США хорошо известно; но что произошло с Боливией?

Боливийское правительство объявило 2 июня, что национальная олимпийская команда не поедет в США из-за экономических затруднений. Председатель боливийского олимпийского комитета Герман Петерс был чрезвычайно удивлен этим решением и сказал, что поездка 22 спортсменов в США вряд ли могла оказаться тяжелым бременем для национального бюджета.

Тем не менее экономика, тесно переплетенная с политикой, действительно стоит за неожиданным решением Боливии. Всего за несколько дней до своего "олимпийского" решения, 30 мая, правительство пообещало всемогущим боливийским профсоюзам, находящимся под марксистским руководством, что оно приостановит выплату долга в 3,9 млрд. долларов иностранным банкам, прежде всего американским. Этот шаг — не только судорожная попытка спасти распадающуюся экономику, но и жест, демонстрирующий все больший разрыв этой латиноамериканской страны с США.

Нынешнее леворадикальное правительство президента Эрнана Силеса Суасо пришло к власти в результате всеобщих выборов 5 октября 1982 г. Правящая коалиция, возглавляемая самим президентом, Народно-демократический союз, состоит из Боливийской компартии, послушно следующей за КПСС, и двух левых партий, отличающихся друг от друга настолько же, насколько

ко отличаются их названия: Левое революционное движение и Национальное революционное движение левых. Коммунисты имеют в правительстве два портфеля — министра труда и министра горной промышленности.

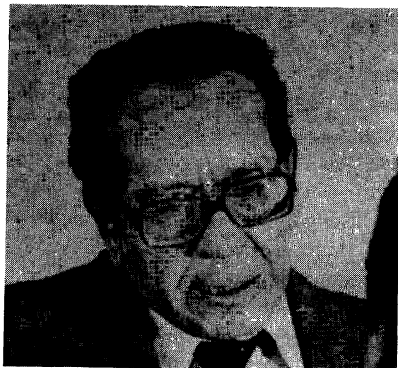
За два года левого правления страна оказалась на грани полного банкротства, пришла к развалу, небывалому даже по латиноамериканским меркам. Инфляция достигла в 1983 г. 328%, и экономисты ожидают, что в текущем году она достигнет фантастической цифры 2000%. В деревне начался голод, 60% последнего урожая было уничтожено засухой. В городах происходят голодные бунты. Торговля почти остановилась; лишь торговцы наркотиками, по-видимому, процветают.

Идя навстречу руководимым коммунистами профсоюзам, правительство установило низкую цену на бензин: 0,75 америк. доллара за галлон. Однако купленный в Боливии бензин немедленно переправляется через границу в Бразилию, где шоферы продают его по 4 доллара 30 центов. Такое же путешествие проделывают автомобильные покрышки. Несмотря на гибель урожая, правительство продолжает поддерживать цены на продовольствие на низком уровне. Населению от этого, однако, не становится легче: продукты скупают спекулянты и переправляют в соседнее Перу, где продают по цене в несколько раз выше.

Несмотря на долг в 3,9 млрд. долларов и пустую казну, президент Суасо по согласованию с профсоюзами увеличил заработную плату на 57%, стремясь подорвать в глазах рабочих позиции своих консервативных критиков. К сожалению, и на повышенную зарплату купить в стране нечего.

В этой ситуации правительство принимает не только экономические меры. В горные и сельские районы отправлено не менее 500 обученных на Кубе так называемых "герильерос", подчиненных непосредственно президенту. Деревню милитаризуют, готовясь к подавлению возможного "правого путча". Шаг за шагом подпадает под советское влияние и армия. В начале этого года в Ла-Пасе появился советский военный атташе — раньше его не было. Он предложил правительству большие военные поставки на выгодных условиях.

На севере страны с благословения коммунистического министра горной промышленности

Президент Боливии Эрнан Силес Суасо

профсоюзные активисты начали захватывать золотодобывающие шахты. Поступают сообщения о стычках между шахтерами и владельцами шахт, с одной стороны, и военизированными отрядами профсоюзов — с другой. Наблюдатели связывают это с желанием правительства пополнить за счет добываемого золота опустевшую казну.

Советское влияние становится все сильнее не только в военной области, но и в экономике. Недавно Советский Союз построил в Боливии и пустил в действие огромный оловоплавильный завод стоимостью 92 млн. долларов. Этот завод в настоящее время потребляет почти 65% всей нефти, добываемой в Боливии. Загрязнение воздуха, создаваемое заводом, так велико, что на полях вокруг него погиб весь урожай и начался падеж скота. Когда советских представителей пригласили, чтобы принять меры, они предложили переместить население в другой район.

В свете всего этого "олимпийское" решение Боливии кажется не столь уж неожиданным. Экономика — экономикой, но и о политических союзниках надо не забывать.

Несмотря на такую позицию Боливии, США продолжает поддерживать правительство Суасо как избранное демократическим путем. Посол США в Ла-Пасе Эдвин Корр несколько раз даже участвовал в предотвращении антиправительственных путчей. ●

ОРУЖИЕ ДЛЯ НИКАРАГУА

Последняя поставка советского оружия в Никарагуа почти удвоила танковые силы сандинистского правительства. В середине июня в атлантический порт Эль-Блафф, близ г. Блуфилдс,

прибыло болгарское грузовое судно. Оно разгрузило в порту 40 советских танков Т-54/55 и примерно столько же броневиков. Этих танков достаточно для вооружения двух батальонов.

Это пятое болгарское судно с оружием, пришедшее в никарагуанский порт за последние 18 месяцев. 13 марта другое болгарское судно доставило в Эль-Блафф советские танки-амфибии ПТ-76. Эти танки очень удобны в болотистых и пересеченных реками районах, где действуют антисандинистские повстанцы. Сандинистам направлено также более 100 переносных ракетных установок СА-7 с радиусом действия 5 км. Установки, снабженные ракетами земля—воздух, предназначены для борьбы с вертолетами и малыми самолетами, которые снабжают повстанцев оружием и продовольствием.

Сандинистское правительство заканчивает также строительство 4-километровой посадочной полосы в Пунта-Уэта через озеро Манагуа вплоть до столицы. После введения в строй этой полосы на ней смогут приземляться любые самолеты с советских авианосцев. Общая конфигурация взлетной полосы, радарное и иное оборудование совершенно аналогичны тому, что можно видеть на кубинских аэродромах, принимающих советские МИГи. Собственных МИГов Никарагуа пока не имеет, но 33 никарагуанца, обученные в Болгарии, уже проходят летную практику на Кубе, а еще 70 сейчас обучаются в СССР. От Кубы до Никарагуа — час летного времени.

В Никарагуа вступил в действие закон об обязательной воинской повинности. Юноши в возрасте от 17 до 25 лет призываются на действительную военную службу, мужчины от 25 до 39 лет зачисляются в резервисты. Закон этот принят вопреки оппозиции католической церкви.

В июне сандинистский лидер Даниэль Ортега посетил Москву, добиваясь еще большей военной помощи. Он был тепло принят К. Черненко. Однако пока неясно, что именно пообещал вождь советских коммунистов вождю никарагуанскому.

Тем временем правительству США никак не удается добиться от Конгресса одобрения расходов на помощь антисандинистским повстанцам. Законопроект пока застрял в согласительном комитете Сената и Палаты представителей. Последняя решительно противится какому-либо дополнительному финансированию повстанцев. А нет денег — нет и оружия... ●

35 ЧАСОВ В НЕДЕЛЮ

НАКАЛ СТРАСТЕЙ

В мае 1984 г. в Западной Германии начались забастовки рабочих-печатников и металлистов, быстро распространившиеся почти на всю территорию страны. Надо сказать, что забастовки в ФРГ — вообще явление нечастое, а забастовки такого масштаба — уникальное.

Забастовки были начаты в поддержку требований профсоюзов о введении 35-часовой рабочей недели при сохранении прежней зарплаты (сейчас рабочая неделя в ФРГ — 40 час.). Руководители профсоюзов утверждают, что это приведет к сокращению количества безработных в стране, которое в настоящее время довольно велико и составляет около 9% всего трудоспособного населения.

Говоря о безработице в ФРГ, как и в большинстве других развитых стран Запада, необходимо пояснить, что скрывается за подчас крайне высокими процентами незанятости. Безработица в таких странах имеет прежде всего структурный характер: это безработица среди лиц определенных профессий, на которые в данный момент на рынке труда нет спроса, либо же среди лиц без всякой квалификации вообще. Когда специалист в определенной области, скажем, автомеханик ищет работу, то он ищет работу именно автомеханика или близкую к ней, и никто не вправе послать его, например, убирать улицы или работать грузчиком. Такой человек имеет право оставаться безработным и получать от государства полагающееся ему пособие, соответствующее его квалификации. Пособие это, кстати, отнюдь не мало: сначала оно почти не уступает полной зарплате специалиста и лишь постепенно снижается (эта система заслуживает отдельного описания).

Безработный, таким образом, — это отнюдь не умирающий с голоду человек, и проблемы, с которыми он сталкивается, скорее социально-психологического, чем экономического порядка. Тем не менее высокий процент безработицы тревожит политиков: очень часто рост или падение этого процента является в глазах избирате-

лей показателем дееспособности правительства, его умения контролировать экономическую конъюнктуру в стране.

Западногерманские профсоюзы, традиционно связанные с социал-демократами, критикуют политику нынешнего коалиционного правительства, состоящего из христианских демократов и либералов. Основная объявленная профсоюзными лидерами цель забастовок выходит далеко за рамки обычной борьбы за улучшение условий труда и имеет уже *политический* характер. Обычно в ФРГ профсоюзам и работодателям удается договориться довольно легко и без применения средств нажима. И если теперь работодатели отказываются идти на уступки, то это объясняется тем, что требования профсоюзов далеко не во всем обоснованы и выполнение их рискует не только не улучшить, но даже ухудшить общее экономическое положение в стране.

Нет сомнения, что сокращение рабочего дня у тех же металлистов могло бы дать какое-то количество дополнительных рабочих мест. Но сохранение прежней зарплаты в теперешних неблагоприятных условиях — требование настолько нереальное, что даже рабочие, участвующие в забастовках, понимают, что безработица при этом не уменьшится, ибо это приведет к удорожанию производства и снизит конкурентоспособность западногерманской индустрии.

Предприниматели указывают также, что с введением 35-часовой рабочей недели рабочие места действительно освободились бы, но 60% мест квалифицированных специалистов некому было бы заполнить, так как подавляющее большинство безработных в ФРГ — неквалифицированные рабочие или женщины. Значит, сокращение рабочей недели приведет лишь к дальнейшему спаду производства, а это не будет способствовать борьбе с безработицей.

Предприниматели считают, что сокращение рабочего дня осуществимо лишь в немногих отдельных случаях. На тех предприятиях, где это было возможно, такие договоры уже подписаны.

В ряде мест заключены также и договоры о досрочном выходе на пенсию некоторых категорий трудящихся, чтобы освободить рабочие места для молодежи. Профсоюзы отвергают такой компромиссный и нерешительный подход, обвиняя работодателей в лицемерии и лжи. Они настаивают на радикальном решении вопроса и расширяют забастовки. Предприниматели начали отвечать на забастовки локаутами. Борьба приобрела эмоциональный характер, и целью ее стало не достижение компромисса, а полная победа одной из сторон. Создавшееся положение опасно для экономики всей страны, так как законодательство о трудовых соглашениях позволяет обеим сторонам вести длительную борьбу и наносить друг другу тяжелые удары, о чем и предприниматели, и профсоюзы прекрасно знают. При подобном эмоциональном обострении конфликта может случиться, что компромисс будет достигнут лишь тогда, когда обе стороны изнемогут в борьбе.

КРАТКО ОБ ИСТОРИИ НЕМЕЦКИХ ПРОФСОЮЗОВ

Немецкие профсоюзы никогда не были "революционными", что объясняется специфическими условиями их возникновения. Индустриализация Германии была не стихийным процессом, а скорее государственным мероприятием, и не повлекла за собой быстрой демократизации политической жизни, как это было в других странах

Западной Европы. Возникшие после революционных событий 1848 г. социалистические боевые рабочие объединения серьезной поддержки среди рабочих не получили, так как государство само сравнительно рано взялось за проведение социально-политических мероприятий, в том числе и за регулирование условий труда.

В годы правления Бисмарка, точнее, в 1878 г. был издан и позже неоднократно продлевался так называемый "исключительный закон против социалистов", запрещавший им какую бы то ни было политическую деятельность и существенно ограничивший этим радикализацию профсоюзов. Одновременно Бисмарк начал усиленно проводить прогрессивное социальное законодательство: в 1870—1890 гг. были, в частности, приняты законы об обязательном медицинском страховании, о пенсионном обеспечении и многие другие. В результате этого структура трудовых отношений изменилась настолько, что рейхстаг смог в 1890 г. отказаться от продления "исключительного закона". Отмена закона не привела к возрождению революционности профсоюзов. Они стали успешно добиваться улучшений и реформ непосредственно от государства, а не путем заключения отдельных коллективных договоров с работодателем. Таким образом, прогрессивная социальная политика государства с самого начала лишила профсоюзы важного стимула для радикализации их борьбы.

“Исключительный закон” Бисмарка не запрещал, однако, деятельности тех левых профсоюзов, которые отвергали классовую борьбу и хотели быть лишь силой, корректирующей недостатки капитализма. Кроме этих профсоюзов, в которых ощущалось влияние социалистов, в Германии того времени существовали христианские профсоюзы, также стремившиеся к изменению социального и экономического порядка не революционным путем, а посредством реформ. Они исходили из того, что профсоюзы должны нести ответственность за все общество и в своей деятельности руководствоваться общим благом. И по сей день чувствуется, насколько велико их влияние на рабочее движение. Имелись также и либеральные профсоюзы, добивавшиеся в первую очередь контроля над рынком труда. Но они серьезного влияния на развитие современных профсоюзов не оказали.

В 1891 г. производственные профсоюзы Германии насчитывали уже 300 000 членов, а к 1913 г. в профсоюзах состояло более 3 миллионов — примерно одна треть всех промышленных рабочих.

После ноябрьской революции 1918 г., в которой решающую роль сыграли социал-демократы, был проведен ряд важных реформ: введен восьмичасовой рабочий день, законом были предусмотрены обязательные коллективные договоры между профсоюзами и работодателями. В области политической — было введено всеобщее, равное и тайное голосование. Однако социал-демократы и склоняющиеся к ним профсоюзы к более глубоким революционным преобразованиям не стремились. Их идеалом была и оставалась парламентская демократия. Основанное в 1919 г. Всеобщее немецкое объединение профсоюзов (идея такого объединения возникла еще в 1892 г.) довольствовалось своим влиянием на социальную и экономическую политику правительства и на передний план выдвигало принцип экономической демократии.

Следует отметить, что профсоюзное движение в Германии и вообще движение рабочих за экономические права в этой стране шло одним путем с политическим движением социал-демократов лишь до тех пор, пока рабочим приходилось бороться за свои основные гражданские права. По мере того, как происходило экономическое развитие страны, повышался жизненный уровень, профсоюзы стали все более прагматически-

ми средствами добиваться улучшения условий труда и уклоняться от прямого участия в политической борьбе. Так, уже в 1905 г. немецкие профсоюзы категорически отказались участвовать в массовых забастовках, к которым тогда призывала социал-демократическая партия. Социал-демократическая партия и профсоюзы снова сблизились лишь после Второй мировой войны, когда горький опыт Веймарской республики сделал социал-демократическую партию более умеренной.

В 1945 г. началось восстановление немецких профсоюзных организаций, прекративших свое существование в 1933 г. с приходом к власти национал-социалистов (они были заменены тогда так называемым единым “Немецким трудовым фронтом”, руководимым гитлеровцами). В конце 40-х годов было основано Немецкое объединение профсоюзов, охватившее 16, а потом 17 производственных профсоюзов. Примерно тогда же были созданы Немецкий профсоюз служащих и Немецкий союз чиновников, а также Христианское профсоюзное объединение ФРГ, которое, однако, просуществовало недолго, слившись с Всеобщим немецким объединением профсоюзов.

Принятая в 1949 г. Основная программа Немецкого объединения профсоюзов отражала стремление некоторых профсоюзных лидеров к антикапиталистическим реформам. Но Программа действий 1955 г. уже имеет чисто прагматический характер, в ней нет и намека на необходимость изменения существующего строя. Профсоюзы вновь стали воздерживаться от активного участия в политике.

Главным в их деятельности стал вопрос о представительстве рабочих на предприятиях, их участии в управлении предприятиями. Традиция рабочих советов на промышленных предприятиях в Германии едва ли не старше самих профсоюзов, и профсоюзы долгое время видели в рабочих советах своего рода конкурирующие организации. Уничтоженные было в гитлеровское время советы были вновь введены законом в 1952 г. Тогда же были учреждены наблюдательные советы компаний и фирм, состоящие на одну треть из представителей работающих. Затем, в 1976 г., был принят закон о равенстве труда и капитала на предприятиях.

Другим важным направлением деятельности профсоюзов стал контроль за тем, чтобы зарплата рабочих росла в соответствии с ростом

доходов предприятий. Основная программа Немецкого объединения профсоюзов 1963 г. закрепила тенденцию к отказу от идеологически мотивированной деятельности и подтвердила готовность профсоюзов к активному сотрудничеству в рамках *социально-правового государства*, провозглашенного Конституцией ФРГ.

РОЛЬ ПРОФСОЮЗОВ В ФРГ

Так исторически сложилась характерная особенность немецких профсоюзов: они добиваются своих целей не столько путем переговоров с отдельными предпринимателями, сколько при посредстве государства, оказывая влияние на законодательство и политику. Однако государство в ФРГ по Конституции играет роль нейтрального блюстителя интересов всего общества и в случае возникновения реальной угрозы обществу имеет право (и обязано) вмешаться с целью примирения социальных антагонистов. Право выступать в случае конфликта в качестве заинтересованной стороны за государственными органами не признается. Иными словами, вмешиваться в споры между профсоюзами и работодателями государству не положено.

Но на практике все не так просто. Что значит для государства быть "незаинтересованной стороной" в плюралистическом демократическом обществе, когда у власти одна партия сменяет другую? Совершенно естественно, что социал-демократическая партия, оказавшись у власти, покровительствовала профсоюзам – во имя общественного блага, как она утверждала. Но ничего не удивляет и то, что христианско-демократическая партия, ныне находящаяся у власти, склоняется – разумеется, ссылаясь на интересы общества, – на сторону работодателей, что ей вменяют теперь в вину как оппозиция, так и профсоюзы.

Так что понимание "интересов общества" профсоюзами и государством не всегда совпадает. В 50-е и 60-е гг., во времена так называемого экономического чуда, активно заниматься политикой профсоюзам было ни к чему. Успехи профсоюзов были настолько огромны, что достаточно было лишь контролировать проведение в жизнь всего того, чего они уже достигли законодательным путем. Но это в принципе могло делаться и само государство, так что профсоюзы при

этом стали чуть ли не лишними.

Положение стало меняться в 1967 г., когда начался первый спад экономической конъюнктуры. Однако вскоре после этого (в 1969 г.) к власти пришла социал-демократическая партия, которая предпочла мириться с ухудшением экономического положения страны, лишь бы не жертвовать социальными достижениями общества. Сейчас, когда у власти вновь находятся христианские демократы, позиция правительства изменилась.

Совершенно естественно, что политизация профсоюзов происходит именно теперь, когда наблюдается экономический спад и дает себя чувствовать отчасти связанная с ним безработица. Авторитет подозреваемой в симпатиях к работодателям коалиции христианских демократов и либералов руководство профсоюзов подрывать не только не боится, но даже хочет этого. Профсоюзы вряд ли будут шадить тот небольшой подъем экономической конъюнктуры, который наметился после ухода социал-демократов от власти, как бы об этом ни просило правительство. Профсоюзы боятся, что правительство будет выправлять экономическое положение, частично жертвуя социальными достижениями. Они готовы не только защищать, но и добиваться их расширения. Требование 35-часовой рабочей недели – шаг в этом направлении.

Однако это отнюдь не означает, что профсоюзы намеренно станут разрушать экономику страны. Говоря об этом, надо коснуться "правил игры" социальных партнеров.

ЗАБАСТОВКИ И ЛОКАУТЫ

Забастовки по экономическим причинам разрешены Конституцией ФРГ, хотя о них сказано, что они нежелательны, так как подрывают экономику страны. Желательно, наоборот, чтобы "социальные партнеры" – профсоюзы и работодатели – пришли к компромиссу на основе коллективного договора. Достижение компромисса является конечной целью и в тех случаях, когда рабочим приходится прибегать к забастовке как средству давления, если в ходе переговоров соглашение не было достигнуто. Но бастовать закон не рекомендует, прежде чем не испробованы все возможности мирного соглашения.

Сложнее обстоит дело с локаутom. Локаут – весьма действенное оружие, задевающее интере-

сы всех рабочих предприятия, как бастующих, так и тех, которые бастовать не хотят. Поскольку рабочим в случае локаута пособие по безработице не полагается, локаут ложится тяжелым бременем на стачечные кассы профсоюзов (которые выплачивают всем бастующим среднюю зарплату), ибо от профсоюзов уже не зависит решение о том, когда приступить к работе, а их финансовые возможности, как бы они ни были велики, имеют свои пределы. В еще худшем положении оказываются рабочие, не состоящие в профсоюзах. Они могут рассчитывать только на пособие по линии социального обеспечения, осуществляемого муниципалитетами.

Конституции некоторых федеральных земель локауты запрещают. Конституция ФРГ их просто не упоминает, не запрещает, но и право на них прямо не подтверждает. Разногласия, возникшие в связи с этим, настолько велики, что этим вопросом пришлось заняться судам по разбору трудовых конфликтов.

Еще более серьезное оружие – так называемый “холодный” локаут. Им могут пользоваться те предприятия, где возникла нехватка частей и материалов вследствие забастовки рабочих смежных отраслей. Так например, в результате забастовки металлистов стал ощущаться недостаток необходимых деталей в автомобильной промышленности (забастовками не охваченной). Если завод вынужден остановить производство из-за забастовок на предприятиях-субподрядчиках, то рабочие этого завода не получают ни зарплаты, ни пособия по безработице, и даже членам профсоюзов стачечная касса не обязана помогать. Опять-таки им остается лишь социальное пособие, значительно более низкое, чем пособие по безработице.

Поэтому локаут – не только средство защиты работодателей от непомерного финансового ущерба, но и наступательное оружие, которое дает им возможность расширять и обострять борьбу.

Реакция на локаут зависит от настроения рабочих. Если рабочие убеждены в целесообразности требований профсоюзов, локаут может обернуться для работодателей бумерангом. Если же рабочие бастуют скорее из чувства солидарности с профсоюзными руководителями, что случается довольно часто, то локаут – лучшее средство настроить рабочих против своих собственных профсоюзов. Истощение стачечных касс и отсут-

ствие моральной поддержки рабочих в таком случае принудит профсоюзных боссов к капитуляции.

И в нынешней ситуации не исключено, что произойдет именно это. Поскольку безработица, из-за которой возник конфликт, тесно связана с последствиями технической революции, большинству рабочих понятно, что одним сокращением рабочего дня тут не поможешь и что для ликвидации безработицы требуются и средства, и время (например, на переквалификацию рабочих и пр.). Без общего экономического подъема достигнуть этого невозможно. Поставленная профсоюзами цель – сокращение рабочей недели до 35 час. – в принципе встречает одобрение значительной части общества, но немедленно осуществить это едва ли возможно. Сокращение рабочего времени может производиться только поэтапно и с оглядкой на конкурентов Федеративной республики – на другие индустриальные державы мира. Рабочие ФРГ гораздо менее политизированы и более трезвы, чем руководители их профсоюзов. Для них зарплата важнее идеологии: вряд ли они согласятся и на уменьшение зарплаты при сокращении рабочего дня, хотя бы и ради того, чтобы помочь обеспечить рабочие места своим безработным коллегам.

Нынешний трудовой конфликт – самый серьезный конфликт в Германии за последние 6 лет – уже нанес экономике страны серьезный ущерб. Обе стороны несут тяжелые потери, и необходимость достижения компромисса – в традициях германских трудовых отношений – ощущается обеими сторонами.

20 июня в Людвигсбурге под Штуттгартом начались посреднические переговоры, на которых председательствует ветеран профсоюзного движения, бывший министр обороны Георг Лебер. Можно надеяться, что соглашение рано или поздно будет достигнуто – и не только потому, что та или иная сторона полностью исчерпает свои силы в борьбе. ●

Е. Фишер

В последнюю минуту: когда этот номер готовился к печати, пришло сообщение о том, что достигнуто соглашение между профсоюзами и предпринимателями о постепенном введении 38,5-часовой рабочей недели. 40-часовой барьер сломан. Одновременно немного повышается зарплата.

ДАТСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В предыдущем номере нашего журнала сообщалось о странной забастовке, потрясшей Данию в мае этого года. Забастовка началась из-за того, что один водитель автобуса в Копенгагене отказался вступить в профсоюз. Профсоюзы в Дании "унитарные": в каждой отрасли есть один единственный профсоюз, и только он уполномочен заключать коллективные договоры с работодателями. Все датские профсоюзы – социал-демократические. Шофер Пер Брандт и несколько его товарищей возмутились такой монополией и решили нарушить традицию, организовав независимое профобъединение. Профсоюз работников городского транспорта, охраняя единство рядов, вознамерился либо вернуть отщепенцев в свое лоно, либо добиться их увольнения. Однако закон не разрешает увольнять работника государственного или коммунального предприятия за выход из профсоюза, и пришлось пойти по необычному пути – объявить забастовку.

Четырнадцатого мая пикеты блокировали выезды из гаражей. Транспорт был парализован. Постепенно забастовка перекинулась на другие предприятия; другие профсоюзы – тоже унитарные – понимали, что, солидаризируясь с транспортниками, они защищают свою монополию. Иногда пикетчики даже останавливали электропоезда. Письма и газеты не доставлялись по назначению, не работали бензоколонки, почти две недели из столицы не вывозился мусор. В целом от забастовки страдали главным образом малообеспеченные слои населения; те, кто побогаче, ездили на работу в собственных машинах. Из Риггсгоспиталя – одной из крупнейших больниц – пришлось выпisać около трети пациентов, так как забастовали санитары.

Положение становилось критическим. В городе могли иссякнуть запасы продовольствия и бензина. Забастовщики угрожали блокировать аэропорт и паромные переправы (Копенгаген расположен на острове). И городской совет – по инициативе социал-демократов – капитулировал: мятежные водители были уволены из-за "неспособности сработаться с коллективом" (есть такой пункт в датском трудовом законодательстве).

Разумеется, каждому из уволенных положено пособие по безработице. Кроме того, они получают возмещение в размере полутрехгодовой зарплаты. Но пострадавшие хотят получить через суд более значительную компенсацию: несколько миллионов крон каждому. Министр труда, в свою очередь, возбудил иск против городского совета, требуя восстановления водителей на

работе. Юридическое разбирательство продлится, надо думать, долго.

Забастовка кончилась 26 мая, но страсти еще не улеглись.

Лидеры профсоюзов и социал-демократическая партия торжествуют: рабочее движение победило, раскольники посрамлены. Другие "рабочие" партии (те, что левее социал-демократов) в общем согласны с этим, но критикуют профсоюзы за бюрократизм и претендуют на свою долю профсоюзных взносов, которые сейчас стекаются в кассу социал-демократов.

Многие, однако, считают, что с профсоюзной монополией в стране пора покончить. Они резко осуждают "профсоюзную диктатуру", возмущены террором пикетчиков против населения.

Что же победило в этой демократической стране: право или сила? Ваш корреспондент встретился с депутатом парламента от социал-демократической партии, бывшим министром по делам налогов М. Люккетом, чтобы выяснить его точку зрения по этому вопросу. Вот краткое содержание нашей беседы.

Корр.: Возможны ли юридически свободные профсоюзы в Дании?

Люккет: Профсоюзы в Дании свободны. Наши профсоюзы входят в Международную конфедерацию свободных профсоюзов.

Корр.: Возможны ли альтернативные профсоюзы?

Л.: Юридически возможны, но мы, социал-демократы, будем против этого бороться. Появление параллельных профсоюзов ослабило бы борьбу трудящихся.

Корр.: Некоторые считают лицемерием, когда датские социал-демократы защищают польскую "Солидарность" и одновременно выступают против свободных профсоюзов в Дании.

Л.: Повторяю, наши профсоюзы свободны.

Корр.: Есть мнение, что увольнение шоферов за их отрицательное отношение к профсоюзу равносильно "запрету на профессии", против которого борются социал-демократы во многих странах.

Л.: Это не запрет на профессии. Водители уволены за невозможность сработать.

Корр.: Но ведь такое увольнение было незаконно?

Л.: Пожалуй. Но они получают компенсацию.

Корр.: Вернемся к вопросу о правовом государстве. Конечно, есть страны, где абстрактные принципы ставятся выше закона: религия (например, ислам) или национальный принцип, в моей стране – "строительство коммунизма". Но

Дания — правовое государство. Что же вы, социал-демократы, ставите выше: право или принцип классовой солидарности?

Л.: Мы одинаково ценим и то, и другое. Я повторю: движение против раскольников развивалось стихийно, оно не находилось под нашим контролем. Но мы не позволим ослаблять классовую солидарность.

Корр.: Что случится, если и дальше рабочие будут покидать ваш профсоюз?

Л.: Я надеюсь, что этого не произойдет. Более того, я уверен в этом. Разве что единицы...

* * *

Считается, что классическая страна безработных — США. Удобней, однако, рассмотреть проблему безработицы на примере малой европейской страны — скажем, Дании, — тем более, что уровень занятости в этой стране не выше, чем в Соединенных Штатах. В 1983 году почти каждый датчанин трудоспособного возраста какое-то время не работал.

В советской печати принято противопоставлять социалистическую плановую экономику, где с безработицей покончено (каким образом это было достигнуто — вопрос особый), экономике капиталистической. Здесь армия безработных, очевидно, главное и неустраимое зло. (Раньше писали об "эксплуатации трудящихся", но эксплуатация и безработица мало совместимы, поэтому приходится нажимать на безработицу как явление, которое подрывает якобы первостепенное для каждой человека "право на труд".) В газетах вскользь упоминается о пособиях по безработице на Западе; говорится о нищенских суммах, "мизерных подкачках" и т.п. Посмотрим, что происходит в действительности.

Маленькая Дания тратит на пособия по безработице большую часть своего бюджета — около 17 миллиардов крон; это вдвое больше, чем расходы на оборону (напомним, что Дания — член НАТО). Пособие составляет около 90% зарплаты. Другими словами, если завтра меня уволят с работы, я буду получать лишь на одну десятую меньше того, что получал, когда работал. Это может продолжаться два года, после чего местные власти обязаны подыскать мне временную работу (по моей специальности или близко к ней) на семь месяцев. В эти месяцы я буду получать свою обычную зарплату. Затем, если мне все же не удастся закрепиться на работе, — снова пособие и так далее. Не исключено, что мне подыщут постоянную работу, но если она меня почему-либо не устраивает, я могу от нее отказаться. После двух отказов ко мне присмотрятся внимательней, и если мотивы отказа будут сочтены неуважительными, то я рискую оказаться в "карантине". Это значит, что на четыре недели я ли-

шусь всякого пособия, после чего все станет снова на свои места.

Работа подыскивается по специальности. Безработному журналисту или библиотекарю не придется в голову искать себе место на стройке (тем более, что и среди строителей есть безработные) или, допустим, в управлении по очистке города (мусорщики — это государственные служащие и в качестве таковых пользуются определенными привилегиями, да и работа их отнюдь не считается "черной"). Он будет ждать, когда ему подвернется (или будет предложена) работа по профессии. Наряду с этим существуют многочисленные бесплатные курсы для желающих освоить новую специальность; многие используют эту возможность.

В датской прессе все чаще появляются статьи, порицающие создавшееся положение, при котором у безработного зачастую нет стимула искать работу или открывать собственное дело. Среди моих знакомых есть несколько безработных, вполне довольных своим положением. Похоже, что они вовсе не торопятся искать себе работу. Их материальное положение, в сущности, не хуже, чем у работающих. Как и трудящиеся, — и даже чаще, чем трудящиеся, — они имеют возможность провести неделю-другую на отдыхе (если это слово уместно в их положении) у моря — в Греции или в Испании. У безработных в Дании, как и в других странах, есть свои объединения, клубы, кружки. Нет, правда, собственно "профсоюза безработных" (хотя вопрос об этом ставится), так как безработный числится в профсоюзе, где он состоял, когда работал.

Разумеется, мне не хотелось бы, чтобы у читателя в Советском Союзе сложилось впечатление, что безработица — синоним райской жизни. Дания в этом смысле — пример выдающийся. Высокий и совершенно немислимый для стран так называемого реального социализма уровень социального обеспечения характерен для скандинавских стран, Западной Германии, отчасти Австрии. Положение в других развитых странах и особенно в США требует особого рассмотрения. Здесь мы хотели бы обратить внимание на то, что незанятость, вообще говоря, не означает необеспеченности; однако безработица — проблема в такой же мере психологическая, как и социально-экономическая. "Просыпаюсь утром, — писал один безработный в датской газете, — на работу идти не надо. Смотрю в окно — все идет по делам, а мне что делать? Начинаешь чувствовать себя неполноценным. Заниматься домашней уборкой неохота. Апатия."

В справочнике "Кто? Что? Где?", ежегодно выпускаемом в Копенгагене, указывается, например, что снижение дохода у безработного по сравнению с работающим приводит к тому, что безработному, возможно, придется продать свой автомобиль. Однако при обследовании безработных, результаты которого опубликованы в этом

же справочнике, две трети опрошенных заявили, что психологические последствия безработицы хуже, чем материальные. При этом одни считают, что худшее в их положении – это утрата контакта с товарищами по работе, для других главное несчастье – скука.

Но отчего же человек, избавившийся от работы – часто неинтересной, однообразной, отупляющей, – отчего он скучает? Ведь к его услугам бесплатные библиотеки, музеи или, скажем, спортивные площадки и плавательные бассейны, где плата за вход часто символическая. Существуют многочисленные курсы для взрослых, где можно научиться иностранным языкам (для безработных часто – бесплатно), игре на музыкальных инструментах, рисованию, медитации, индийской йоге и мало ли еще чему. Наконец, есть широкая возможность политической деятельности, и я знаю многих безработных активистов различных политической партий и движений. Эти люди нередко заняты по горло, куда больше, чем работающие – своей работой.

Если, однако, большинство безработных все-таки не знает, чем себя занять, то это происходит оттого, что сознание современного человека еще не готово к социальным и политическим переменам конца нашего столетия. На Западе много говорят о том, что безработица среди молодежи порождает преступность. Ссылаются, например, на рост преступности в Англии и Дании, где в последние годы выросло и число безработных. Это утверждение нельзя считать научно обоснованным: в той же Дании безработные не составляют большинства осужденных за преступления.

Однако безработица в развитых странах Запады по-прежнему рассматривается как социальное зло. Предлагают различные способы борьбы с этим злом. Некоторые датские экономисты предлагают сократить пособия по безработице, чтобы заставить безработного активнее искать применения своим способностям. Нельзя допускать, говорят эти специалисты, чтобы у людей вырабатывалась привычка жить за счет государства. Профсоюзы выдвигают требование сократить рабочую неделю до 35, а то и до 30 часов, но с тем, чтобы зарплата трудящихся осталась прежней. Тогда, дескать, и работающие не понесут ущерба, и для безработных появятся рабочие места. Многие предприниматели согласны сократить рабочий день, но без этой компенсации, то есть без увеличения почасовой зарплаты. Однако часть экономистов склонна полагать, что сокращение рабочего дня – не выход из положения. Они указывают на Швейцарию, где существует 44-часовая рабочая неделя, а количество безработных ничтожно.

Особое место в этом споре занимают философы и социологи, все больше склоняющиеся к мысли о том, что самые понятия труда и досуга должны быть пересмотрены. В обществе должно возникнуть новое понимание досуга

как активной деятельности. Характерен заголовок одной из статей в датской газете "Политикен": "Безработица может быть творческой". В статье, в частности, говорится о том, что время, отдаваемое непосредственно труду, становится все короче, удлиняется время учебы, и люди раньше, чем прежде, уходят на пенсию. "Свободное время драгоценно не только как отдых от работы, – пишет другая газета, "Информасьон". – Каждому ясно, что возможностей для творческой, политической, культурной деятельности куда больше у тех, кто имеет больше свободного времени: у студентов, у безработных". Не правда ли, это почти буквальное повторение слов Маркса о том, что главное богатство человека – его свободное время.

Мало-помалу и профсоюзы отходят от традиционного требования стопроцентной занятости. Не так давно лидер британских тред-юнионов Лен Мэррей заявил в интервью газете "Гардиан", что полная занятость не должна быть главной целью профсоюзного движения. Более того, сказал он, полная занятость нежелательна и, во всяком случае, не является необходимостью. Впрочем, в Дании профсоюзные лидеры пока не разделяют эту точку зрения. Думаю, что и далеко не все безработные присоединятся к ней.

Вернемся к вопросу о "подкачках", как именуют советские публицисты пособия по безработице и другие выплаты неработающим на Западе. Несколько лет назад в Дании вышла книга под названием "Восстание из центра", написанная тремя авторами – людьми, известными в стране; один из них философ, другой писатель, третий – депутат парламента. Вокруг нее до сих пор кипят споры, издается даже особый журнал, где обсуждаются идеи этой книги. Авторы выдвинули целую программу социально-экономических реформ. В частности, они предлагают ввести так называемую "гражданскую зарплату", которую должны получать все трудоспособные граждане королевства независимо от того, работают ли они или числятся безработными. Пусть человек сам выбирает свой стиль жизни. Тем, кто решит работать по найму, будет выплачиваться надбавка к единой гражданской зарплате. По мысли авторов книги, должна быть обеспечена свобода выбора, никого нельзя обречь на безработицу, но нельзя никого и заставлять работать.

Кстати, молодым людям, окончившим школу, но не нашедшим работу, уже сейчас выдается в Дании нечто вроде государственной зарплаты, причем те, кто ведет самостоятельную жизнь, получают несколько больше тех, кто живет с родителями. ●

Борис Вайль

"ОГОЛТЕЛЯЯ ШОВИНИСТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА ПРОТИВ РОССИИ"

Ленин против К. У. Черненко

Прогрессивная, передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе...

Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия...

Война передовой страны с отсталой сыграла и на этот раз, как неоднократно уже в истории, великую революционную роль.

...борьба начата нешуточная, борьба с 50-миллионным народом, который превосходно вооружен, превосходно подготовлен к войне, который борется за действительно необходимые, в его глазах, условия свободного национального развития. Это будет борьба деспотического и отсталого правительства с политически свободным и культурно быстро прогрессирующим народом...

Из-за чего же борется теперь не на жизнь, а на смерть русский рабочий и крестьянин с японцами? Из-за Маньчжурии и Кореи, из-за новой земли, захваченной русским правительством, из-за "Желтороссии"... Царское правительство настолько уже зарвалось в своей политике военных приключений и грабежа соседних стран, что идти назад оно уже оказалось не в силах. В "Желтороссии" настроены крепости и гавани, проведена железная дорога, собраны десятки тысяч войска...

Возвращение Порт-Артура Японией есть удар, нанесенный всей реакционной Европе...

Военный удар непоправим. Решен вопрос о преобладании на море, — главный и коренной вопрос настоящей войны. Русский тихоокеанский флот, вначале бывший не менее, если не более, сильным чем японский, уничтожен окончательно...

Теперь и последняя ставка побита. Этого ожидали все, но никто не думал, чтобы поражение русского флота оказалось таким беспощадным разгромом. Точно стадо дикарей, армада русских судов налетела прямоком на великолепно вооруженный и обставленный всеми средствами новейшей защиты японский флот...

Русский военный флот окончательно уничтожен. Война проиграна бесповоротно.

В Японии готовится очередная провокационная затея. 26 и 27 мая в г. Кагосиме намечено провести прием и военноморской парад в связи с 50-летней годовщиной со дня смерти адмирала Того, командовавшего японским флотом в Цусимском сражении 1905 года, и в связи с 80-й годовщиной "великой победы японского флота в войне с Россией"...

Такие акции могли оказаться возможными в нынешней Японии только в силу того, что определенными кругами, в том числе правительством, насаждаются в стране шовинистические, реваншистские настроения, ведется активная подготовка милитаризации страны, культивируются чувства вражды к России, Советскому Союзу, его народу...

"Японский милитаризм, — заявил товарищ К. У. Черненко, — уже не раз обнаруживал свое экспансионистское, колонизаторское нутро, не раз развязывал войну".

Эти слова имеют прямое отношение к спиритическому сеансу в Кагосиме.

За победой в Цусимском проливе последовала колонизация Кореи, захват Маньчжурии и, наконец — фронтальное вторжение в Китае...

Так о чем же хотели бы напомнить японской общественности те, кто вознамерился вызвать из небытия дух адмирала Того? В ночь на 9 февраля 1904 года японский флот под командованием этого адмирала вероломно атаковал русскую эскадру, стоявшую на рейде Порт-Артура. Два броненосца и один крейсер были выведены из строя. Одновременно в порту Чемульпо подверглись нападению крейсер "Варяг" и канонерка "Кореец". Они приняли неравный бой и были потоплены своими экипажами...

...эскадре Рождественского остается только позорно вернуться вспять, после бесполезной затраты новых миллионов, после великой победы грозных броненосцев над английскими рыбацкими лодками...

Великая армада, — такая же громадная, такая же громоздкая, нелепая, бессильная, чудовищная, как вся Российская империя, — двинулась в путь, расходуя бешеные деньги на уголь, на содержание, вызывая общие насмешки Европы, особенно после блестящей победы над рыбацкими лодками, грубо попирая все обычаи и требования нейтралитета.

Вполне понятно поэтому, что наиболее последовательные и решительные представители революционной международной социал-демократии, Жюль Гед во Франции и Гайндман в Англии, выразили без обиняков свои симпатии к Японии, громящей русское самодержавие. У нас в России нашлись, конечно, социалисты, которые проявили путаницу мысли и в этом вопросе...

Она ["Искра"] кончила теперь пошлыми рассуждениями о том, как неуместно "спекулировать" (!?) на победу японской буржуазии, и о том, что война есть бедствие "независимо от того", кончится ли она победой или поражением самодержавия...

Неудивительно, что даже не участвующая в войне европейская буржуазия чувствует все-таки себя униженной и подавленной. Она так привыкла отождествлять моральную силу России с военной силой европейского жандарма. Для нее престиж молодой русской расы был неразрывно связан с престижем непоколебимо сильной, твердо охраняющей современный "порядок" царской власти.

Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия. Это дело много выиграло от военного краха.

Неудивительно, что катастрофа правящей и командующей России кажется всей европейской буржуазии "страшной": эта катастрофа означает гигантское ускорение всемирного капиталистического развития, ускорение истории...

В. И. ЛЕНИН. "К русскому пролетариату" (листовка ЦК РСДРП, 1905); "Падение Порт-Артура" (газ. "Вперед", 14 января 1905 г.); "Разгром" (газ. "Пролетарий", 9 июня 1905 г.).

Цит. по Полному собранию сочинений, 6-е изд.

Двигавшаяся кружным путем балтийская эскадра так и не успела прийти на помощь осажденному Порт-Артуру. А неотступно следовавшие за ней английские корабли подробно информировали японцев о ее численности и местоположении. 27 мая 1905 года русский флот был разгромлен в Цусимском проливе...

Уместно, к примеру, вспомнить о том, что перед нападением на Порт-Артур правящие круги Японии развернули против России оголтелую шовинистическую пропаганду.

Такие организации, как "Общество черного дракона", "Антирусская лига", одурманивали население, чтобы замаскировать планы японских захватов в Восточной Азии...

Подлюку, подстрекательскую роль играла в ту пору Англия, стремившаяся чужими руками подорвать влияние России на Дальнем Востоке. Под нашим Лондоном Турция отказалась пропустить русские корабли через черноморские проливы...

Этот одиозный юбилей — не случайность, а наглядное отражение милитаристских тенденций в современной японской действительности...

Попытки повторить историю — причем на более опасной основе, в эпоху ядерного оружия — не могут не вызывать настороженности у многих азиатских государств. Ничего доброго не сулят они и Японии.

К. У. ЧЕРНЕНКО. Выступление на обеде в Кремле в честь делегации КНДР; Заявление МИД СССР; В. Овчинников. "Спиритический сеанс в Кагосиме" ("Правда" от 26 мая 1984 г.).

ВЕСТИ ИЗ СССР

ЧТО С САХАРОВЫМ И ЕЛЕНОЙ БОННЭР?

Во всех официальных советских заявлениях последнего времени о положении А. Д. Сахарова и Е. Г. Боннэр преобладает успокоительный тон, повторяются лаконичные заверения, что оба они — в "хорошем состоянии здоровья" и не голодают. Об этом говорилось в заявлении ТАСС от 4 июня — с добавлением обвинений в адрес "секретных служб", которые якобы подняли шумиху вокруг Сахарова". 7 июня советское правительство официально информировало администрацию США о том, что "Сахаров жив и его жизнь вне опасности", — явно непоследовательный шаг после громогласных заявлений о том, что "вопрос о Сахарове — внутреннее дело Советского Союза".

Однако все эти успокоительные заявления не вызывали большого доверия. Примеры публичной лжи советского правительства и его представителей еще свежи в памяти западной общественности. Ведь еще полгода назад журналистов заверяли, что генсек Андропов "поправляется и скоро приступит к работе", хотя он в то время уже был при смерти.

Видимо, понимая это, советское правительство решило представить "независимые доказательства" своих утверждений. 17 июня советский журналист Виктор Луи, известный своими связями с КГБ, продал в Цюрихе представителям западногерманской газеты "Бильд" и американской телекомпании CBS фотографию А. Сахарова, сделанную, по словам Луи, 15 июня, и фотографию Е. Боннэр, снятую 12 июня. Он заверил журналистов, что фотографии подлинные. Однако на самих фотографиях нет ничего, что могло бы подтвердить указанное Виктором Луи время их изготовле-

ния. Следующее "независимое доказательство" было представлено 26 июня. Родственники Сахарова и Боннэр получили в Бостоне телеграмму из Горького, отправленную за четыре дня до этого, в которой говорилось: "не беспокойтесь, мы живы и здоровы". Далее шло поздравление Е.Янкелевичу, мужу дочери Е. Боннэр, с наступающим днем рождения. Телеграмма была подписана: "мама и Андрей".

Вслед за этим просочились сведения из независимых источников, правда, весьма скудные. Но как бы ни были они неполны, теперь ясно, что советское правительство не лжет по крайней мере в одном вопросе — А.Д.Сахаров и Е.Г.Боннэр действительно живы. А что касается здоровья...

Фотография А. Сахарова, переданная В. Луи и опубликованная в "Бильд"

Е. Боннэр, 1977 г.

О положении Андрея Дмитриевича Сахарова сейчас известно следующее. Он содержится в отдельной палате в горьковской областной больнице им. Семашко. К обслуживанию этой палаты допущен особо назначенный персонал. По крайней мере до середины июня в Горьком находилась бригада специалистов по искусственному кормлению. Возможно, эта бригада там и сейчас, но сведений об этом нет. С конца мая лечением А. Сахарова руководит зав. кафедрой психотерапии Всесоюзного института усовершенствования врачей АМН СССР Владимир Евгеньевич Рожнов, известный специалист по гипнозу. Для него созданы особые условия: ему выделен специальный самолет, на котором он совершает челночные рейды из Москвы в Горький и обратно. А.Д.Сахарову делают инъекции психотропных средств.

Несколько прояснилось и положение Елены Боннэр. В начале июня ее видели в Горьком идущей в булочную в сопровождении двух человек. По-видимому, она сейчас не голодает. Сопровождающие ее, как можно понять из полученного сообщения, — агенты КГБ. Извлечен, таким образом, опыт из неожиданной поездки Ирины Кристи в Горький, сумевшей сообщить миру о положении Сахаровых. Теперь к Боннэр никто не может даже приблизиться.

Тем временем, следствие по делу Е.Г.Боннэр продолжается. По этому делу были допрошены члены Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях

В. Бахмин и А. Подрабинек (после выхода из заключения первый живет в Калининe, второй — в г. Киржач Владимирской обл.). В Ленинграде по делу Е. Боннэр прошел обыск у Леонида Гальперина.

Призывы видных представителей мировой общественности, крупнейших государственных деятелей к советскому правительству прекратить преследования Сахаровых падают в пустоту. Черненко, Громыко и другие отказались даже обсуждать этот вопрос с президентом Франции Миттераном, министрами иностранных дел ФРГ и Великобритании Геншером и Хау.

Президент Ф.Миттеран, однако, нарушил официальную благопристойность обеда в Кремле, который К. Черненко дал в его честь. Коснувшись в своей речи Хельсинкских соглашений и гарантий прав человека, Миттеран сказал: "Любые ограничения свободы могут поставить под сомнение эти свободно избранные принципы. Вот почему мы иногда говорим с вами об отдельных лицах, и некоторые из них приобрели ныне символическое значение. Мы хотим, чтобы таким образом стали понятны чувства, существующие в Европе и в других частях мира, относительно того, в каком положении находятся некоторые граждане вашей страны... Таков случай проф. Сахарова".

Услышав во французской речи имя Сахарова, Черненко схватился за наушники, Устинов громко вздохнул. Когда был транслирован русский перевод, по залу прокатился ропот. Тем не менее Черненко смолчал. В официально опубликованной речи К.Черненко содержались слова: "Те, кто пытается давать нам советы по вопросу о правах человека, могут вызвать у нас лишь ироническую улыбку. Мы никому не позволим вмешиваться в наши внутренние дела". Однако этих слов Черненко на самом деле не произносил. Напротив, сказанное Миттераном об А.Д.Сахарове из опубликованного в советской прессе текста речи было исключено.

Вопрос о Сахарове был поднят и на пресс-конференции, устроенной в связи с визитом Ф. Миттерана в СССР. Леонид Замятин, услышав вопрос американского корреспондента, побагровел и закричал: "У вас два миллиона безработных, а академик Сахаров работает. Он получает 900 рублей в месяц! Он живет хорошо, питается хорошо, и у него во всех отношениях все хорошо!" ●

АРЕСТОВАН АЛЕКСАНДР БОГОСЛОВСКИЙ

3 июня в Москве арестован литератор и архивист 47-летний Александр Богословский. Он сын покойного советского литературоведа Николая Богословского, автора книг о Чернышевском и Тургеневе, многих статей по истории русской общественной мысли. Сам А. Богословский — прекрасный знаток русской поэзии XX в.

Хотя Богословскому предъявлено обвинение по ст. 190–1 УК РСФСР в "распространении клеветы" о советском общественном и государственном строе, совершенно непонятно, в чем его конкретно обвиняют. А. Богословский никогда не участвовал в правозащитном движении, не писал для самиздата, не был тем, что называется "диссидентом".

Еще до ареста у Богословского в 1983 г. прошли два обыска. Изъятое на этих обысках тоже заставляет теряться в догадках о том, в чем же состояло преступление А. Богословского. Изъята брошюра "О преобладающем богатстве Божиим", картотека трудов поэта-эмигранта Б. Поплавского, умершего в 1935 г., сборник "Вехи" издания 1909 г., книга маркиза де Кюстина "Россия в 1893 г." на французском языке (одна из лучших из переизданных при советской власти книг о России времен Николая I, написанная современником), и т.д. и т.п. По-видимому, основной криминал в этом деле составляет 8-страничная тетрадь с выписками из зарубежных журналов и книг. ●

БОЙТЕСЬ ИНОСТРАНЦЕВ!

25 мая Председатель Президиума Верховного Совета К. У. Черненко подписал Указ, являющийся совершенно новым словом в советской юриспруденции. То, что общаться с иностранцами — дело опасное, каждый советский гражданин знает от рождения. За контакты с ними многие представители старшего поколения отбывали десятилетние и даже 25-летние сроки... Но каждый раз это оформлялось либо как шпионаж, либо как измена родине, либо вообще никак не оформлялось. Времена были сталинские, патриархальные, каждый должен был все понимать и сам...

До 25-летних сроков за контакты с иностранными гражданами мы при Черненко еще не

дожили, но зато теперь открыто объявлено, что неконтролируемые контакты с иностранцами — дело противозаконное. Теперь "граждане, предоставившие иностранным гражданам и лицам без гражданства жилище, транспортные средства или оказавшие им иные услуги в нарушение установленных правил" подлежат штрафу в размере до 50 руб.

Штраф — дело небольшое (хотя и 50 руб. — немало по нынешним временам). Но важен сам факт, что "услуга" иностранцу объявлена незаконной. И все это — только в том случае, если действия общительных граждан "не влекут за собой в соответствии с действующим законодательством уголовной ответственности". А если "влекут" — тут уж дело штрафом не ограничивается...

Указ вводится в действие с 1 июля. В это время все дороги и города Европы заполняют иностранцы, иностранцы, иностранцы... Туристы пользуются временем летних отпусков, путешествующих десятки миллионов. Больше всего среди них молодежи. Они ночуют где хотят, едут автостопом, обедают у друзей и "пользуются иными услугами". Они европейцы, им и виза в другую страну не нужна, а на границе между многими странами даже и паспорта не проверяют... ●

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА

5 июня газета итальянской компартии "Унита" сообщила о партийной реабилитации и восстановлении в КПСС без перерыва партийного стажа 94-летнего Вячеслава Михайловича Молотова. Нынешним двадцати- и тридцатилетним это имя уже не говорит ничего, людям более старшего возраста — очень многое.

В. М. Молотов вступил в РСДРП в 1906 г. Постепенно поднимаясь по ступеням партийно-государственной лестницы, он в 1930 г. стал Председателем Совета Народных комиссаров и был на этом посту до 1941 г., когда И. Сталин решил взять этот пост себе. В 1939 г. Молотов занял также пост наркома (министра) иностранных дел и оставался на нем, с небольшим перерывом, почти до конца своей партийной карьеры. С 1926 г. — непременный член Политбюро, а позднее Президиума ЦК КПСС.

После разгрома Сталиным вражеских оппозиций имя В. М. Молотова почти всегда стояло вто-

Фельдмаршал Вильгельм Кейтель, Рейхсминистр иностранных дел Йоахим фон Риббентроп, Народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов и другие товарищи. Берлин. 1940 г.

рым в партийной иерархии, и лишь под конец жизни его оттеснил Г. М. Маленков. Молотов вполне оправдал доверие — служил Сталину не за страх, а за совесть. Указания и пожелания Сталина Молотов исполнял не просто беспрекословно: он всегда был готов их перевыполнить и предвосхитить.

Его подпись очень часто стояла рядом со сталинской под списками "врагов народа", их жен и других членов семей, предназначенных к расстрелу или многолетним лагерным срокам. Как рассказал в короткий период десталинизации покойный М. Суслов, Молотов старался быть "большим католиком, чем сам папа": там, где Сталин ограничивался лагерным сроком, Молотов иногда писал: "ВМН" (высшая мера наказания). Рабская преданность Молотова Сталину не поколебалась и тогда, когда по одному из списков ушла в лагерь жена Вячеслава Михайловича П. Жемчужина.

Именно Молотов выдвинул теорию о таком "враге народа", который активно выступает за все партийные решения, энергично участвует в строительстве социализма и ничем не проявляет своей вражеской сущности, чтобы потом тем

сильнее нанести по советской власти удар. На февральско-мартовском пленуме ЦК в 1937 г. Молотов заявил, что каждая парторганизация в той или иной мере заражена вредительством.

Приход Молотова в Наркоминдел в 1939 г. на смену М. М. Литвинову ознаменовал крутой поворот советской внешней политики — от антифашистского противостояния к братскому сотрудничеству с нацистами. Секретный договор 1939 г. между СССР и нацистской Германией о разделе сфер влияния в Европе не случайно носит имя Молотова и его нацистского коллеги Риббентропа. И для Молотова это была вовсе не обычная для практического политика сделка-компромисс. Это был действительно шаг к установлению сердечных отношений с близкими по духу "партайгеноссен". Неслучайно, выступая 31 октября 1939 г. на заседании Верховного Совета СССР, Молотов говорил:

"Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру... В последнее время правящие круги Англии и Франции пытаются изобразить себя в качестве борцов за демократические права народов против гитлеризма, причем англий-

ское правительство объявило, что будто бы для него целью войны против Германии является не больше и не меньше, как "уничтожение гитлеризма". Получается так, что английские, а вместе с ними и французские сторонники войны объявили против Германии что-то вроде "идеологической войны", напоминающей старые религиозные войны... Но такого рода война не имеет для себя никакого оправдания. Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с нею войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за "уничтожение гитлеризма".

Партийная карьера Молотова прервалась в 1957 г., когда он был исключен из ЦК за участие в "антипартийной группе", противившейся хрущевской десталинизации, вместе с Л. Кагановичем, Г. Маленковым и "примкнувшим к ним Шепиловым". Раздавались требования судить Молотова, прежде всего за соучастие в массовых убийствах невинных людей. Такой судьбы он благополучно избежал, его всего лишь исключили из КПСС, и он стал "пенсионером союзного значения".

На последнем в его жизни заседании ЦК Молотов совершил необычайный для него "диссидентский" поступок: он воздержался при голосовании по вопросу о своем собственном исключении (Каганович, Маленков и Шепилов такого мужества не проявили). Все последующие годы — без малого 30 лет, находясь вне КПСС, Молотов настойчиво подавал прошения о восстановлении.

И вот — дождался. Он снова в партии. Сообщение "Униты" подтвердил иностранным журналистам представитель МИД, хотя советским гражданам эта новость пока не объявлена. Как сообщают, реабилитированный имел теплую беседу по телефону с К. Черненко (по другим данным, он даже удостоился личного приема).

Партийная реабилитация Молотова — акт высокой исторической справедливости. Вячеславу Михайловичу безусловно место именно в КПСС.

ВЗРЫВ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

В предыдущем номере журнала мы рассказывали о том, что на Кольском полуострове сосредоточено огромное количество советских войск и вооружения — едва ли не наиболее крупная

концентрация военной мощи на единицу площади во всем мире. Недавно старое изречение о том, что, если пушек накоплено слишком много, они начинают стрелять сами, получило неожиданное и трагическое подтверждение.

В середине мая в Североморске, городе, расположенном на правом берегу реки Колы, недалеко от Мурманска и в 100 км от норвежской границы, произошел взрыв ракетных складов. Склады в Североморске — это главное место хранения ракетного вооружения Северного флота СССР. Взрыв уничтожил от четверти до трети всего запаса ракет типа земля-воздух, находившихся в распоряжении Северного флота, и некоторое количество крылатых ракет.

Взрыв произошел вскоре по окончании крупнейших советских военно-морских маневров в Северной Атлантике, о которых мы писали в № 4 нашего журнала. Высказывается предположение, что крупнейшая концентрация ракет на складах в Североморске образовалась как раз в связи с этими маневрами.

Взрыв был настолько силен, что сначала возникло предположение, что он был атомным. Вскоре однако, из анализа спутниковых данных и результатов электронного наблюдения в Швеции и Норвегии, стало ясно, что это не так. А затем стали поступать сообщения от очевидцев взрыва, и выяснилось, что взрыв не только уничтожил ракеты, но и унес 200—300 человеческих жизней. Большинство погибших — техники, которых послали в огонь, охвативший склады после первого из серии взрывов, в безуспешной попытке разрядить оставшиеся ракеты и предотвратить цепную реакцию взрывов. Сделать это не удалось, и размеры катастрофы увеличились.

Наблюдатели полагают, что военная мощь Северного флота в результате взрыва ослабится ненадолго: мощности советских заводов и военно-транспортной системы таковы, что возместить потерю можно будет довольно быстро. Заменить погибших специалистов будет не так легко.

Взрыв в Североморске — лишь самый последний и наиболее катастрофический из ряда взрывов, произошедших за последние 6 месяцев на советских военных складах и установках. Наблюдатели отмечают, что пренебрежение техникой безопасности в советской армии, в частности, пренебрежение элементарным требованием рассредоточения складов вооружения заставляет удивляться, что таких взрывов не произошло еще больше. ●

СЕСТРА

Четырнадцатилетняя девочка с младшим братом идет на рассвете по московской улице. Год тридцать седьмой. Ночью из гостиницы "Люкс", где жили в то время семьи видных коминтерновцев, увели в тюрьму ее мать, за полгода до этой ночи расстреляли отца. Уходя из квартиры, энкаведешник шепнул: "Завтра придем за тобой". Девочку зовут Елена Боннэр. Убедившись из разоренного дома, уехав к бабушке в Ленинград, она спасла тогда себя и брата от лагеря для детей врагов народа.

Кончила школу. Война. Погиб жених, молодой поэт. Елена пошла на фронт добровольно, четыре года на войне, два тяжелых ранения.

После войны училась на медицинском факультете, стала детским врачом, вышла замуж, родила дочь и сына. Могла бы жить как все, забыть про ту ночь, забыть расстрелянного отца, забыть, что у матери отняли семнадцать лет жизни. Елена — не могла. Посылала посылки в лагерь многим незнакомым людям. Задолго до того, как я впервые увидела ее, я слышала о "Люсе, которая всем помогает".

Разойдясь с мужем, вернулась в Москву, жили в маленькой квартирке, которую мать получила после реабилитации. Поверила — вместе со многими, — что после разоблачения Сталина может начаться обновление страны, вступила в партию. Но вскоре убедилась: идет возвращение на круги своя. Снова начались аресты. Елена помогала новым заключенным, стояла у дверей судов. В 1970 году в Калуге возле здания, где шел суд над двумя диссидентами, она встретила Андрея Сахаровым.

Могла бы жить в довольстве и покое, счастливый брак, муж — знаменитый ученый. Впрочем, супругой, "уважаемой госпожой Сахаровой", она так и не стала. Осталась Еленой Боннэр.

К правозащитной деятельности она пришла своим путем, отличным от пути Андрея Дмитриевича Сахарова — не в размышлениях о стране и мире, а состраданием, тяжким семейным опытом.

В 1972 году Елена Боннэр вышла из коммунистической партии — поступок, на который отваживались немногие. Когда спустя четыре года Юрий Орлов основал Хельсинкскую группу, Елена стала ее активным членом. Выстукивала на машинке документы о нарушениях прав человека в СССР, вместе с Сахаровым ездила навещать ссыльных и заключенных, однажды в Якутии шли двадцать километров по бездорожью пешком. Ездили во многие города на суды над диссидентами.

В ответ начались угрозы, преследования, травля в печати. Вызывали ее на допросы в КГБ. Когда мы вместе в 1975 году провожали из Москвы гостившего у нас Генриха Белля, Елена ему рассказала, что брала с собой на допросы "Биллиард в половине десятого". "Это мне помогало не принять причастие буйвола..."

В 1980 году Андрея Дмитриевича Сахарова забрали на улице. Елене Боннэр милостиво разрешили ехать вместе с ним. Ее мать, Руфь Григорьевна, рассказывала: "Когда оба оказались в одной машине, в которой везли на аэродром, у них осветились лица: раз вместе, значит, ничего не страшно. Взялись за руки." Он всегда держал ее за руку.

Должна сказать, что, неизменно преклоняясь перед ее мужеством, я не разделяла многих ее оценок, взглядов и пристрастий. Мы нередко спорили, оставаясь в дружеских отношениях.

...И вот теперь которая неделя полной неизвестности. Мир ничего не знает. Где Андрей Сахаров? В горьковской квартире? В больнице? Продолжает голодовку или его кормят силой? Где Елена?

Мы ничего не знаем потому, что связь между ним и внешним миром была грубо оборвана. Ведь Сахаров без суда и следствия приговорен к полной изоляции. Четыре с лишним года его жена была этой единственной связью ссыльного с внешним миром. Поэтому, *только* поэтому новые научные работы, письма, обращения Сахарова становились известными, доходили до соотечественников, до граждан других стран.

Связь оборвана. Она передавала вести о Сахарове. О ней самой передать весть некому.

Елена Боннэр — правозащитница, помощница Сахарова. Однако ей приходилось возить в Горький не только книги, письма, приветы, но и продукты, то, за чем в Горьком часами стоят в очередях.

Каждый раз две тяжелые сумки. Из-за болезни глаз ей, немолодой женщине, инвалиду Отечественной войны, врачи строго запретили таскать тяжести; но помочь довести эти сумки до Горького, помочь донести до квартиры никто не имел права.

Елену упрекали, что она недостаточно заботится о своем великом муже, мало времени и сил отдает ему. Она, впрочем, несла полную домашнюю нагрузку: покупала, готовила (она очень вкусно готовит!), стирала, печатала на машинке. Но при этом она в нем не растворялась, она жила своей жизнью, и эту ее независимость понимал Андрей Дмитриевич Сахаров, глубоко уважал и трогательно оберегал.

Несмотря на страшные беды, которые обрушивались на нее с детства, она — женщина счастливая: она любима. И слова Андрея Сахарова: "Ее гибель будет означать мою гибель" — сказаны не зря.

Сорок лет назад раненые на полях сражений стонали, звали: "Сестричка, помоги!". И сестра Елена ползла под пулями, вытаскивала солдат, помогала. Как помогала она годы спустя заключенным и сосланным.

Сегодня она, наша сестра, сама нуждается в срочной помощи. На страницах советских газет затоптана ее честь. В опасности ее жизнь. Сейчас все, кто хочет, кто может помочь Андрею Сахарову, должны помочь Елене Боннэр.

Пауза ОРЛОВА

Опубликовано в газете "Tageszeitung" (ФРГ),
органе партии Зеленых

ИЗ ГАЗЕТ: 70 ЛЕТ НАЗАД

УБИЙСТВО НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА И ЕГО СУПРУГИ

В Сараеве, столице Герцеговины, после двойного покушения убит австрийский наследник престола, эрцгерцог Франц-Фердинанд. Убита жена эрцгерцога, герцогиня Гогенберг. Первое покушение было произведено каким-то типографским рабочим, судя по фамилии — сербом. Он бросил бомбу в автомобиль, в котором ехали, направляясь в ратушу, эрцгерцог Франц-Фердинанд с супругой. Но эрцгерцог, очевидно, человек с мужественным сердцем, обнаружил удивительное самообладание. Он оттолкнул бомбу рукой — и бомба разорвалась сзади его автомобиля, легко ранив несколько человек из свиты и окружающей толпы. Но на обратном пути из ратуши последовало второе покушение. Гимназист Принцип, учившийся в Белграде и, как выяснилось, находящийся в связи с сербскими патриотическими организациями, двумя выстрелами из браунинга тяжело ранил эрцгерцога Франца-Фердинанда в шейную артерию и герцогиню в живот. От этих ран они оба немедленно скончались.

*Газета "Речь" (Петербург),
16 июня 1914 г. по ст. ст.*

СПРАВА И СЛЕВА ОТ ПРОГРЕССА

Что-то должно было произойти в нашем мире, если ветер исторического оптимизма, сто лет назад надувавший паруса рабочего движения, сегодня лишь лениво шевелит рекламные проспекты автомобильных фирм и энергетических концернов. Что-то должно было произойти, если такая партия как "Зеленые", которой пресса обычно отводит место на крайнем левом фланге, ополчается на прогресс, несущий, как считают ее сторонники, гибель миру. А тем временем противник справа выдвигает на выборах в Баварии лозунг: "Всеми силами – в будущее!".

Термины "правый", "левый", "середина", употребляемые для обозначения общеполитической ориентации, заимствованы, как известно, из британского политического обихода, где они означали попросту места, на которых сидели депутаты в Палате общин. Фактически под правым и левым всегда подразумевалось отношение к историческому прогрессу. Консерваторы защищают остатки добуржуазных элементов в политике, экономике и культуре буржуазного общества; либералы отстаивают правовые и экономические основы этого общества; социалисты выступают за социальные реформы как единственный путь реализации гуманистических чаяний и обещаний буржуазной революции.

В последние годы это традиционное разграничение политических направлений наталкивается на определенные трудности. Конечно, и раньше дело обстояло не так просто, ибо то, что принято называть буржуазным обществом, представляет собой сложное и многомерное явление; в этом обществе политические течения и тенденции как правило определялись одной из многих составляющих, которая почему-либо доминировала в каждом отдельном случае. В характеристику буржуазного общества входит, например, не только частная собственность на средства производства, но и становление республиканских институтов и правовых гарантий. Это общество создало выдающуюся культуру, основы которой были заложены в век Просвещения и для которой идея личного и общественного самоопределения всегда была ведущим ориентиром. Теперь нам приходится увязывать классические категории политического мышления – и термины политического словаря – с современными конфликтами и новой расстановкой политических сил. Различные течения решают эту задачу по-разному.

1. Сторонники ортодоксального марксизма убеждены, что эстафету исторического прогресса прочно держат в своих руках вершители "истинного социализма" – каково бы ни было реальное содержание их политики. Правый, левый – эти полюсы для них полностью сохраняют свое значение, историческое развитие не разрушило их смысл.

2. Другие круги в нашей стране, более влиятельные, считают, напротив, что всю эту терминологию пора сдать в музей. По их мнению, в XX веке традиционная дифференциация партий устарела и ее надо заменить разделением на "политическую середину" и "радикально-экстремистскую окраину". Такая точка зрения сама по себе есть запоздалый

отклик теории тоталитаризма, сформулированной еще в конце Второй мировой войны. Согласно этой теории, сталинизм и фашизм суть разные формы одного и того же типа власти — тоталитарного правления.

3. Наконец, третья концепция популярна в интеллектуальном окружении так называемого "нового социального движения". Здесь полагают, что современный кризис есть не что иное как симптом происходящей ныне болезненной перестройки общественного сознания. Критика, которой теоретики этого движения подвергают буржуазную цивилизацию, подчас заходит так далеко, что самая идея исторического прогресса становится абсурдной. Оппозиция "левого" и "правого" заменяется якобы более фундаментальными понятиями, такими как "инструменталистский" и "постинструменталистский", "патриархат" и "матриархат" и пр.

Лично я думаю, что конфликт "левых" и "правых" сил ничуть не устарел, подразделение на лево- и правоориентированные партии отнюдь не изжило себя. Хотя, конечно, эти классические тенденции во многом изменились. Попробуем кратко описать эти изменения.

Консерватизм

Классическое политическое течение, называемое консерватизмом, никогда не существовало вне исторического процесса. Консерватизмов было бесчисленное множество, но всегда существовал основной критерий, позволявший распознать общую и основную ориентацию этого движения. Консерваторы критиковали современное им общество с позиций подразумеваемого *status quo ante*, некоторого прежнего, более разумного и благоустроенного общества — исторически реального, но насильственно разрушенного старого порядка. Первые консервативные критики общества были, строго говоря, теоретиками контрреволюции. Духовно-политическая позиция, которую они представляли, была ответом на буржуазную революцию, и оружие своей критики они добывали из добуржуазных арсеналов.

Это *ante*, то есть "до", "до того, как...", представляло собой, по понятиям консерваторов, некий катастрофический перелом — в каждом случае более или менее конкретный, — который отделял не подлежащий отмене прежний порядок от упадочного нового. В ходе эволюции буржуазного общества этот центральный тезис постоянно наполнялся новым содержанием, логика которого, как в зеркале, отражала закономерные этапы общественного развития: расширение производства, развитие буржуазно-республиканских учреждений и форм культуры. Консервативным в социальном смысле было сопротивление отмене сословного строя, в политическом — верность абсолютизму, консерватизм в культуре означал противостояние просветительскому рационализму. Как видим, в каждом случае консерватизм чутко реагировал на прогрессивные сдвиги в буржуазном сознании.

Реакция на задачи, выдвигаемые развитием общества, и есть тот формальный критерий, который без труда позволяет опознать любые разновидности старого, классического консерватизма.

Но уже с появлением организованного рабочего движения и государственного-общественного ограничения капитализма, то есть с тех пор, как возникли движения, ориентированные на послебуржуазный строй, этот критерий стал меняться. Постепенный переход от соннолиберального царства к сегодняшнему обществу всеобщего благосостояния

характеризуется сочетанием политически поумневшего традиционализма с технократизмом и верой в прогресс.

Та безусловная приверженность ко всему устаревшему, которая прежде характеризовала консерватизм и отличала его от либерализма, ныне исчезла. Старый консерватизм питал вражду к обновлению общества и питался ею. Новый — опирается на правовые основы именно этого, обновленного буржуазного общества. Интеллектуально обогащенный консерватизм во многом догнал буржуазное общество, и это подчас делает его почти неотличимым от либерализма. В этом смысле спор о том, как величать этот новый консерватизм — "неоконсерватизмом" или "неолиберализмом", есть спор чисто словесный.

Неоконсерватизм (остановимся на этом названии), поначалу ограниченный пределами Соединенных Штатов, постепенно распространяется по миру. Он становится широким общественным уменостроением, вобравшим в себя элементы таких учений как неолиберальная политэкономия, социобиология, теория технократии, неопозитивистская критика марксизма, критика культурного модернизма и концепцию демократии, допускающую существование элит. Все эти неоднородные составные части за последние десятилетия слились и образовали новую, сперва почти незамеченную парадигму. Впрочем, даже ее апологеты не решаются утверждать, что она представляет собой плод принципиально нового политического образа мыслей. Скорее это предвосхищение движений и веяний послебуржуазной эпохи, реакция на эти еще только зарождающиеся веяния. Такой консерватизм всецело покоится на достижениях динамичного, основанного на разделении труда индустриального общества с его капиталистической экономикой и вытекающей из нее социальной политикой. Консерватизм отстаивает легитимность политики, проводимой профессионалами этого дела. От культуры и образования неоконсерваторы требуют, чтобы они отвечали той системе ценностей и мотивов человеческого поведения, которая гарантирует нормальное функционирование позднекапиталистического трудового общества. А критикуют они прежде всего социальную политику социал-демократических правительств, которая якобы ослабляет заинтересованность трудящихся в результатах своего труда, политику дальнейшего расширения демократии и представительности, потакания интересам и притязаниям так называемого "нового класса", то есть научно-общественной интеллигенции в широком смысле слова.

Все это направление мыслей по существу является консервативной защитой буржуазного модерна. Опираясь на правовые основы общества и не будучи отягощены старинными консервативными предрассудками, неоконсерваторы резко отличаются от "новых правых", в частности — неофашистских, фундаменталистских и разного рода "народных" партий и группировок, которые в последнее время привлекают к себе, особенно в Америке, но также и в Европе, все больше внимания.

У нас нас на глазах завершилась целая эпоха.

Старый консерватизм распался, породив неоконсерватизм и... "новых правых"; протестуя против буржуазных нововведений, эти правые пытаются оживить идеи и лозунги старого, ушедшего в прошлое консерватизма. Однако в отличие от стариков они начинают свою деятельность в условиях полного и прочного нейтралитета государства в вопросах морали, гарантированного конституцией политического плюрализма и повсеместно признанной светской культуры. Лишенная социальной основы, утратив связь с живительным источником наивной народной религиозности, борьба "новых правых" против исторического прогресса неизбежно принимает насильственно-иррациональные,

регрессивные черты. Например, идущий в США политический спор насчет того, можно ли считать сотворение мира равноправной концепцией в противовес научному эволюционизму, отчетливо показывает, что стрельба с крайнего правого фланга ведется главным образом по таким явлениям современной культуры, которые были инспирированы просвещенной элитой и утверждены в законодательном порядке. Эмоции правых сосредоточены вокруг самых чувствительных точек и ценностных проблем современного общества: это — образование, религия и сексуальная сфера.

Социализм

Говоря ниже о традиционных разновидностях социализма, я ограничусь наиболее известными политическими течениями, придавшими учению Маркса организационную форму, — большевизмом и социал-демократией; прочие направления остаются за рамками данной статьи.

Кризис марксизма, о котором так много пишут и говорят, является в действительности конфликтом между писаной теорией построения социалистического общества и ее фактическим осуществлением. Кризис этот становится еще более очевидным, если применить к "реальному социализму" мерки, предлагаемые самой социалистической теорией. "Реальному социализму" так и не удалось ни достичь царства свободы, ни построить подлинно справедливое бесклассовое общество. Даже обеспечение относительно бескризисного развития экономики — хотя бы на самом низком уровне — оказалось неразрешимой задачей. Эту неудачу нельзя считать исторической случайностью, результатом тех или иных недоделок и несовершенств данного конкретного общества, она объясняется закономерностями социалистической политики вообще.

Всегдашней целью социализма была коллективная организация общественного прогресса. Это представление восходит к ранним теориям социализма. Исторический процесс мыслится как некий абсолютно самостоятельный, не зависящий от людей рост коллективных способностей, навыков и свершений в овладении природой. Есть какая-то ирония в том, что ранние социалисты, говоря об эволюции общества, употребляли термин "социальное движение", используя таким образом метафору заимствованную из физики, для описания общественных явлений. Сегодня мы склонны, напротив, думать, что понятие социального движения применимо к деятельности общественных групп, цели и направления которых до тех пор, пока они не осуществлены, не поддаются объективной оценке.

В обеих разновидностях марксизма, претворенного в жизнь, — большевизме и социал-демократии — эта рациональная модель нашла различное воплощение. Большевизм попросту ставит знак равенства между социальным прогрессом и техническим раскрепощением производственных сил. Из-за особых исторических и географических условий русской революции социализм в России быстро выродился в догму тоталитарно-технократической модернизации. Конфликт между демократизацией производственных отношений и собственно техническим совершенствованием производительных сил в СССР не был осознан. От знаменитого ленинского тезиса "социализм есть советская власть плюс электрификация" уже при Сталине не осталось ничего кроме электрификации.

Что же касается социал-демократов Второго Интернационала, то они были чистыми эволюционистами. Они упрекали буржуазию не столько за то, что она присваивает себе прибавочную стоимость, сколько за то, что при капитализме недостаточно исполь-

зуются производительные силы. Энгельс считал, что революционное преобразование всей системы производства приведет к такому приумножению общественного богатства, что все проблемы распределения мгновенно уйдут в прошлое, которое таким образом превратится в предысторию человечества. В наши дни, в условиях всеобщего благосостояния и массовой демократии, социал-демократия больше не провозглашает своей целью революционное овладение средствами производства. Скорее она видит свою задачу в общественно-государственном сдерживании всеразрушающей капиталистической динамики. В отличие от большевиков, социал-демократы не организовали политической системы созидания общественного богатства. Они принуждены черпать средства для сдерживания капиталистического развития, взимая налоги с частного капитала. Социал-демократия ведет себя по отношению к капиталистическому прогрессу примерно так, как садовник — к плодovому дереву: урожай обеспечивает ему заработок. Стремясь повысить урожай, он, однако, не должен нарушать элементарные законы экологии.

Максимальный экономический рост одновременно — решающее условие успеха социал-демократической политики. Во время финансовых кризисов социал-демократия вынуждена до некоторой степени брать на себя заботу и о частнокапиталистических источниках создания общественного богатства, и в этом случае ее политика становится неотличимой от политики буржуазного (не социал-демократического) правительства. При этом, естественно, возникает вопрос, не лучше ли справилось бы с этой задачей чисто буржуазное правительство.

Прогресс

Политический кризис традиционного социализма становится особенно очевидным, если мы обратимся к возникшим уже на наших глазах новым социальным движениям, подвергающим острой критике все современное технологизированное и ориентированное на дальнейший промышленный рост общество. При всей неоднородности исходных мотивов и пестроте действующих лиц они, эти движения, единодушны в своем решительном отказе от рациональной модели старого социализма. Не утопическая вера в единое, разумно и справедливо направляемое развитие производительных сил, но прежде всего защита, даже консервация имеющихся и находящихся под угрозой моральных и материальных ценностей — вот цель и мотив новых социальных движений. Такая ориентация сама по себе еще не означает дискредитацию социалистических идей. Бурный рост рабочего движения во второй половине XIX века был не столько следствием утопической веры в бесклассовое общество, сколько ответом на безжалостную капиталистическую эксплуатацию, организованным сопротивлением вырванных из привычно-сословных форм существования крестьян, ремесленников и батраков.

Сегодня, однако, отказ от социалистической модели идет по трем направлениям: защита и сохранение природной среды как основы жизни всего общества; защита гражданских прав и прав человека; борьба за выживание человечества вообще.

Современные консерваторы стремятся дискредитировать новые социальные движения как некий беспочвенный, "антимодернистский" протест. Я, однако, предлагаю взглянуть на них как на носителей прогресса — просто это иной, качественно новый прогресс.

Победа нового консерватизма над старым, продолжительный, но неуклонный распад традиционных форм социализма, рождение новых общественных движений — "зеле-

ных”, женщин, радикальных демократов — все эти явления еще не доказывают, что изменились или потеряли смысл прежние признаки ”левизны” и ”правизны”. Изменился, однако, масштаб, который дает нам основание называть ту или иную политическую программу правой или левой. Основной спор, в который все мы теперь очевидным образом вовлечены, — это спор именно об этом критерии, спор о новом символе исторического прогресса. Ненавидимый одними, все еще защищаемый другими, — в чем он собственно состоит?

Политическое и культурное самоопределение

Еще не так давно апологеты капиталистического развития — равно как и многие марксистские критики капитализма — были склонны видеть исторический прогресс в растущей интеграции рабочей силы на рынке, в бюрократизации политической власти, в законодательном регулировании общественных отношений, в профессиональной специализации, в замене обыденного опыта научным знанием и т. д.

В таком понимании прогресс общества ничем не отличается от того, что мы называем модернизацией. Можно привести хороший пример подобного отождествления: процесс колонизации. Области, где господствовал старый и примитивный способ производства, втягиваются в водоворот рыночной конкуренции и приспособленной к потребностям рынка государственной бюрократии. Здесь тождественность прогресса и технической модернизации была столь очевидной, что война против нашествия техники, будь то крестьянские бунты, восстания ткачей или всякого рода движения за возврат к ”земле”, однозначно воспринималась как реакционный протест, как сопротивление движению вперед.

Представители функциональной школы в социологии расценивали это сопротивление как типичный симптом переходного периода, как образец традиционного противодействия эволюции. Марксисты рассматривали подобные выступления как бессильные попытки мелкобуржуазной прослойки затормозить набирающее скорость движение поезда истории. На это можно было бы возразить словами Вальтера Беньямина: ”Маркс называет революции локомотивами истории. Но, быть может, дело обстоит наоборот. Быть может, для человечества, для едущего в этом поезде, революция — это что-то вроде рукоятки, за которую хватаются, чтобы остановить вагон.”

Новое понимание исторического прогресса может быть основано на подчинении ”модернизации”, которая превратилась в неуправляемый процесс, — целям культуры. Это подтверждало бы справедливость основного мотива социалистической критики современного общества, критики такой организации общественного труда, при которой экономические и организационно-политические средства удовлетворения жизненных потребностей заслоняют сущность этих потребностей. Утопическая идея подчинения производительных сил демократизированным производственным отношениям в неявной форме отстаивает наследие традиционных обществ. В прошлом жизнь общества была тесно переплетена со смысловым содержанием культуры, разумеется, ограниченной определенными традициями. Античный идеал добродетельной жизни предполагал гармонию культуры, культурного осмысления действительности — и материального производства. Распад этого единства — вот путь, по которому шло формирование нового общества.

Окончательно оно разложилось лишь в наше время, в нынешних развитых государствах массовой демократии и всеобщего благосостояния, со сплошной индустриализа-

цией производства, в большой мере направляемого самим государством, с юридически урегулированными отношениями между ведущими группами общества и бюрократизированной социальной политикой. Только сейчас мы начинаем понимать глубину проблемы, которая родилась вместе с капитализмом, однако долгое время оставалась в тени. Приспособленная к потребностям экономического рынка и политической власти модернизация как бы паразитирует на существующей общественной морали. Опираясь на почтенный фундамент этой морали, которая призывает к справедливости, отстаивает права слабого, защищает мир, техническая модернизация сама по себе не укрепляет этот фундамент. Взаимосоотношения политико-экономического развития и общественной морали можно сравнить с соотношением крупной промышленности и полезных ископаемых: последние исчезают по мере ее совершенствования.

Уже консервативные мыслители-романтики XVIII и особенно XIX столетий указывали на эту антикультурную тенденцию капиталистического прогресса. Они надеялись, что мораль сумеет обуздать демона промышленности, черпая силы из арсенала традиционной культуры. В конце двадцатого века не существует такой традиционной нравственности, способной вступить в открытое единоборство с промышленным производством. Что же делать? Неоконсерваторы предлагают следующие меры: Никлас Луман — государственное планирование идеологии, Даниэль Бель — реконструкцию государственно-буржуазной морали. В основе этих рецептов лечения болезненных явлений капиталистического развития лежит типично консервативная идея — помочь традиции, уже обесцененной в самой своей сердцевине, вновь завоевать авторитет с целью безошибочного планирования всей государственной деятельности.

С точки зрения консерваторов вся современная культура должна разделить судьбу исчезнувших традиций и свергнутых авторитетов. Прогрессивная мысль (в классическом смысле буржуазного Просвещения), напротив, видит в отмирании традиционной культуры возможность роста политического и культурного самоопределения. Своеобразие современной культуры как раз в том и состоит, что взаимопонимание различных групп и индивидуумов, координация интересов — все меньше зависит от "объективных условий", все больше от самих групп, от самой личности. В Средние века легитимность политической власти отвечала религиозному мирозерцанию. В современном обществе она зависит от демократической активности граждан. Так же как жизнеспособность культурных традиций сегодня определяется не их автоматическим признанием, а духовной деятельностью критически мыслящего человека.

В политическом и экономическом развитии буржуазного общества эта идея с а м о п р е д е л е н и я нашла пока еще очень куцое выражение. Но, может быть, мы, поздние современники уходящего двадцатого века, стоим на пороге эпохи, когда эта идея станет практически единственным средством выхода из кризиса, в котором оказалось современное общество в результате того, что прогресс свелся к модернизации.

Может быть, будущие историки яснее, чем мы, увидят, что современная общественная борьба против приспособления рабочей силы к чисто рыночным потребностям, против бюрократического ограничения демократии, против авторитарного использования культуры — есть признак действительного прогресса, уже заложенного в общественном сознании, но еще не осуществленного. ●

”СКАЖЕМ ВЕЛИКИМ ДЕРЖАВАМ: МЫ ТУТ НИ ПРИ ЧЕМ”

Беседа с депутатом бундестага ФРГ
ген. Гертом Бастианом

Генерал-майор в отставке Герт Бастиан, один из наиболее влиятельных членов партии Зеленых, был избран в бундестаг от этой партии. Недавно он вышел из парламентской фракции Зеленых, хотя и остался членом партии. Фактически он в большой степени сохранил свое влияние в партии. Наш корреспондент Елена Фишер встретила с ген. Бастианом в Бонне и взяла у него интервью.

Господин Бастиан, Вы вышли из фракции Зеленых в Бундестаге. Как это понимать? Отказались ли Вы от целей, которые ставит перед собой эта партия, или по-прежнему придерживаетесь ее программы?

Да, я вышел из фракции. Но я остался членом партии, цели и принципы партии и всего движения Зеленых мне по-прежнему близки. Я, как и прежде, убежден, что они отвечают чаяниям многих людей куда больше, чем программы крупных партий нашей страны. Да и последние выборы вновь подтвердили, что людей, которые разочаровались в больших партиях и не хотят больше иметь с ними дела, становится все больше.

Думаете ли Вы, что так оно и будет впредь? Или это только временное разочарование?

По-моему, так будет продолжаться до тех пор, пока не станет ясно, оправдывают ли Зеленые все те надежды, которые люди связывали с этим движением. Если народ разочаруется и в Зеленых, партия попросту сойдет со сцены, — сейчас, кстати, эта судьба грозит партии свободных демократов. Но если Зеленые сумеют оправдать доверие, на что надеюсь и чего желаю всей душой, тогда возникнет прочная третья политическая сила. Самой большой партией она, я думаю, не станет (слишком уж консервативно большинство населения Федеративной республики), но сумеет сделаться серьезным фактором, с которым нельзя будет не считаться.

Собственно, так уже и произошло.

Да, и процесс этот будет продолжаться. Зеленые вполне могут завоевать 10–12% голосов, — я не считаю это фантазией.

А больше — нет?

Это зависит от того, как они распорядятся этими двенадцатью процентами. То есть удастся ли им претворить свои добрые намерения в практическую политику. В этом все дело.

В чем Вы усматриваете опасность? Вы уже критиковали Зеленых, и весьма резко...

Опасность та, что при всех замечательных идеях и при том, что эти идеи поддерживают симпатичные люди, существует большой разрыв между поддерживающими нас людьми и кучкой "зеленых" функционеров, которые претендуют на то, чтобы представлять партию и зеленое движение перед миром. Об этих деятелях никак не скажешь, что они на своем месте. Они, можно сказать, сами себя назначили, настоящей творческой инициативы не проявляют, а только занимаются мелкой грызней. Слишком уж велико расхождение между намерением Зеленых создать совершенно новый тип политической деятельности, более человеческую атмосферу в отношениях друг с другом, одним словом, утвердить новый человеческий стиль вместо обычной партийной бюрократии — и тем, что получилось на самом деле и во фракции Зеленых в бундестаге, и вообще во всех организациях нашего движения. Получилось, что везде решает не масса избирателей, а кучка функционеров и небольшой слой выборных представителей.

Но разве это не в порядке вещей? Мало ли было идеалистов, собиравшихся все делать по-новому, и всякий раз оказывалось, что...

Может, это и в порядке вещей, но именно поэтому у Зеленых все должно быть иначе. Ведь Зеленые-то хотят все делать *не так*, как другие. Если они будут вести себя как все, то зачем нам Зеленые, нам хватит и старых партий, где интриги и соперничество стали политической нормой.

Своим выходом из фракции Вы как раз и хотели — как писали газеты — малость встряхнуть их и показать, что дальше так дело не пойдет. Ну и как, получилось?

Пока что, к сожалению, нет. Даже наоборот, насколько я могу судить. Обстановка стала еще враждебнее, еще меньше согласия, меньше желания работать друг с другом, чем было в мое время, а в мое время тоже было не блестяще. И еще меньше целенаправленной деятельности по воплощению в жизнь зеленых идей.

Один из ваших упреков сводился к тому, что движение инфильтрировано коммунистами, а может быть даже и правыми. Мне самой приходилось видеть Зеленых, которые были правее самых закоренелых правых. Ваш упрек — это гипотеза или Вы располагаете конкретными доказательствами?

Это гипотеза, но я мог бы сослаться и на факты. Я, собственно, об инфильтрации как таковой не говорил. Я сказал, что нет ничего хорошего и полезного в том, что маленькая группа бывших коммунистов, сумевшая войти в доверие к Зеленым (что в общем-то нетрудно, надо только разделять зеленые идеи), стремится теперь манипулировать большинством, хочет господствовать над ним и, между прочим, добивается успеха как в общегерманском президиуме партии, так и на обычных партийных собраниях. На это, собственно говоря, я и указывал, да и многие видели это, — я, например, получил очень много сочувственных писем с разных концов Федеративной республики, — и я думаю, что моя критика возымела известное действие, так как на последующих заседаниях большинство вело себя гораздо бдительней, чем прежде.

Вы бывший военный высокого ранга, и Вы присоединились к Зеленым, которые выступают за разоружение, причем *одностороннее*. Как это так получилось: Вы, генерал, увлеклись этой идеей?

Я не увлекался идеей *тотального* разоружения. Я всегда, еще будучи полковником и бригадным генералом, не говоря уже о том времени, когда я стал генерал-майором и командиром дивизии, был за то, чтобы оборонные силы Федеративной республики соответствовали *нижней границе* того, что представляется необходимым, и не более. Я всегда придерживался того взгляда — я его излагал и в докладных записках, которые мне приходилось представлять в качестве референта Генерального штаба при планировании будущих вооруженных сил, — что нет смысла вкладывать в вооружение больше средств, чем это необходимо для целей обороны, ибо в противном случае мы рискуем вызвать ответную реакцию другой стороны и в конце концов, вместо того, чтобы укреплять нашу безопасность, мы ее ослабим.

Вы думаете, это действительно лишь ответная реакция? Разве Советский Союз не вооружается все равно, независимо от того, вооружаемся мы или нет?

Конечно, они там тоже вооружаются, соответственно своему субъективному представлению о том, что необходимо для безопасности. Но у них не так уж много денег, и фактически они тратят — в пересчете на доллары — меньше, чем тратит НАТО; собственно говоря, даже меньше половины, хотя на Западе обычно все это представляют в ложном свете. Сравнивают военные бюджеты Советского Союза и американцев (опять же в долларовом выражении), и оказывается, что Советы обгоняют американцев. Но при этом забывают, что у американцев целая куча богатых союзников, которые тоже отваливают немалые суммы на общую оборону, тогда как Советский Союз окружен бедными союзниками, у которых не так-то много денег. Если сравнить в целом НАТО и Варшавский пакт, то получится, что НАТО тратит по сравнению с государствами Варшавского пакта на добрых 40% больше, и кстати говоря, не только сейчас, но и все семидесятые годы, когда, как нас пытаются убедить, западная политика разрядки была использована Советским Союзом якобы для одностороннего перевооружения; но я в эти басни не верю. Я убежден, что Советский Союз, если и вооружается, то исходя из пусть не совсем правильного, но субъективно оправданного впечатления, что без этого вооружения он рискует стать объектом нападения. Не думаю, чтобы Советский Союз вооружался, рассчитывая на то, что он настолько перегонит Запад, что сможет сам напасть на него. Я просто не верю, что они там ставят перед собой такую цель. Да она и недостижима.

Но почему бы им не ставить перед собой эту цель, разве это не характерно для советского режима? Зачем им, например, понадобился Афганистан? Я еще могу понять их логику в случае Польши или Чехословакии — это территории, которые им надо удерживать. Но ведь они стараются прибрать к рукам *новые* территории, откуда, казалось бы, никто им не угрожает.

Ну... Афганистан — это первый случай с 1945 г. И к тому же совершенно особая проблема; по-моему, ее не следует толковать как стремление расширить собственную территорию. Афганистан был страной, которая уже давно находилась под советским влиянием. Там существовала коммунистическая народная демократия, это была страна с советскими военными советниками, с армией, вооруженной при поддержке Советов, и экономикой, ориентированной на Советский Союз. А когда в Иране произошла успешная революция, когда Иран был потерян для американцев как территория, где можно строить разведывательные базы, американцы сразу попытались протянуть свои щупальца к Афганистану, чтобы обрести в нем некоторую замену того, что ускользнуло у них из рук.

Эти поползновения, конечно же, не укрылись от внимания Советского Союза. Я считаю, что Советский Союз решил вторгнуться в Афганистан, рассуждая примерно так: если мы этого не сделаем, то эта мусульманская страна на границе с очагом мусульманской революции будет для нас источником опасности, она может стать для американцев новым плацдармом для развертывания систем раннего предупреждения, которые они потеряли в Иране, и мы — то есть Советский Союз — обязаны своевременно защелкнуть замок перед их носом.

А не случилось бы то же самое и с нами, если бы...?

С нами, может быть, и случилось бы, если бы мы, поддавшись провокации, превратились в острие американского меча и тем самым подставили бы себя под удар. Вот тогда с нами бы это точно случилось. Но во-первых, хоть мы и действительно на острие меча, мы все-таки не беззащитны. А во-вторых, если бы мы сознательно пошли на разоружение (я, конечно, не имею в виду полное разоружение: Швейцария не беззащитна, Швеция тоже не беззащитна, хотя они и не состоят в НАТО), если бы мы, попросту говоря, махнули рукой на западный союз и ограничились собственными оборонными усилиями в меру наших возможностей, — мы не провоцировали бы Советский Союз, и у него вообще не было бы никаких оснований нападать на нас, так же как ему незачем нападать на Швецию или Финляндию.

А не потеряли бы мы при этом нашей свободы, нашей независимости, как это, например, случилось с Финляндией?

Положение с Финляндией здесь зачастую ради пропагандистских целей изображается в кривом зеркале. Я знаю многих финнов и не думаю, чтобы финн, который трезво смотрит в глаза действительности, захотел бы поменять положение своей страны на положение любого из двух германских государств. Финляндия проиграла войну с Советским Союзом так же, как и мы, но, в отличие от Германии, не поплатилась за это расчленением, не понесла таких территориальных потерь, как мы; на ее территории нет иностранных войск, и она не зависит от военных союзов.

Но как же все-таки обстоит дело со свободой Финляндии, с ее суверенитетом?

Финны не чувствуют себя несвободными. У меня не возникло впечатления, что они думают о себе, что вот-де мы тоже всего лишь советский сателлит, хоть и не оккупированы и не состоим в Варшавском пакте.

Не сателлит, но страна, которая легко может стать сателлитом?

Ну, знаете, это так просто не прошло бы, это было бы нарушением мирного договора. Вот если бы Финляндия вдруг решила вступить в НАТО, тогда Советский Союз не оставил бы этого без внимания. Но из того, что они такую глупость не делают — а это было бы, конечно, с точки зрения интересов Финляндии просто глупостью, — вовсе не следует, что они не пользуются полной свободой действий, возможностью развивать и совершенствовать свою государственность и свою общественную жизнь согласно своим собственным представлениям, не опасаясь, что Советский Союз сунет нос в их дела.

Да, но лишь до определенной степени. Лично я, по правде сказать, не чувствовала бы себя свободной, если бы знала, что вот это мне можно, а это нельзя. Какая же это свобода?

А почему бы и нет? У австрийцев тоже есть определенные ограничения: они, например, не имеют права держать у себя противотанковые ракеты. Не думаю, чтобы они из-за этого чувствовали себя несвободными. Соблюдение обязательств, принятых на себя добровольно ради того, чтобы создать разумные условия существования для своей страны, не означает несвободу.

Давайте вернемся к вопросу, почему вы выступаете за одностороннее разоружение.

Из-за чего я сегодня выступаю за односторонние шаги в сторону разоружения? Да я просто считаю это разумным. Я и раньше выступал за то, чтобы обеспечить оборону не более, чем на нижней границе необходимого.

По-вашему, этого достаточно?

Да. Держать лишь такое количество войск, обеспечивать лишь такой уровень вооружения, который необходим для обороны. И наоборот: не делать ничего такого, что может быть истолковано неправильно, что действует провоцирующе, что может придать нашим усилиям в области вооружения агрессивный, наступательный характер в глазах нашего соседа. В последние годы моей военной службы я пришел к убеждению, что оценка советской угрозы здесь у нас сильно преувеличена. Я понял, что можно так и эдак вертеть сравнительными показателями вооруженности обеих сторон, но если сделать честное сравнение обычных и ядерных вооружений НАТО и стран Варшавского пакта, то окажется, что НАТО обгоняет Варшавский пакт по всем статьям. Правда, Советский Союз сосредоточил в Европе больше сухопутных сил, но он не располагает преимуществом во всемирном масштабе.

Но ведь речь шла не о том, что Советский Союз сейчас безмерно превосходит нас. Речь шла о том, что Советский Союз стремится к превосходству, а вот это и надо предотвратить.

Такого впечатления, чтобы они стремились к превосходству, у меня нет. Наоборот, мое впечатление таково, что НАТО начинает вооружаться сверх всякой меры, особенно в том, что касается новых видов оружия, включая ядерное. Подразумеваю не только стратегическое оружие и программы расширения британского и французского ядерного потенциала, но и ракеты среднего радиуса действия, Першинг-2 и крылатые ракеты, которые представляют собой совершенно новый для Европы вид ядерных вооружений, и по своим техническим данным, и по целевому назначению, и по характеру stationирования абсолютно непригодный для того, чтобы усилить сдерживающее воздействие и гарантировать безопасность, — но зато целиком и полностью служащий целям нападения. И мне понятно возмущение Советского Союза. Я и сам хорошо видел, что вся эта затея с перевооружением означает шаг навстречу смертельному риску. В знак протеста против этого шага, решение о котором было принято в Брюсселе 12 декабря 1979 г., я, собственно, и вышел в отставку. Я держусь того взгляда, что НАТО опасно отклонилось от своих первоначальных целей, от намерения быть оборонительным союзом, и превратилось в организацию, цель которой обеспечить поддержку Соединенным Штатам во всем

мире. Такая поддержка связана с высоким и неоправданным риском прежде всего для европейцев. И я не понимаю, зачем европейцам и в первую очередь — немцам, которые хотят во что бы то ни стало быть верными союзниками, зачем им потакать Америке. Зачем давать американцам возможность проводить политику, которая направлена не на мирное сосуществование и сотрудничество, но, как это совершенно ясно, на конфронтацию?

Чем отличается ваша позиция от позиции социал-демократов? Они, например, тоже за то, чтобы развивать обычные средства вооружения в противовес ядерным.

Разница та, что социал-демократическая партия все еще исходит из того, что членство в НАТО безусловно необходимо для того, чтобы мы в Германии могли жить в мире и безопасности. Я с этим не согласен. На мой взгляд, при нынешней ситуации в НАТО самое лучшее, что могут сделать западноевропейские страны, — это попрощаться с НАТО. Мы должны сказать великим державам: хотите этот курс продолжать дальше, дело ваше, а мы тут ни при чем. Мы за вами следовать не будем, на нашу поддержку можете не рассчитывать. Мы не желаем быть полем для военных упражнений и плацдармом для сосредоточения войск, не хотим быть стартовой площадкой для ядерных ракет. И я бы это рекомендовал не только Федеративной республике, но и другим европейским членам НАТО, у которых нет ядерного оружия: датчанам, норвежцам, бельгийцам, итальянцам и голландцам.

Стали бы Вы возражать, если бы европейские государства объединились и создали свой собственный союз наподобие НАТО?

Я чрезвычайно высоко ставлю Европу как политическую идею, равно как и экономическую компоненту мира, которая должна использовать свою экономическую мощь для того, чтобы поддерживать равновесие сил и помогать урегулированию конфликтов. Но я не думаю, чтобы Европа сослужила услугу миру и самой себе, если бы она стремилась превратиться в третью ядерную сверхдержаву. Я считаю, что толкать на это Европу — ошибка. Мое мнение — Европе надо утвердиться в качестве экономически мощной мирной державы, независимой от разных блоков, независимой от ядерных сверхдержав, как Советского Союза, так и Соединенных Штатов, с тем, чтобы благотворно и умиротворяюще влиять на их конфликты.

Но сохранив возможность защищаться?

Возможность защищаться *обычными* средствами. Я не против обычной обороны. Но ядерное вооружение, на мой взгляд, не в состоянии защитить густонаселенные страны, наоборот, оно только навлекает на нас угрозу уничтожения, ибо какое же может быть сравнение между крупным государством с малонаселенной территорией, на которой можно разместить ядерное оружие, и маленькими странами, где каждая такая база ставит под угрозу миллионы людей.

А не выглядит ли Ваше предложение так же, как то, о чем мы с Вами толковали, говоря о Зеленых, то есть не кажется ли Вам, что оно идеалистично?

Идеалистично в моих глазах, или, лучше сказать, *утопично*, представление, будто система сдерживания, то есть поддержания в состоянии боевой готовности ядерных устройств для того, чтобы удержать противника от применения своего атомного оружия, — способна создать длительную гарантию мира. Ибо эта грандиозная система отпугивания должна в конце концов привести (и действительно приводит — мы же видим, как развиваются события повсюду, и на Востоке, и на Западе) к тому, что технически развитые страны начнут разрабатывать новую стратегию и новые виды оружия, которые перекроют этот механизм устрашения. И тогда эти страны получают такой перевес, что сами смогут напасть на соседа без риска получить отпор, скажем, с помощью антиракетных систем. Если бы Соединенным Штатам удалось создать и установить эффективную и способную к быстрому реагированию противоракетную систему, можно было бы не опасаться, что противоположная сторона может нас уничтожить. Можно было бы тогда смело рассчитывать на то, что будет уничтожена только враждебная сторона — то есть СССР. Американцы смогли бы нанести первый удар, не боясь встречного удара, так как они имели бы возможность уничтожить 90, 95, а может быть и 100% ракет в воздухе. Это создавало бы возможность одностороннего шантажа. Но едва ли другая сторона смирилась с этим; она, конечно, предпримет меры, предупреждающие риск шантажа. Вот и получится, что все эти системы и программы будут лишь усугублять неустойчивость и вызывать все новые кризисы.

Хорошо. Но мне все-таки не совсем ясно: если *мы* откажемся от атомных вооружений и ограничимся обороной при помощи обычных средств, а другая сторона не разоружится, то ведь это значит, что мы добровольно подставляем себя под угрозу шантажа. Ведь нас же тогда действительно легко будет шантажировать, не правда ли?

Вы говорите: шантажировать. Вы думаете, что Советский Союз скажет: ну вот, вы, европейцы, или ты, Федеративная республика, — если ты не сделаешь то-то и то-то, мы сбросим ракеты SS-20 на Франкфурт, на Гамбург или там на Мюнхен. И покажет, что он действительно способен это сделать в любую минуту, то есть погубить миллионы людей в Европе, если Европа не подчинится какому-нибудь советскому требованию. Я считаю, что это исключено. Считаю это просто невозможным. По-моему, если бы они даже и попытались прибегнуть к подобным угрозам, европейцы смело могли бы игнорировать подобный шантаж, так как дело, конечно же, не дошло бы до реального ядерного уничтожения и убийства миллионов европейцев. Это было бы таким преступлением, на которое Советский Союз, даже если бы оно обещало ему полную победу и возможность переписать историю как ему хочется, никогда бы не пошел. Насилие и шантаж существуют лишь в мозгах тех, которые приписывают способность так вести себя другой стороне, но я не верю, чтобы Советский Союз был на это способен. Я и американцев не считаю способными на что-либо подобное. Но *разумная степень безопасности*, неуязвимости, которая удерживает соседа от нападения, — вот, думается мне, лучшая гарантия мира. Все, что превышает эти пределы, все эти попытки усилить оборону ядерными средствами или противопоставить другой стороне соответствующий военный потенциал — только уведут нас в сторону.

Отрешиться от страха — это, конечно, очень полезная вещь. Да ведь вот беда — большинство людей не могут не испытывать страха, когда на них, так сказать, целятся из автомата, а у них в руках всего лишь обыкновенная палка. В такой ситуации из людей действительно можно веревки вить. Но у

Вас получается так, что только Советский Союз имеет право бояться и руководствоваться страхом; и в то же время Вы говорите о нем так, как будто он не уничтожил уже миллионы людей и не продолжает это делать сейчас.

Я не знаю, кто больше виноват в этом субъективном страхе: Советский Союз или те, кто изображают СССР в определенном свете. Я знаю только, что они плохие советчики. И поэтому я пытаюсь противопоставить им реалистическую и деловую оценку Советского Союза и его *возможностей*. Конечно, и в СССР бывают сходные явления — субъективный страх, а также страх, возбуждаемый государственной пропагандой. Но у меня-то нет возможности повлиять на их страх, помочь им его преодолеть. Чем хладнокровнее и сознательнее будет действовать Запад, чем тверже он будет настаивать на мире, тем труднее будет изошренным пропагандистам внушать Советскому Союзу ответный страх, тем легче будет пробивать себе дорогу правда, о том, что Западная Европа Советскому Союзу не угрожает и, значит, Советскому Союзу незачем вкладывать деньги в вооружение, нацеленное на Западную Европу.

Я слышала, что Зеленые устроили демонстрацию в Москве. Хотели выставить транспаранты... Это верно?

Там, конечно, этому не особенно обрадовались, но все-таки проявили терпение. Дело в том, что мы не спросили предварительного разрешения...

А что, собственно, произошло?

Там за всем наблюдают, поэтому нашим опекунам, которые нас постоянно сопровождали, стало ясно, что мы намерены что-то предпринять. Мы хотели возложить венки на могилу Неизвестного солдата на Красной площади, — это такое огороженное со всех сторон особое место, — и таким образом выразить нашу готовность к миру в форме символической молчаливой акции. Вот мы и развернули перед решеткой наши транспаранты, четыре штуки, с надписями на русском языке. На одном, например, было написано: "Одностороннее разоружение всюду, в том числе и на Востоке", на другом: "Уважать права человека также и в Советском Союзе". То есть мы хотели сказать, что мы обращаемся к Советскому Союзу так же, как мы это делаем на Западе. Продолжалось все это примерно 5–10 минут. Конечно, сразу же появилась полиция, ведь они ожидали, что мы это сделаем.

И что вы стали делать дальше? Сами свернули транспаранты?

Мы стояли молча и показывали людям наши транспаранты. Полиция начала оттеснять стоявших поблизости зрителей, чтобы они нас больше не могли видеть. Тогда мы решили, что больше стоять не стоит, свернули наши лозунги и ушли.

Так-таки просто и ушли, по своей воле?

Ну да.

Насколько мне известно, кто-то порицал вас за то, что вы не вступили в открытое столкновение с полицией, как вы это обычно делаете на Западе.

По-моему, государственные органы поступили очень разумно, они не подбежали к нам, не вырывали у нас из рук транспаранты, как это было с нами на Александерплац в Восточном Берлине, в мае 1983 года. Поэтому я бы считал просто глупостью, если бы мы продолжали стоять во что бы то ни стало, пока, наконец, не произошло бы столкновение с полицией, — тем более, что прохожих они уже все равно заставили разойтись. Наша цель была не столкновение любой ценой, а публичный призыв к Советскому Союзу. И нам это удалось сделать.

Чем Вы объясняете, что именно к вам отнеслись с таким терпением?

Они, конечно, не хотели омрачить визит Зеленых. К тому же это совпало с заключительной фазой женевских переговоров, и тут был самый обыкновенный расчет. В другое время, может быть, вышло бы совсем по-другому. Но тут была проявлена терпимость, и вот это-то как раз я считаю заслуживающим внимания. Хотя у меня нет никаких иллюзий насчет того, что это было что-то большее, нежели тщательный политический расчет. Это отнюдь не было проявлением симпатии и согласия с тем, что мы выразили нашим выступлением.

Я бы хотела коснуться темы загрязнения окружающей среды. Крупные партии частично пошли навстречу вашим идеям и тоже пытаются что-то сделать. У меня такое впечатление, что консервативная партия сделала даже больше в этой области. Думаете ли Вы, что они это делают, чтобы перехватить у вас инициативу?

Существование Зеленых, без сомнения, вынудило крупные партии больше заняться этими проблемами, чем это делалось раньше и делалось бы сегодня, если бы не появились Зеленые. Насколько эти намерения серьезны, как далеко они идут и не являются они лишь результатом тактических соображений — дескать, не будем уступать Зеленым, нам надо занять свое место и в этих начинаниях, — сказать трудно. Мне кажется, что исчезни сегодня Зеленые, то очень многие пункты программы охраны среды испарились бы из деклараций крупных партий.

Что Вы скажете о результатах выборов в Гессене? Смогут ли Зеленые сработаться в местном правительстве с социал-демократической партией?

Зеленые относятся к социал-демократам терпимо, но это не коалиция. Я в принципе за сотрудничество с СПД, я считаю даже правильным стремление создавать коалиции левых партий в противовес ХДС—ХСС и свободным демократам, но что меня смущает в Гессене, так это то, что Зеленые слишком дешево себя продали. В межпартийных переговорах они недостаточно твердо стояли на своем и пренебрегли многими важнейшими зелеными принципами и требованиями, такими, например, как демонтаж ядерных электростанций, закрытие новой большой взлетной полосы для международных авиалиний на аэродроме во Франкфурте, — ведь именно из-за этой взлетной полосы многие люди пошли на баррикады, и в борьбе против этой полосы Зеленые выиграли так много голосов на выборах. Теперь они там рады-радешеньки, когда Зеленые вдруг говорят: "ну что ж, ничего уже не поделаешь, взлетная полоса построена; о-кей, пускайте ее в действие".

В том-то и дело: либо вы будете стремиться к сотрудничеству, и тогда придется идти на компромиссы, – либо...

Ясное дело, компромиссы необходимы, невозможно всех заставить без сопротивления принять наши требования, и приходится так или иначе идти на уступки. Но уступки эти, по-моему, не должны затрагивать некоторые принципиальные основы. К ним я отнес бы, к примеру, отказ от ядерного оружия. Поэтому я не могу себе представить блок Зеленых с социал-демократами без предварительной, совершенно недвусмысленной договоренности о том, что все ядерные вооружения должны быть из Федеративной республики выметены вон. Никакая другая тактика для Зеленых неприемлема. ●

ИЛЛЮЗИИ И ЛУКАВСТВО ГЕНЕРАЛА БАСТИАНА

Мы уже рассказывали в нашем журнале (№3) о движении Зеленых. Движение это, возникшее несколько лет назад в ФРГ, в 1980 г. оформилось в партию, а партия уже успела вступить в полосу кризиса. Но несмотря на кризис в партии и особенно в ее руководстве, низовое движение Зеленых не угасает. Более того, "зеленые" идеи давно уже перекинулись в другие страны, где возникли также близкие по духу партии и группировки. В самой ФРГ социальная база Зеленых не имеет тенденции сокращаться; "зеленое" движение в ФРГ стало поистине массовым. На свои манифестации, демонстрации протеста, марши и т. п. Зеленые собирают десятки и сотни тысяч человек.

Три кита, на которых стоит эта не совсем обычная партия, таковы: 1) одностороннее разоружение (в первую очередь – ядерное); 2) защита окружающей среды; 3) изменение стиля политической деятельности в стране, установление "нового демократического духа". Все три объявленные партией цели, естественно, ближе всего молодежи – наиболее идеалистически настроенной части населения, открытой всему новому (или тому, что кажется новым), склонной к решительным переменам и в то же время обладающей наименьшим опытом и не очень хорошо информированной о политической действительности.

По своему составу движение Зеленых очень пестро, оно объединяет людей, по ряду вопросов стоящих подчас на противоположных позициях. В него вошли недовольные "классическими" партиями ФРГ как справа, так и слева. По-видимому, есть в нем и люди, желающие использовать движение для дестабилизации существующей системы. В прессе Федеративной республики высказывались опасения, что движением могут манипулировать извне, – имеется в виду Советский Союз, которому агитация Зеленых за одностороннее разоружение несомненно выгодна.

Вероятно, в этих опасениях есть доля истины. Однако не вызывает сомнения подлинная популярность Зеленых в определенных кругах западногерманского населения, что значит только одно: движение отвечает каким-то важным, назревшим потребностям страны. Обойти его вниманием невозможно.

Желая познакомить читателя с Зелеными, мы хотели дать слово им самим. Генерал Герт Бастиан, интервью с которым мы публикуем, – один из самых видных и популярных членов партии. Читатель может, таким образом, получить информацию о движении из первых рук.

Большинство высказываний ген. Бастиана не нуждается в комментариях: так он видит мир. Однако вызывает тревогу, когда то в одном, то в другом месте интервью наталкиваешься на фальшивую ноту – и не знаешь, то ли это истинные иллюзии, то ли сознательное лукавство. Таков, например, рассказ генерала о демонстрации в Москве за разоружение и права человека. Не будем придирааться к топографической путанице – могила Неизвестного солдата не на Красной площади. Вполне возможно также, что 120 секунд, тщательно хронометрированные дотошными западными репортерами, действительно показались напряженно сжимавшему плакат генералу долгими десятью минутами.

Но Г. Бастиан совершенно сознательно лукавит, когда говорит: "Мы хотели сказать, что мы обращаемся к Советскому Союзу так же, как мы это делаем на Западе". Не так же. Не одно и то же: семь человек, на две минуты поднявшие на уровень груди транспарант, и сотни тысяч людей, блокирующие дороги, окружающие военные базы, сражающиеся с полицией месяц за месяцем, год за годом.

Есть в интервью генерала и более серьезные отклонения от действительности. Удивляют его высказывания о соотношении военной мощи НАТО и Варшавского пакта, о политике Советского Союза. Если это искреннее заблуждение, то такой инфантилизм политического деятеля просто опасен. Если это сознательный отход от истины, то где же тогда принципы Зеленых, поставивших честную политику во главу угла? Для ведущего деятеля партии, апеллирующей к молодежи, которая и без того не очень информирована о подлинном положении дел в мире, подмена фактов демагогией непростительна вдвойне.

Мы полагаем, что полезным комментарием к интервью ген. Бастиана будет несколько фактических справок.

Генерал Бастиан утверждает, что баланс сил НАТО и Варшавского пакта — в пользу НАТО, на том основании, что НАТО тратит на военные цели в долларовом выражении на 40% больше, чем страны Варшавского пакта. Вряд ли стоит напоминать, что рубль — валюта неконвертируемая и что цены в СССР устанавливаются произвольно сверху и никак не регулируются рынком. Курс рубля по отношению к доллару — условная величина: недаром "внешнеторговый рубль" вчетверо дороже своего "домашнего" рубля.

Будем считать поэтому не рубли и доллары, а солдат, ракеты и танки. На диаграмме представлено реальное соотношение вооруженных сил НАТО и Варшавского пакта в Европе по некоторым основным категориям (по состоянию на конец 1983 г.).

Цифры говорят сами за себя. Возможно, хотя и маловероятно, что в странах контролируемой сверху экономики пушки обошлись дешевле. От этого они не теряют способности убивать.

А как обстоит дело с пресловутыми ракетами среднего и дальнего радиуса действия с ядерными боеголовками? Советский Союз начал устанавливать ракеты SS-20 еще в 1977 г. Ракета эта имеет ра-

диус действия 5000 км и несет кассету с тремя ядерными боеголовками. К концу 1983 г. было установлено 378 единиц SS-20, в том числе против стран НАТО — 243 (остальные в азиатской части страны). Кроме SS-20, на Европу нацелены 224 ракеты SS-4 с одной ядерной боеголовкой каждая. Их радиус действия — 2000 км. Итак, страны НАТО уже сейчас находятся под угрозой 467 советских ядерных ракет.

Решение о размещении американских ракет в Европе, в противовес уже установленным советским, было принято только в 1979 г., а само размещение началось лишь в конце 1983 г. В 1988 г. размещение американских ракет должно быть завершено, и тогда (только тогда!) в Европе будет 108 ракет Першинг-2 (с одной боеголовкой и радиусом действия 1800 км) и 464 крылатых ракеты (также с одной боеголовкой и с радиусом действия 2500 км). А в конце прошлого 1983 г. советским 467 ядерным ракетам противостояло лишь 25 американских.

Стоит напомнить и о том, что решение НАТО 1979 г. имело целью не только провести модернизацию оборонной системы, но и содействовать переговорам о прекращении вооружений с Советским Союзом. Сразу после принятия решения из Европы была вывезена тысяча ядерных боеголовок, а в октябре 1983 г., в момент, когда началось размещение ракет, — еще 1400. Тем самым ядерный арсенал НАТО в Европе достиг самого низкого уровня за последние 20 лет. Размещение Першингов и крылатых ракет на размеры этого арсенала не повлияет: при размещении каждой новой ракеты одна боеголовка из прежнего ядерного арсенала будет удалена.

Профессиональный военный, конечно, все это знает.

Второе утверждение ген. Бастиана, которое вызывает недоумение, касается политики Советского Союза по отношению к Афганистану и другим сопредельным странам. В "щупальца" американцев, протянутые к Афганистану, не верит теперь уже ни один советский солдат из "ограниченного контингента", какому бы промыванию мозгов его ни подвергали перед отправкой в эту страну. По-видимому, не очень верит в это и сам Г. Бастиан: то он говорит, что опасность для СССР представляли американцы, которые могли использовать Афганистан как свой плацдарм, то связывает ее с Ираном, который мог послужить для мусульманского Афганистана опасным примером. Однако одно исключает другое! Кто же именно угрожал Афганистану? Теперь мы видим, что реальная опасность пришла с третьей стороны.

Есть печальный анекдот. С кем граничит СССР? — С кем пожелает. В этих словах — отражение политической реальности. Почти у каждого из своих соседей Советский Союз отобрал кусок территории, если не поглотил соседа целиком. Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Германия, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Турция, Афганистан, Тува, Япония... Советский Союз был единственной державой, исключенной из Лиги Наций — предшественницы ООН — за агрессию против другого члена Лиги — Польши. Слабым утешением является то, что нацистскую Германию, фашистскую Италию и Японию не исключили из Лиги только потому, что они сами благополучно вышли из Лиги заранее.

Положение Финляндии кажется генералу Бастиану совсем неплохим: всего лишь потеряла часть территории и лишилась возможности проводить независимую политику. Именно Финляндия дает прекрасный пример того, какую цену имеют договоры, которыми "связывает" себя СССР со своими соседями. С 1917 по 1938 г. Советский Союз подписал с Финляндией восемь договоров: о ненападении, уважении границ, сотрудничестве и т. п. Последний из них — от 28 апреля 1938 г. — закреплял государственную границу между СССР и Финляндией. Уже через полтора года эта граница была нарушена Советским Союзом: началась позорная "финская кампания".

Уважая стремление ген. Бастиана обеспечить безопасность своей страны, мы все же искренне желаем, чтобы эта безопасность не была обеспечена ценой потери свободы. Мы желаем этого, конечно, не совсем бескорыстно, ибо отдаем себе отчет в том, что "не может быть свободен народ, угнетающий другие народы". Сейчас мы, увы, именно к такому народу принадлежим. ●

ЭКОЛОГИЯ ИЛИ ЭСХАТОЛОГИЯ?

Если бы лет пятнадцать назад кто-то сказал мне, что движение в защиту окружающей среды может переродиться в одну и самых крупных мракобесных политических сил своего времени, я считал бы такой сюжет достойным научно-фантастического романа. Могут ли люди, ставящие перед собой столь благородные цели, как охрана природы от загрязнения и спасение вымирающих растений и животных, оказаться на стороне мрачных, антигуманных сил? Думаю, что нет, по крайней мере при условии, что сами они достойны тех задач, за решение которых берутся. Что это значит? Во-первых, эти люди должны быть честными и беспристрастными, а во-вторых, достаточно просвещенными, чтобы взять на себя ответственность за практические меры, которые вытекают из их предложений. Все это кажется само собой разумеющимся.

Яркими красками экологи рисуют устрашающие перспективы вмешательства человека в природу. Отравляется атмосфера и мировой океан, гибнут леса, вымирают звери и птицы, и над всем этим витает кошмарный призрак радиоактивного заражения, грозящего вырождением всему живому. Таким образом, научно-промышленный прогресс бумерангом бьет по самому человеку, и если не будут приняты радикальные меры, чтобы остановить процесс уничтожения природы — конец света неизбежен. Поэтому первейшая задача экологов — объяснить человечеству роковые последствия прогресса. Но осознали ли их в достаточной мере сами экологи?

Оказывается, что на самом деле взаимоотношения человека и окружающей среды сложнее, чем их изображают. Возьмем хотя бы парадный аргумент: деятельность человека нарушает равновесие в природе. Каковы результаты этого нарушения? Распад сложных и тонких связей организма с другими живыми существами и средой обитания, разрушение лабильных живых сообществ, массовая гибель животных и растений, изменение климата и в конечном счете тотальная экологическая катастрофа. Фатальным может оказаться выпадение хотя бы одного звена биоценоза. Например, существенную роль в биологии морей играют киты. Они же — наиболее ценные промысловые млекопитающие. Поэтому неудивительно, что с тех пор, как человек научился охотиться на китов, поголовье этих уникальных животных сократилось более чем вдвое — с полутора миллионов до 600 тысяч особей. Пугающие цифры. Но так ли это?

Во-первых, после того, как численность китов упала, китобойный промысел отчасти перестал оправдывать себя и сам по себе сократился. Во-вторых, уменьшение поголовья китов, как ни странно, мало повлияло на биоценотические связи в океане. В-третьих, и это главное, сами киты сумели эффективно противостоять угрозе истребления, у них возросла плодовитость, несколько уменьшились размеры тела, животные достигают зрелости в более молодом возрасте, что дает им больше шансов оставить потомство. Промысел продолжается, а поголовье китов растет¹.

¹ Важную роль в сокращении отстрела китов сыграли международные соглашения. — Ред.

Можно привести и еще более поразительные примеры восстановления равновесия в природе. В Европе есть озера, где истребили почти всю рыбу. Остались одни щуки. Казалось бы, выпадение сразу нескольких звеньев биоценоза неминуемо должно привести к исчезновению всего живого в озере. Ничуть не бывало. Мальки щук выжили, питаются планктоном, мальков, в свою очередь, поедали мелкие щурята, тех — более крупные; в итоге восстановилось равновесие на некотором новом уровне. Щуки озера хорошо известны, жизнь в них процветает, по продуктивности они порой не уступают прочим.

Еще пример. Культурные растения эффективнее используют энергию солнца, быстрее растут, дают больше плодов и зеленой массы, чем их дикие родичи, вместе с тем они потребляют больше влаги. Поэтому культивируемые почвы нуждаются в орошении. Вода, используемая для полива, обычно содержит больше солей, чем дождевая. Избыток соли накапливается в почве, так что в конце концов она становится непригодной для земледелия. Засаливание сельскохозяйственных земель дало экологистам повод выступить против орошения, хотя без орошения интенсивное земледелие невозможно. Однако уже выведены сорта растений, которые могут расти и на засоленных почвах. В клетках таких растений имеются специальные пузырьки-вакуоли, где откладываются избыточные соли. Сорт ячменя, выведенный в университете города Дэвиса (Калифорния) дает устойчивый урожай на почвах с таким высоким уровнем засоленности, что обычный ячмень на них погибает.

Экологи опасаются — и не без основания, — что человек внесет в природу дисбаланс, нарушит установившееся равновесие. Но почему этого нужно бояться? Природа — не картонный домик: вынул одну карту, и все здание валится. Природа — это система, которая складывалась миллиарды лет. Совершенство биологических сообществ, выработанное за этот необозримый период, состоит прежде всего в их устойчивости, способности противостоять самым неожиданным разрушительным факторам. Уничтожить ее не так просто. Лamentации экологов слишком часто упускают из виду хорошо известный биологам факт — то, что организмы регулируют свои взаимоотношения с окружающей средой. Способность эта часто превосходит наши представления. Крыса, к примеру, привыкает к ядохимикатам уже через пять поколений, некоторые растения могут приспособиться к низким температурам даже на протяжении жизни одного поколения.

Да и почему мы должны думать, что нарушение баланса в природе всегда ведет к деградации? Баланс — состояние динамического равновесия. Расшатывая баланс, мы стимулируем восстановительные потенции системы. Это порой переводит ее на более высокую ступень организации. Так, обмеление и зарастание водоемов в нижнем карбоне заставило часть рыб выйти на сушу; появились земноводные, пресмыкающиеся, затем птицы, звери, человек... В основе же было нарушение равновесия, явление, которое теперь назвали бы загрязнением среды. И наоборот, сохранение стабильного состояния, создание заповедных условий как правило приводит к упадку, застою, загрязнению. Как ни парадоксально это звучит, если бы мы сознательно задались целью ликвидировать жизнь на Земле, достаточно было бы превратить планету в гигантский заповедник, усиленно поддерживая все виды биологического равновесия, лелея реликтовые растения и вымирающих животных, оберегая природу от неблагоприятных климатических и иных воздействий. Этому застою, однако, препятствуют спонтанные изменения окружающей среды, порой катастрофические (вспомним хотя бы великие обледенения). Без подобных катаклизмов не возникли бы современные развитые формы жизни.

Воздействие человека на природу можно сравнить с таким катаклизмом. Кажется, что пришли последние времена. Между тем вымирание видов, неспособных адаптироваться к новым условиям, — явление естественное. Из нескольких миллиардов видов, населявших Землю с момента возникновения жизни, лишь около 4 миллионов пережили все невзгоды и сохранились до наших дней. Остальные, то есть примерно 99,9%, вымерли!

Исчезновение видов, таким образом, — не новость и не случайность. Вымирают "плохие" виды — слабые, консервативные, утратившие эволюционную пластичность. И наоборот, жизнеспособные и пластичные выживают и эволюционируют еще энергичней. В качестве очередной иллюстрации рассмотрим насекомых. С эволюционной точки зрения это наиболее процветающая, интенсивно овладевающая новыми пространствами группа живых существ. Количество видов насекомых превышает число видов всех остальных животных, растений, бактерий и грибов, вместе взятых. Из двух миллионов видов насекомых много ли истреблено человеком? Оказывается, ни одного. И это несмотря на отчаянную борьбу с разного рода вредителями и паразитами. Хуже того, известно более двухсот новых рас насекомых, возникших под влиянием антропогенного фактора, рас, которые, несомненно, представляют собой ступени современного видообразования. Новые расы, появившиеся благодаря деятельности человека, известны также у грызунов, у многих растений, особенно сорных.

И даже самый драматический довод экологов — смерть лесов — на поверку оказывается не столь убедительным. Ведь уже десятки миллионов лет древесная флора на Земле отступает перед биологически более прогрессивной травянисто-кустарниковой; человек лишь несколько ускорил этот естественный процесс. С моей точки зрения, сохранение лесов вопрос скорее эстетический, чем биологический.

Из сказанного следует важный вывод: содействуя вымиранию отдельных реликтовых видов человек в то же время способствует расцвету других, более прогрессивных. Другими словами, он как бы ускоряет естественный процесс эволюции на Земле. И не беда, если какая-нибудь панда (хотя это и очень симпатичный зверек) исчезнет на несколько столетий раньше срока, который написан у нее на роду.¹

Мне часто приходится встречаться с людьми, которые боятся есть, пить, дышать воздухом, боятся принять таблетку аспирина, когда у них болит голова. Им кажется, что все вокруг: вода, воздух, пища, одежда, которую мы носим, мыло и шампуни, которыми мы моемся, даже асфальт, по которому мы ходим, — пропитано "химией". Что собственно представляет собой эта "химия", никто из них толком не знает. На наших глазах боязнь химизации быта, сельского хозяйства, пищевой промышленности приняла характер подлинной общественной истерии.

Под эту истерию подводится квазитеоретическая база. Утверждают, что человек оторвался от природной основы, отошел от здорового естественного состояния. Под "естественным" понимают, кажется, то, что существует в природе само по себе, к чему человек не приложил рук. Однажды мне довелось даже познакомиться с особой, которая не ела грейпфрутов, считая, что грейпфрут — это гибрид лимона и апельсина, а всякий гибрид есть нечто ненатуральное. Она не подозревала о том, что гибридизация — один из ос-

¹ Из 4226 видов млекопитающих, существовавших в 1600 году, к настоящему времени исчезло 36 и 120 видов находятся под угрозой исчезновения. Из 3531 вида птиц (без отряда воробьиных) исчезло 66, близко к исчезновению 117. ("Красная книга", изд. 1976 г.) — Прим. ред.

новых способов видообразования в мире растений, что в дикой природе гибридов не меньше, чем на возделываемых почвах, что, наконец, многие культурные растения: слива, малина, брюква — тоже гибриды, а вот грейпфрут как раз не гибрид; ни апельсин, ни лимон в дедушках у него не числятся.

К несчастью, многие экологисты мало отличаются от этой дамы. Иначе они бы знали, что только благодаря химическим удобрениям и гербицидам произошло современное увеличение продуктивности сельского хозяйства, не забыли бы о том, что благодаря гигиене и фармакологии (то есть той же химии) детская смертность за последние 50 лет уменьшилась в десятки раз, а продолжительность жизни человека выросла вдвое. Они поняли бы, что треть населения Земли обязана этой самой "химии" своей жизнью. Экологисты попросту не считают с тем фактом, что к "естественным" условиям современный человек не приспособлен, он не смог бы жить в "чистой" природе, как не смогут выжить в лесу домашняя курица или помидор. Минеральных веществ, содержащихся в почве, культурным растениям не хватает. Нужны удобрения. Если дикое растение в большинстве случаев образует изолированные популяции и вредителям трудно перебираться от одной группы к другой (не говоря уже о хищниках, истребляющих вредителей), то на обширных территориях, засаженных монокультурой, насекомые-вредители оказываются в исключительно благоприятных условиях: пищи более чем достаточно, их естественные враги на возделываемых полях не поселяются, да и сами культурные растения, теряют способность сопротивляться насекомым — их селекция направлена в другую сторону. Выходит, что без применения пестицидов в принципе не обойтись. Тем не менее пестицидов боятся, как чумы. Наверное, у человека просто есть внутренняя потребность в такого рода суевериях: раньше боялись солнечного затмения, дурного глаза, сквозняка, теперь — "химии", синтетики, лекарств¹.

Другой дежурный аргумент экологов и близких к ним течений: научный прогресс и, в частности, успехи медицины ведут к биологической деградации самого человека. С развитием транспорта и автоматики у человека атрофируются мышцы; благодаря прогрессу медицины, он становится более зависимым от лекарств, ослабевают естественные силы борьбы с инфекцией. Этот аргумент не то чтобы ложен, но, как и цитированный выше тезис "Человек нарушает равновесие в природе, и это плохо", по существу своему демагогичен. Почему снижение физической силы или сопротивляемости к инфекциям нужно непременно рассматривать как явление отрицательное? Мышечное усилие заменяет машина, медикаменты купируют инфекционный процесс и до некоторой степени делают ненужными естественные механизмы иммунитета. Здесь можно сослаться на закон смены функции, установленный А. Н. Северцовым: если какая-либо функция заменяется новой, более совершенной, — старая утрачивается за ненадобностью. Закон этот оригинальным образом проявляется и в эволюции человека: биологические функции заменяются и отчасти вытесняются изобретенными человеком приспособлениями. При этом утрата первичных функций, на мой взгляд, отнюдь не свидетельство дегенерации. Напротив, она означает раскрепощение человека, меньшую зависимость его от далеких предков, от унаследованных физиологических особенностей организма.

На улицах немецких и австрийских городов мы часто встречаем молодых людей со значком, а то и с плакатом: "Atomenergie? Danke, nein!". Мне понятен священный ужас

¹ К сожалению, автор не рассматривает воздействие на человеческий организм аллергенов, канцерогенов и т. п. веществ, которое в той или иной мере можно связывать с химизацией быта. — Ред.

перед радиацией, который испытывает человек после всего, что он слышал о Хиросиме и Нагасаки. Но этот ужас, откровенно говоря, переходит границы разумного. Атомный реактор — это все-таки еще не бомба, так же как бельевая веревка — не обязательно атрибут виселицы. Данные об опасности повышенного радиоактивного фона требуют осторожного отношения. Они покоятся подчас на весьма шатком фундаменте. Факт неблагоприятного воздействия на живые организмы малых доз радиации пока не доказан. Эксперименты показывают, что у некоторых животных облучение в малых дозах действительно приводит к повышению частоты уродств в потомстве и сокращает продолжительность жизни, однако большинство организмов к слабой радиации вообще не чувствительно, а у иных она даже удлиняет жизнь. Не подтверждено и неблагоприятное воздействие малых доз радиации на человека. Например, непонятно, почему в Израиле, где радиоактивный фон не выше принятой сейчас нормы, заболеваемость лейкозом, которую всегда связывали с радиацией, в двадцать раз превосходит частоту этого заболевания у жителей Хиросимы после атомной бомбардировки.

Но, может быть, есть основания опасаться, что повышение радиоактивного фона приведет к увеличению числа мутантов в потомстве человека? Если это и так, нельзя утверждать, что увеличение мутабельности равнозначно генетическому вырождению. Ведь не все мутации опасны. Существуют нейтральные и положительные мутации. Отрицательные же в большинстве своем летальны, то есть проявляются уже на ранних этапах внутриутробной жизни и приводят к гибели зародыша, отсекая какие-либо дальнейшие генетические последствия. Если же подойти к проблеме шире, то следует сказать, что увеличение генетического разнообразия популяции человека в целом явление скорее положительное, чем отрицательное.

Итак, если рассмотреть проблему воздействия человека на окружающую среду во всех ее аспектах, ситуация перестает выглядеть апокалиптической. Конечно, из этого не следует, что проблема защиты природы не имеет значения, что она раздута искусственно. Напротив, это одна из серьезнейших проблем нашего века. Быть может, она даже заслуживает еще большего внимания, чем то, которое ей сейчас уделяют. (Я уже не говорю о Советском Союзе, где, например, отсутствует какой-либо внесударственный контроль над использованием атомной энергии.) Однако специальные вопросы охраны среды должны решаться не на уровне примитивных эмоций, не с помощью безответственной риторики, а на основании объективных данных науки. Кто представит нам эти данные? Прежде всего, конечно, квалифицированные биологи-эволюционисты, ибо только они в определенной мере способны предсказать, к чему может привести то или иное вмешательство человека в жизнь природы. Но как раз ни один из авторитетных эволюционистов к движению экологистов не привлечен. Что это — случайность, недоразумение, политика?

Политическая активность сторонников этого движения — тема, заслуживающая отдельного рассмотрения; мы можем здесь лишь коснуться ее. На политической сцене разных стран экологисты фигурируют в качестве левых и, следовательно, прогрессивных. Но трудно представить более консервативную — чтобы не сказать реакционную — общественно-политическую доктрину, чем та, которая направлена против научного и технического прогресса, современных приемов ведения сельского хозяйства, эффективных методов лечения болезней человека, использования новых форм энергии и т. д.

Движение экологов, представленное, в частности, в ФРГ партией Зеленых, стремится не столько оградить природу от вредного воздействия человека, сколько изолировать человека от достижений науки и техники. Цель, по сути дела, состоит в том, чтобы блокировать технический и индустриальный прогресс в странах Запада, и нередко, хотя и в небольшой степени, им это удается. Но еще хуже обстоит дело с чистой политикой, ибо слишком часто пророки экологического конца света, хотя бы они этого или не хотят, оказываются союзниками разного рода просоветских группировок. Активно выступая против размещения в Европе американских ракет, они, например, почему-то очень мало озабочены существованием советских ракет, которые нацелены на их собственные головы.

В заключение — несколько кратких выводов.

1. В этой статье мы постарались показать, что прогнозы экологов о биологически губительном влиянии научно-технического прогресса в целом ошибочны. Они не учитывают пластических возможностей живых организмов, умения адаптироваться к новым условиям окружающей среды.

2. Антропогенные влияния становятся в наше время наиболее мощным фактором воздействия на природу; однако, нарушая равновесие в экологических системах (биоценозах), человек способствует прогрессивному развитию жизни на Земле.

3. Эволюция самого человека осуществляется по принципу смены функций: природные функции могут ослабляться и заменяться различного рода искусственными приобретениями. Процесс этот отнюдь не свидетельствует о деградации человека, напротив, он может быть показателем биологического и социального прогресса.

4. Химизация сельского хозяйства и быта, использование новых видов энергии (в том числе атомной) — необходимая предпосылка научно-технического развития повышения продуктивности сельского хозяйства и биологической эволюции человека.

5. Движение экологов не имеет серьезной научной основы, его основной лозунг — спасение природы — остается чистой декларацией. На самом же деле, это движение ставит палки в колеса научно-техническому прогрессу и смыкается с самыми реакционными силами современности. ●

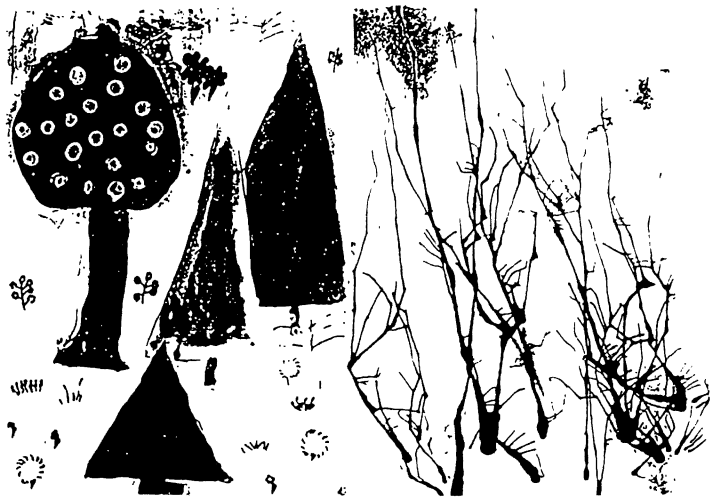

Рисунок Михаэля Хаберля,
7 лет (Австрия)

ВОЗДУХ ОДИН ДЛЯ ВСЕХ

Открыл конференцию министр внутренних дел ФРГ д-р Фридрих Циммерман. Собравшихся приветствовал баварский министр внутренних дел и заместитель премьер-министра Свободного государства Бавария д-р Карл Гиллермейер.

В конференции участвовали министры: Белорусской ССР, Народной Республики Болгарии, Чехословацкой Социалистической Республики, Германской Демократической Республики, Венгерской Народной Республики, СССР, Украинской ССР и западных стран.

Исполнительный секретарь Экономической комиссии ООН для Европы К.Сальгрен:

С проблемой загрязнения воздуха мы столкнулись давно, но лишь теперь стало ясно, что она носит не только местный характер. Отравленный воздух разносится на огромные расстояния — им дышат все.

Этот вопрос — часть общей проблемы использования природных ресурсов. Сейчас мы стоим перед необходимостью ограничить экономическое развитие, а значит приостановить рост благосостояния людей. Мы превысили наши возможности, нерационально растрачивая природные богатства, забывая о том, что многие из них невозобновляемы (энергетические ресурсы, минеральное сырье), а другие (вода, воздух, земля, леса) воссоздаются с большим трудом, забыв, что погибший генетический фонд растений и животных никогда не возродится. Мы заблуждались, считая, что можем неограниченно эксплуатировать природу; экономические и социальные потери десятилетий пренебрежительного отношения к окружающей среде поистине неисчислимы.

Член комиссии Европейского экономического сообщества д-р Карл-Гейнц Нарьес:

Мы изучили движение масс загрязненного воздуха и убедились, насколько люди и народы зависят друг от друга. Прежде всего это относится к европейскому региону. Теперь надо соединить науку с практикой. Наша комиссия стремится реализовать предложения симпозиума, состоявшегося в сентябре 1983 г. под девизом: "Кислотные осадки — вызов, брошенный Европе".

Главным мы считаем внедрение четырех предложений:

1. Ограничить выброс вредных веществ в крупных отопительных установках. К 1995 г. выбросы SO_2 должны сократиться по сравнению с 1980 г. на 60%, азота и пыли — на 40%.
2. Контролировать содержание окисей азота в воздухе.
3. Организовать совместную защиту лесов от пожаров и от "кислых дождей".
4. Сократить выброс окислов азота и свинца из выхлопных труб автомобилей, а с 1989 г. во всех странах Европейского сообщества перейти на неэтилированный бензин.

Я хотел бы предостеречь от бездеятельного экологического цинизма, который использует неясные результаты отдельных исследований как повод для того, чтобы отложить необходимые меры в долгий ящик.

Из доклада западногерманского правительства:

В 1983 г. загрязнение воздуха нанесло ущерб 34% лесных массивов Федеративной республики. Больше всего страдают хвойные породы: пихта (повреждено 75%), сосна (44%), ель (41%). Среди лиственных наибольшие потери понесли бук (26%) и дуб (15%). Больные деревья можно узнать по пожелтению хвои, изреживанию кроны, осыпающейся коре, постепенному отмиранию корней. Поврежденные леса становятся добычей насекомых и грибов. Радикальных мер для борьбы с этим бедствием пока нет.

Отравленный воздух губит не только леса. По имеющимся сведениям, загрязнение Северного моря полихлордифенилами из воздуха в несколько раз выше загрязнения стоками рек. Это приводит к вымиранию рыб и вредит планктону.

Допустимая норма осадков серы из атмосферного воздуха — 0,5 г на квадратный метр поверхности в год. Во многих районах Центральной Европы осадков серы выпадает сейчас в несколько десятков раз больше. В скандинавских странах пытались бороться с закислением водоемов путем внесения ошелащивающих средств. Но это очень дорого стоит, а эффект — кратковременный.

Загрязнение воздуха разрушает памятники старины. В церквях и соборах Европы более ста тысяч цветных витражей, древнейшие из них — пророки Аугсбургского собора — пережили тысячелетие. Еще в начале нашего века эти сокровища были в сравнительно хорошем состоянии. Даже Вторая мировая война (когда многие ценные витражи были укрыты в безопасных местах) не сумела нанести им такого ущерба, какой причинен за последние тридцать лет. Дело дошло до того, что возникла угроза полной гибели стеклянной живописи в ближайшие десятилетия.

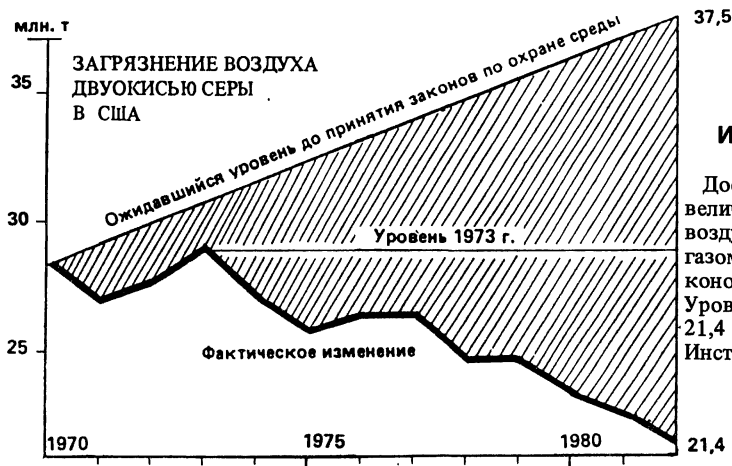
Пострадали и здания. Так, шлайдорфский камень (известковый песчаник), из которого построен Кельнский собор, показывает признаки распада. Такая же угроза нависла над множеством других прославленных сооружений, и не только в Германии. Даже греческий Акрополь, даже Тадж-Махал в Индии может постигнуть та же судьба.

Глава советской делегации Председатель Государственного комитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды профессор Ю.А.Израэль:

СССР успешно справляется с проблемами загрязнения среды. Если в 1980 г. в атмосферу выбрасывалось 25 млн. т сернистого газа, то в 1982 г. — на два миллиона тонн меньше. (Эта цифра отличается от сведений шведского института, приведенных в таблице. — Ред.) Но на территорию СССР с запада поступает дополнительно 5 млн. тонн, в то время как встречный поток уносит в пять—десять раз меньше. Советский Союз приветствует любое международное сотрудничество и активно участвует в принятии совместных решений.

Делегат Чехословакии:

Чехословакия открыта для проникновения загрязняющих веществ через ее западные государственные границы. Измерения показывают, что выпадение серы на нашей территории происходит на две трети за счет заграничных источников — прежде всего из Западной Европы. Чехословакия получает на квадратный метр в 12 раз больше серы, чем некоторые государства Скандинавии. В результате в ряде областей, особенно в Северной Чехии, где находится также большое число наших собственных энергетических предприятий, происходит серьезное повреждение лесных массивов. В целом по стране повреждена четверть всего лесного фонда.

Из доклада делегации США:

Достигнув в 1973 г. максимальной величины 28,9 млн. т, загрязнение воздушного бассейна США сернистым газом снизилось после принятия законов, ограничивающих выбросы. Уровень загрязнения 1982 года — 21,4 млн. т (по данным шведского Института Бейера — 23,5. — Ред.).

Что делать? Меры борьбы с загрязнением воздуха (по докладу делегации ФРГ).

1. Экономия энергии. Усовершенствование отопительных установок снижает потребление энергии примерно на 20%. Теплоизоляция зданий и регулирование расходов энергии дают дополнительную экономию 20–50%. Например, установка в квартирах индивидуальных счетчиков расхода тепла и горячей воды снижает как правило потребление энергии на 15–20%. Рациональное использование энергии в промышленности привело к тому, что с 1960 по 1980 гг. расход топлива на

единицу продукции в стране снизился вдвое. Экономить энергию можно самыми разными способами — используя теплоотходы, создавая сеть теплофикации, применяя энергию ветра, солнца, воды в сочетании с тепловыми насосами.

2. Переход на топливо с невысокой загрязненностью. Речь идет о следующих мерах, которые в настоящее время осуществляются в Федеративной республике: освобождение угля и котельного топлива от избытка серы, строительство атомных электростанций (на их долю в ФРГ приходится сейчас 17% потребляемой энергии), применение природного газа (в 1982 г. он покрывал 15% всех энергозатрат).

3. Борьба с загрязнением воздуха непосредственно у источников загрязнения. В стране применяются 15 методов очистки тепловых газов, некоторые из них удерживают 95% серы. Освобождение воздуха от окислов азота в широких масштабах производится сейчас лишь в Японии: дымовые очищаются на 80–90%. С июля 1983 г. в ФРГ действует правильное постановление о предельнодопустимых величинах выброса в воздух опаснейших загрязнителей. Оно касается полутора тысяч действующих отопительных установок. По данным Союза немецких электростанций, 80% установок общественного электроснабжения будут переоборудованы а 20% придется вывести из эксплуатации как не удовлетворяющие нормативам.

4. Выхлопные газы автомобилей — один из главных источников загрязнения воздуха. Они дают 55% загрязнения окисью азота и 39% углеводородами. Использование катализаторов и неэтилированного бензина, широко применяемых пока только в США, позволят сократить загрязнение на 90%. Страны Европейского сообщества внедрят у себя эту технологию в ближайшие 10 лет, а ФРГ начнет широко использовать неэтилированный бензин с 1986 года.

Контроль за чистотой воздуха. Сокращение выброса двуокиси серы в ФРГ к 1993 г. составит 50%. Отложения серы в областях с высокой плотностью производства должны сократиться с 10 г/м^2 до $7\text{--}8 \text{ г/м}^2$, а в областях, отдаленных от источников загрязнения, — с 2 до $1,5 \text{ г/м}^2$ в год. Сокращение объема выбросов в остальных государствах Европы на 30% позволило бы уменьшить эти величины соответственно до 5–6 и $1,2\text{--}1,6 \text{ г/м}^2$ в год.

Необходимо оживить международный обмен информацией о текущих исследованиях и наблюдениях, создать стандартизованные системы данных, постоянно обмениваться опытом.

СКОЛЬКО СЕРНИСТОГО ГАЗА ВЫБРАСЫВАЕТСЯ В ВОЗДУХ?

По данным Института Бейера (Швеция), представленным
в докладе французской делегации

	Миллионы тонн в год			Изменения (в %)	
	1972	1982	1992	1972-1982	1972-1992
	(прогноз)				
СССР	23,50	25,50	30,05	8,5	27,9
Великобрит.	5,61	4,25	4,75	-24,2	-15,3
ГДР	4,00	4,00	4,20	0	5,0
ФРГ	3,91	3,51	3,72	-10,2	-4,9
Чехословакия	2,91	3,37	3,78	15,8	29,9
Италия	3,17	3,07	3,21	-3,2	1,3
Франция	3,22	2,89	2,24	-10,2	-30,4
Польша	3,00	2,50	2,78	-16,7	-7,3
Румыния	0,85	2,00	2,67	135	214
Бельгия	1,14	0,81	0,84	-28,9	-26,3
Турция	0,60	0,65	1,31	8,3	118
Швеция	0,83	0,51	0,33	-38,6	-60,2

Готический ангел — жертва сернистого газа

КОММЕНТАРИЙ РЕДАКЦИИ

Приведенные здесь фрагменты и краткие резюме некоторых выступлений на Международной мюнхенской конференции по вопросам охраны среды не имеют целью всесторонне осветить работу этой конференции. Мы хотели лишь познакомить читателя с некоторыми ее направлениями и идеями.

Перечитывая доклады делегатов западных стран, испытываешь тревогу. Кажется, что экологическая катастрофа уже наступила. Сообщения представителей государств Восточного блока, напротив, полны оптимизма. Если что и не так, то лишь по вине капиталистических соседей: это они погубили природу, это отсюда отравленный ветер дует на зеленые нивы и цветущие города стран социализма. Однако читатель, хотя бы отчасти знакомый с экологической ситуацией в СССР и зависящих от него странах, легко поймет, в чем дело. На Западе загрязнение окружающей среды не держится в секрете от общественности, все сведения публикуются, о вреде, который нанесла природе высоко развитая цивилизация, говорят вслух и порой склонны даже сгущать краски. Докладчику от Федеративной республики, страны, находящейся в центре Европы и более, чем какое-либо другое европейское государство, страдающей от двойного воздействия собственных промышленных загрязнений и тех, которые поступают от индустриализованных соседей, нет необходимости скрывать серьезность положения, ему не нужно расхваливать свое правительство за заботу о народе; наоборот, он исходит из того, что заострить внимание на проблеме значит ускорить ее решение. В Советском Союзе экологическая угроза — одна из многих тем, на которые наложено цензурное вето. Замалчивание проблемы — вот оригинальный способ ее решения. Никто не может сказать, какой вред причинила природе та или иная стройка, та или иная технология или отрасль производства. Уровень загрязнения воздуха и водных бассейнов, повреждения лесов, степень ущерба, нанесенного памятникам старины, рост заболеваемости, все эти и подобные сведения — государственная тайна. Это значит, что действительное положение вещей скрыто от общественности, которая таким образом лишена возможности серьезно обсуждать проблемы, касающиеся буквально каждого человека. Между тем СССР занимает первое место в мире по количеству выбрасываемых в атмосферу промышленных ядов. В сходном положении находятся и другие страны советского блока. Поэтому жалобы делегата СССР на то, что значительная часть двуокиси серы поступает на территорию страны с запада, очевидным образом должны быть адресованы сателлитам Советского Союза — Польше, ЧССР, ГДР, Венгрии. Маленькая Чехословакия загрязняет небо больше, чем Италия, и примерно так же, как самая индустриализованная страна Европы — ФРГ. Но если в западных странах, по оценкам независимых наблюдателей, загрязнение атмосферы снижается, то у государств СЭВ выбросы сернистого газа в атмосферу непрерывно растут, и в ближайшее десятилетие эта тенденция, видимо, сохранится (см. таблицу). По степени загрязнения воздуха на единицу промышленной продукции социалистические страны превосходят акул империализма в 5—10 раз. Правда, на конференции это старались не акцентировать.

В выступлениях делегатов стран Восточного блока, как бы ни были они демагогичны и тенденциозны, содержалось, несомненно, и зерно истины. Все делегаты подчеркивали связь между проблемами экологии и разоружения, необходимость мирного сосуществования как предпосылки для сотрудничества. Это справедливо. Не напоминают ли, однако, эти прекрасные декларации проповедь алкоголика о пользе воздержания?

Конференция завершилась подписанием совместного коммюнике, в котором говорится о готовности к сотрудничеству всех стран Востока и Запада "поверх государственных границ".

Но пока что поверх границ, разделяющих два блока, свободно перемещается лишь отравленный воздух.

*Рисунок Марио Кнежевича,
10 лет (Австрия)*

САМОУБИЙСТВО В ДЕРЕВНЕ НЕЧАЕВО

История в письмах и протоколах

В ноябре 1929 года Пленум ЦК коммунистической партии принял решение направить для работы в колхозы и машинно-тракторные станции не менее 25 тысяч рабочих, обладающих достаточным организационно-политическим опытом. В ответ на этот призыв более 60 тыс. рабочих Москвы, Ленинграда, Донбасса, Урала, Иваново-Вознесенска и других промышленных центров заявили о своем желании поехать на постоянную работу в деревню.

Всемирная история, том IX, стр. 227. М. 1962.

Уезжая на самые боевые и ответственные участки социалистического переустройства сельского хозяйства, мы заверяем ленинский ЦК в том, что отдадим все свои силы, всю энергию революционно-пролетарской борьбы на строительство социализма в нашей стране.

Из письма рабочих-двадцатипятилетчиков.

Газета "Беднота", январь 1930.

Но когда я окупился в деревню, то я вижу, что здесь другое, что нам говорили — этого нет в деревне.

Рабочий Александр Шевченко

1.

[От] Уполномоченного по Западной области

В. Голова

Великие Луки 5/III—30 г.

В дополнение моего письма от 18/II по вопросам состояния Весенней посевной кампании и о кадрах рабочих в счет 25 000 по Великолуцкому Округу по состоянию на 25/II, что можно видеть из прилагаемой при сем сводки, за этот промежуток времени можно констатировать некоторое увеличение % коллективизации, [возросла] ссыпка семенных фондов и очистка зерна, что же касается остальных вопросов: как контрактация всех культур, сбора задатка на трактора, организация поселковых товариществ, организация средств населения путем вкладов сбережений, составления производственных и рабочих планов в колхозах, организация труда и машинно-конных колонн как в самих колхозах, так [и] межрайонных, а также землеустройства, [в] колхозах дело идет из рук вон плохо, за что Областной комитет этот округ уже занес на черную доску. Во что уп [и] раятся эти трудности, как я уже Вам сообщал в предыдущем письме, это

прежде всего на бывшее Окружное руководство, которое на днях заменено [другими] лицами, недостаточно ясны даваемые директивы руководящих указаний, запут [а] нности этих д [ире] ктив, не уверенность в дачи директив, частая смена и дополнение их. На местах в районах и с/советах далеко недостаточное количество знающих технических сил — а местами полное их отсутствие — есть ряд районов, где ведут работу только один агроном или вовсе без агрономов, не говоря о счетоводных работниках, которых почти нет и получить их в районах не предоставляется возможности. Правда, в округе в настоящее время мобилизован о 54 счетовода и 17 агрономов, кроме этого предполагено провести на курсах счетоводов из актива колхозников 235 и послать из школы ШКМ девяносто семь человек. Кроме этого в Округе работают около 700 человек рабочих различных пригод. ведут организационную работу. Переключить же их на производство технических работ не представляется также возможности по неподготовленности их в этой работе. В Области тоже идет мобилизация счетных работников, которых направляют в Округа и районы до 500 чел. Эта цифра далеко не покрывает тех требований, которые предъявляются к счетоводам. Так как по Области насчитывается в настоящий момент 3000 колхозов, понятно обеспечить все колхозы посылаемыми счетоводами невозможно. Какие же сейчас ставит себе задачи Великолуцкий Округ? Прежде всего эт [о] мобилизация всех сил округа на полевые работы, как то: закрепление колхозов на основе составления рабочих и производственных планов, организации тяговой машинно-конной силы, организации и распределение труда в колхозах, простейш [е] е землеустройство их, контракция всех культур и животноводства по намеченному плану — вот все мероприятия, которые необходимо провести весьма в короткий срок до сева, [обстоятельства] не дают уверенности, что они будут проведены полностью.

В отношении использования рабочих в счет 25 000, которых в округе имеется 245 человек, то я как раньше Вам сообщал, что в этом вопросе дело обстоит далеко не удовлетворительно — до сих пор еще нет от некоторых районов сведений как эти рабочие использованы и какое их настроение. На днях только что закончив. Пленум Окружкома, где присутствовали все секретари Райкомов, этих сведений не дали. После Пленума было совещание при Бюро Окружкома. Совещание постановило: обязать личную ответствен. секретарей Райкомов проверить, как используются рабочие, а главное, как они обеспечены всем необходимым и нет ли [жалоб] .

Вчера открылся Пленум ОКРИСПОЛКОМА, где присут [ствовали] все Председатели РИКОВ. Снять этих сведений не удалось, но выявлено, что имеются случаи ухода рабочих с работы из колхозов без всяких мотивов со стороны самих рабочих, причем эти явления [я] ухода рабочих не выявляются и о причинах их нет сообщений н [и] от колхозов, нет и от местных организаций. Больше того, есть весьма печальный случай — самоубийство девятнадцатого второго одного ШУЙСКОГО РАБОЧЕГО из гор. ШУИ ФАБРИКА № 2 Иваново-Вознесенской области, члена ВКП(б) 26 года АЛЕКСАНДРА КУЗЬМИЧА ШЕВЧЕНКО, который прибыл в гор. Великие Луки в числе восьмьдесят девять человек, в том числе его жена, тоже член партии Александра Георгиевна ШЕВЧЕНКО. Из Округа тов. ШЕВЧЕНКО, его жена и еще 3 рабочих 8/II были посланы в Холмский Район Великолуцкого Округа, где их распределили на работу. Самого ШЕВЧЕНКО назначили инструктором Холмского районного Лыносоюза с окладом 80 руб., а жена ШЕВЧЕНКО была назначена зав. Городским клубом с окладом жалованья также 80 р. Тов. Шевченко вместе с женой была отведена, как установила следствен [ая] комиссия, в Холме хорошая квартира, состоящая из двух комнат, обставлена мебелью и находив [шейся там] роялью. Пред. Холмского Лыносоюза, где пришлось работать ШЕВЧЕНКО, является старый подпольный член партии ВКП(б), член В. Луцкого ОККА то [в.] ЛАДИН. Числа 16—18/II тов. ШЕВЧЕНКО выехал из Холма в деревню для организации поселковых Лыновариществ вместе с бригадой, которые были члены партии, АВЕРБУХ, член Посевной Районной тройки и ПЕТРОВА. В одной из деревень им удалось организовать то-

варищество, но спустя 3-дня после их отъезда это товарищество распалось. Будущий в деревне [Осны] тов. ШЕВЧЕНКО и другие тов. занимались организац[ией] товариществ — организовать не удалось, после чего они переехали в дер. НЕЧАЕВО Морховского с/совета и остановились все вместе на квартире [в] доме крестьянина ЯКОВЛЕВА. Тов. ШЕВЧЕНКО был очень взволнован и говорил о своих неудачах по организации этих товариществ, кроме того его очевидно тяготело его свое семейное положение. Оно вытекает из полученного письма из гор. ШУИ на его имя в день его похорон.

Тов. ШЕВЧЕНКО рабочий, родился 1902 г., был в Партизанских отрядах, до 24 [г.] служил в Красной Армии, с 25 на фабрике в ШУ [Е]. Будучий в Красной Армии, как показывают свидетели, он застрелил ком. Роты, судился, был оправдан. На фабрике проявлял нервность, пытался покончить с собой, но не удалось. Партийная организация в ШУ [Е] лишил [а] права ношения оружия и отобрал [а] его. Женат дважды, кроме того, как видно из прилагаемого письма, у него была интимная связь с некой ЛИДОЙ, как выявленной лишенкой, что указывает на его не устойчивость в равновесие. Несмотря на это, все же следственный материал не дает основания делать выводы, исходя только из недостатка ШЕВЧЕНКО. Есть вина и у ШУЙСКОЙ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ, которая зная нервное состояние, как попытку на самоубийство, все же послали [его] на такую весьма ответственную и тяжелую работу, как руководитель колхоза, где нужны [а] устойчивость, твердость и выдержанность. Кроме того, следует поставить в вину Окружным организациям Великолуцкого округа и Районным организациям, которые безусловно не проявили должного внимания к распределению рабочих и их персональному изучению, что понятно отразилось на нормальны [х] условия [х] работы. Эти организации ограничились с внешней стороны, как то пышной встрече [й], но не вникли и не помогают в достаточной степени этим рабочим, кроме того нужно констатировать, что подготовка среди колхозной массы окружающего крестьянства о значении присылки рабочих велась очень слабо или почти не велась. Если это было бы проведено, то понятно не было бы случая ухода рабочих с работы или подобного случая ШЕВЧЕНКО.

3/III В. Луцкая ОККА и Бюро Окружкома, заслушав доклад по делу ШЕВЧЕНКО, постановило: признать следственный материал не законченным, предложило этой комиссии продолжить следствие и закончить в течение 10-ти дней. Кроме того, чтобы представить себе ясность по отношению ко всем рабочим, работающим по Великолуцком [у] Округ [у], решено созвать на 7-е марта их рабочую Окружную Конференцию, которая даст возможность внести ясность, исправить те недочеты, те ошибки и ту костность, которая еще наблюдается со стороны различных организаций в этом вопросе. О чем и сообщая Вам до сведения и надлежащих организационных выводов.

П р и л о ж е н и е: Состояние посевной кампании по Округу, Копия следственного акта и копии свидетельских показаний на девяти листах.

2.

Гор. Холм. Великолуцкого округа,
Западной области. Лыносоюзу.
А. ШЕВЧЕНКО

К о п и я с к о п и и

Добрый день, Шура, прости меня, что я не простился с тобой, но и [и] чего не сделаешь. Шура, ты говорила ехать в колхоз работать — не советую — здесь такой хаос, что избачи день и ночь работают, время нет отдыхать, [проснулся] и поднимайся работать. Я говорил здесь с ГРИНЕВИЧЕМ, он ска-

зал: я дам в помощь человека, я буду пр [о] сить денег, потому мне не вырваться из долгов. Жене [его] дали задание организовать в посел [ковое] тов [аристество].

[Дер.] Лысово

В е р н о: Партследователь *Мазурмович*.

В е р н о: секретарь

3.

К о п и я с к о п и и

ПРОТОКОЛ ОПРОСА В КАЧЕСТВЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПО ДЕЛУ №

22 февраля 1930 гор. Холм, Холмского района, Великолуцкого окр. Западной области Помощи. начальника Холмского Райадмотдела ПЛЕШАКОВ.

Показания подозреваемого.

Шевченко Александра Георгиев [на], рожден. 1 ноября 1899 года Ивано-Вознесенской Области Шуйского округа, гор. Южа, социальное происхождение — рабочий, Зав. профклубом, зарплата — 80 рубл., вдова, образование незаконченное среднее, член ВКП (б), член профсоюза Рабпрос, не судима, проживает гор. Холм — профклуб.

Предупрежденная об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 ст. УК показала:

Мой муж Шевченко Александр Кузьмич являлся нервно больным, 17-го февраля с. г. он отправился для работы по району как организатор колхозов, поселк. товарищ. Когда он уезжал, между нами никаких ссор не было. С момента прибытия в гор. Холм числа с 7-го февраля между нами никаких ссор не было, чем объяснить самоубийство моего мужа не знаю. Больше показать ничего не могу.

Протокол прочитан, с моих слов записано правильно.

В чем и подписуюсь *А. Шевченко*.

Допросил Пом. Нач. РАО (подпись)

В е р н о: Секретарь Окрколхозсоюза

4.

К о п и я с к о п и и

Товарищи. Простите за этот поступок, пока больше не мог ничего сделать, так что выхода нет, я не трус и не робок, достоинства рабочего я не замарал.

Но когда я окупился в деревню, то я вижу, что здесь другое, что нам говорили этого нет в деревне. *Шевченко*.

Верно: Партследователь: *Мазурмович*

Копия верна. Секретарь Окрколхозсоюза

5.

Копия с копии

Товарищи.

Простите меня за это грязное дело, но прошу одно, что перешлите мое тело в Иваново-Вознесенск, что прошу не отказать в моей просьбе, но если не заслуживаю, то бросьте собакам.

Александр Кузьмич *Шевченко*.

Верно: Партследователь *Мазурмович*С подлинным верно: Секретарь Окрколхозсоюза *Овчинников*.

6.

Копия с копии

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

1930 года февраля 19 дня, я Народный След. Холмского р-на Великолуцкого Округа допрашивал в Камере своей, в качестве свид. с соблюдением ст. ст. 166 и 171 УПК, нижепоименован., котор. показал:

Я, АВЕРБУХ РАФАИЛ ИОСИФОВИЧ, гор. Холм, Пионерская Ул. № 17 об обязанности показывать правду, и об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний по ст. 95 УК, предупрежден, по делу показываю:

18 февраля я и тов. ШЕВЧЕНКО и ПЕТРОВА ночевали у гр-на ЯКОВЛЕВА Сергея дер. Нечаево. Утром 19 февраля я еще лежал в кровати, т. ШЕВЧЕНКО встал, оделся и начал собираться уже уходить, хозяин и хозяйка дома начали упрашивать его чай попить, он категорически отказался указывая на то, что ему необходимо идти, попросил у хозяйки нитку с иголкой для того, чтобы пришить пуговицу и вышел в коридор, где и раздался глухой выстрел. Хозяйка находясь в избе закричала услышав выстрел, я выбежал в коридор и увидел, что он уже лежит убитый, из-за рта идет кровь.

Из личных его слов — он, по-видимому, был крайне недоволен своей семейной жизнью, что, по-видимому, его толкнуло на самоубийство. Перед выходом в коридор он написал в Блок-нот и посмотрел на часы. *Р. Авербух*.

Нарслед. (подпись)

Верно: парт. след. *Мазурмович*

Верно: Секретарь Окрколхозсоюза

7.

Копия с копии

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЯ

1930 года февраля 19 дня, я народный следователь Холмского р-на Великолуцкого Округа допрашивал в Камере своей в качестве свидет. с соблюдением ст. ст. 166, 171 УПК нижепоименованного, который показал:

Я, ПЕТРОВА Мария Петровна 25 лет, прожив. в гор. Холме, Октябрьская ул. Дом № 28 об обязанности показывать правду и об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний по ст. 95 УК предупреждена, по делу показываю:

Вчера 18 февраля я и тов. ШЕВЧЕНКО А [лександр] Кузьмич шли проводить собрание в дер. Осны по организации поселковых тов. Собрание у нас не состоялось, конечно, он там нервничал, но по дороге ничего, успокоился, только сказал: "МНЕ В ЖИЗНИ НЕ ВЕЗЕТ". Приехала в дер. Нечаево, где мы квартировали, он собирался уйти. Тогда хозяйка говорит: "Оставайтесь ночевать". На утро я проснулась, он уже ходил по комнате и что-то думал. Затем хотел уйти, тогда хозяйка говорит, что скоро чай и так же тов. Авербух, который ночевал с нами, он, тов. ШЕВЧЕНКО, отвечает: нет надо идти. Тогда тов. АВЕРБУХ говорит: ну куда спешить, на пожар что ли? Тогда он положил свою шапку в чемоданчик и вышел, сказав, что сейчас вернусь, я еще лежала в кровати, в ту минуту слышался глухой удар. Тогда вышла хозяйка, говорит, что он лежит, хозяин вышел, говорит – застелился. Но мы были в то время в квартире в дер. Нечаево. *М. Петрова.*

Нар. след. (подпись)

Верно: Парт. следователь *Мазурмович*

Верно: Секретарь Окрколхозсоюза

8.

А К Т

Расследование вопроса по самоубийству рабочего колхозника члена партии Александра ШЕВЧЕНКО

Председатель ОКК тов. МАЗУРМОВИЧ Александр и представитель Окрпрофсовета ЗАЙЦЕВА И. нашли следующее:

Член партии ВКП (б) Шевченко Александр Кузьмич родился в 1902 г., в партии с 1926 года. Соц. положение – рабочий, работал кочегаром [на] фабрике Шуйского округа до 25 г. и служил [о] фициантом в столовой – образование тов. Шевченко имел – общее. Прибыл для работы в Холм в счет 25000 по колхозному строительству 8-го февраля 30 года. Холмская организация приняла направляемых для работы в деревне торжественно, [з том числе и] данную бригаду и была для них создана вполне удовлетворительная обстановка. Были с ними совещания и на конференции участвовали в президиуме. После чего тов. Шевченко был направлен в Лыноводное Товарищество: инструктором массовой работы с окладом жалованья 80 руб., а также жена Зав. Клубом оклад – 80 р., что и создавало вполне благоприятные материальные бытовые условия.

В сельсовете тов. Шевченко был направлен в поселковое товарищество; по имеющимся в наличии сведениям в данном с/совете были трудности в работе, и организованы [о] е тов. Шевченко поселковое товарищество распалось.

Имея попытку организации вторично данного товарищества, [нрзб] было [собрано] общее собрание, где он не сумел дать соответствующей установки. Такая его невыдержанность объясняется тем, что тов. Шевченко был нервно больным и не устойчивым. Из разговоров с женой – тов. Шевченко А. был на излечении в гор. Москве по [нервной] болезни. В жизни был так же не выдерж [а] и и груб.

У тов. Шевченко найдены записки, в которых говорится, что тов. Шевченко обнаружил полнейшее разочарование в деревне, что он в деревне до своей поездки представлял совершенно другое. В результате чего у тов. Шевченко как у члена партии в его собственных записках обнаружено явно упадническое настроение и не устояла перед стоящими трудностями по работе в деревне.

По показанию жены тов. Шевченко, ее муж Шевченко А. в прошлом имел целый ряд ненормальных бытовых выпадов со своей стороны. А именно: дважды женат и имел в последнее время связь с другой женщиной, даже чуждой, доказательством служит письмо ему посланное лично перед самоубийством. Кроме того, раньше имел якобы попытку покончить самоубийством, в результате чего ему было запрещено носить оружие.

При выезде на место работы Морховский с/с было установлено на совещании агробригады, в которой работал тов. Шевченко, что он вел себя в последнее время ненормально, как-то проявлял себя нервным, не спокойным и все время при моменте описи имущества входящих в поселковое товарищество гражданам тов. Шевченко был растерян и все время волновался и к тем женщинам, которые жаловались, тов. Шевченко проявлял крайн [ю] ю жалость и растерянность к ним.

Оружие у тов. Шевченко было по разрешению ГПУ тов. Вайднера. Временно взято в РАО, по устойчивому требованию тов. Шевченко получил. Оружие было получено тов. Шевченко 17 февраля, а покончил самоубийством 19 февраля.

В заключении комиссия находит, что самоубийство тов. Шевченко не может быть отнесено к нечуткости и невнимательности со стороны партийных, советских и профессиональных организаций, а личное психическое не уравновесие тов. Шевченко, его упадничество и трусость перед создавшимися трудностями в работе в деревне, о чем говорят личные записки тов. Шевченко; его записки говорили не большевистским языком, так как они носили упаднический характер.

Но комиссия относит некоторую вину невнимательности отбора, тов [арищей], посылаемых в деревни, не взвесили, не подходя к каждому товарищу персонально, что он [из] себя представляет, в результате чего случай с тов. Шевченко и обнаруживает этот факт невнимательности посылы [ющих] организаций.

Председатель О [КК]
Представ [итель] Окпрофсовета

9.

К о п и я с к о п и и

г. Шуя
15-го 1930 г.

Добрый день. Наконец-то я дождалась от тебя письмо, ты наверное почувствовал, что тебя ругают, тогда-то только и написал. За что благодарю.

Шура, почему ты ничего не писал, как живешь теперь, как устроился на работу, разве ты думаешь, что меня это не интересует. Теперь расскажу о себе. Шура, как только я проводила тебя, почувствовала, что уехал ты, с тобой уехало все хорошее, что только было последнее время. Пришли со станции М. Н., Степ. Ф., потом приехала Нина, поговорили все, пожалели, они конечно больше жалели Шуру и все-таки родственники, а я... Я плакала, как будто кого схоронила.

Потом приехал Вася. Я тут же показала нашу карточку, то тут заплакала уже без стыда. Вася, конечно, что он понял наш поступок, понял по своему, ну да ладно, было все.

Комната у нас еще свободная, были некоторые, но не понравил [о] сь.

Эх, Шура, уехал ты и у меня не стало заступника и человека, с которым можно поделиться и который поможет смотреть на жизнь другими глазами. У меня сейчас такое настроение, что убежала куда-нибудь, не смотрела ни на что. С Васей неприятность случилась в прошлую субботу, что-то ужасное, все тебе передать нет сил, не хватает, все виновато вино. Прошла уже неделя, но рана не заживает. После всего случившегося я уехала в деревню к маме и в первый раз рассказала ей о своей жизни. Приехала в понедельник, была ужасная перебранка, он даже наобещал не пускать на ночь. Шура, я уже хотела решиться на последний шаг – "РАЗВОД". Но пришлось отложить, только за того, что могу погибнуть сама и погубить других.

Я с него не получу ничего, так как он не остановится ни перед чем, ну а я куда пойду с ребенком на руках, без заработка, без голоса. Да приходится переживать ради насущного хлеба. Все противно.

Да и ты не пишешь так долго, думаю, уехал, забыл и больше никаких. Прошло две недели, а я тебя вспоминала тысячу раз.

За это время спрашивала карточку, почему не пишешь, забыл, спокоен? Шура, что со мной творится, я сама не знаю, пока буду терпеть, пока хватит сил. Но ты знаешь меня, я и в самую тяжелую минуту не унываю.

Здесь настроение натянутое, у мамы все описали, взяли серебро, которое нашлось.

Теперь прощай, когда успокоюсь напишу. Пиши почаще, знай, что с получением твоего письма у меня праздник.

Целую так, как около Сехи. Твой друг *Лидя*.

Верно: Партследователь: *Мазурмович*

С подлинным верно: Секретарь

10.

Правлению Запоблколхозсоюза
от Инструктора Михаленко

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Прибыл в Луки 23/II. В первую очередь провел окружной съезд колхозной молодежи, после чего участвовал на пленуме ОК и ОКР, где был поставлен вопрос о решении обкома — задачи В. Луцкой парт. организации в связи с прорывами, которые допу [щены] в Округе. 3/III провели при колхозсоюзе междуведомственное совещание с вопросом о ходе подготовки к весенней с/х кампании и дальнейших задачах. (Резолюцию прилагаю). Обращаю особое внимание на вопрос о семфондах, так как не только в округе, но и в ОблЗУ по В.Лукам большая путаница. ОкрЗУ при составлении плана семфондов исходило из расчета 2.5 га пашни в среднем на х-во по округу, в ОблЗУ эта цифра еще меньше, в результате газета "Наша деревня" поместила материал, что в В. Луках план семфонда по колхозам выполнен на 146%. В то время, когда стат. отдел дает среднюю обеспеченность на х-во 4 га и ОкрФО 3.5 га, в основу цифры ОкрФО получается выполнение плана семфондов всего на 62%. Этот вопрос переносим на рассмотрение пленума Окрисполкома, который открылся 3/III вечером, но вам необходимо выяснить в ОблЗУ, почему они раздули выполнение плана семфондов по Лукам на 164%? 7/III последний срок выезда всех специалистов по колхозам для составления рабочих планов и организации Машконных станций. Посылаем с округа агрономов 10 человек, счетных работников 15 человек и 160 человек Ш.К.М. Бланки рабочих планов, который был отпечатан в Бюллетен [е] колхозцентра, отпечатали в типографии и разослали во все колхозы приложение к ним. Печатаем в типографии примерную тарификацию и нормы выработки. Новый устав нами понят и установка на места дана. Кроме того, по линии Окрколхозсоюза заказали в типографии 10000 экз. отпечатков нового устава, который к 5/III будет готов и разослан по колхозам. Материал на 25/II о ходе посевкампании в округе при сем прилагаю, дополнительно за следующую десятидневку пришлю к 10/III.

Коротко о самоубийстве рабочего Шевченко. Случай произошел в Холмском районе. По данным комиссии видно, что организации его встретили не плохо и обстановка была создана. Но м [а] лодушие с его стороны и попытки на самоубийство были еще на

фабрике; точно сейчас судить трудно, почему это случилось. Привожу его две записки, которые он написал перед самоубийством.

1. *"Товарищи, простите меня за это грязное дело, но прошу одно, что перешлите мое тело в Иваново-Вознесенск, что прошу не отказать моей просьбы, но если не заслуживаю, то бросьте собакам. А. К. Шевченко.*

2. *"Товарищи, простите за этот поступок, пока больше не мог ничего сделать, так что выходу нет. Я не трус и не робок, достоинства рабочего не замарал. Но когда я окупнулся в деревню, то я вижу, что здесь другое, что нам говорили, этого нет в деревне. Шевченко.*

Кроме этого, ряд показаний и писем к нему от любовницы (он в этом районе был с женой) подтверждают о том, что самоубийство произошло на упадничестве и неудовлетворенности в личной жизни.

На 7/III Созывается окружная конференция все рабочих, посланных на колхозную работу, где подробно можно выяснить о их встрече, правильном использовании и условиях работы.

Плохо то, что до сих пор не прислали кандидатуры на председателя колхозсоюза и не переслали материал решения и мнения обкома в Окружном. Сейчас секретарь новый, когда я с ним говорил — он не возражает против снятия, но возражает против несогласованности, т. е. не присылки никакого материала, решений и договоренности в обкоме. И сейчас это дело ждет от вас и обкома кандидатуры и официального решения, и через этот тормоз меня поставили в неудобное положение перед Окружным. Слова одно, а принципиальное решение и договоренность с обкомом и пересылка материала в Окружном — другое.

Я после проведения рабочей конференции так или иначе выезжаю с Великих Лук в Смоленск. Работы правда хватает, но считаю сейчас в Великие Луки сил брошено достаточно, волна пленумов и совещаний прокатилась большая, установки даны, остается работать непосредственно в деревне, а не с [и] деть в Округе, и поэтому считаю, что мое пребывание 2-х недель в округе нецелесообразно. Завтра до конференции еду в колхоз.

Срочно жду ответа по части аппарата Колхозсоюза, в частности присылки председателя.

Михаленко

Документы, рассказывающие о смерти рабочего Александра Шевченко, хранятся в "Смоленском архиве" (Вашингтон). Они отпечатаны на машинке со слепым, грязным шрифтом без интервалов. Докладная записка инструктора Облколхозсоюза Михаленко написана от руки. В публикации сохранены ошибки, грамматические и синтаксические погрешности оригинала, исправлены лишь некоторые наиболее очевидные опечатки. Поясним некоторые сокращения и выражения.

ОКРИСПОЛКОМ (РИК) — окружной (районный) исполнительный комитет советов; ОККА (ОКК) — окружная контрольная комиссия ВКП(б); ОК — окружной комитет ВКП(б); ОблЗУ (ОкрЗУ) — областное (окружное) земельное управление; ОКРКОЛХОЗСОЮЗ — окружной колхозный союз; "Наша деревня" — газета, выходившая в Смоленске; ОкрФО — окружной финансовый отдел; Поселковые товарищества — одна из форм сельскохозяйственной артели; Рабпрос — профсоюз работников просвещения; ШКМ — школа крестьянской молодежи; РАО — районный административный отдел, милицееское управление района; "Новый устав" — второй устав сельскохозяйственной артели, утвержденный 1 марта 1930 г. По этому уставу колхозники получили право владеть приусадебными участками и держать скот. "Без голоса", "лишенка" — обычные обозначения лиц, ограниченных в правах по социальному признаку. Начиная с 1930 г. они нередко подвергались репрессиям.

Публикация МАКСУДОВА

НЕ ПОЙМЕТ И НЕ ОЦЕНИТ

I.

Вот экспозиция: река из грязи и кузов застрявшего грузовика. О, Господи... вот когда проклянешь судьбу. Вылезший из кабины горожанин думает, что он попал на край света. Кругом поля, заросшие диким бурьяном. Из-за горбатого косогора, на который так и не удалось взобраться, видна деревня, полтора десятка прохудившихся, кой-как залатанных крыш. На плешивом лугу, точно павший конь Олега, разлагается какой-то землеобрабатывающий механизм. И все это кашеево царство затянуто паутиной дождя.

Осмотревшись, обжившись, можно заметить признаки кое-какой хозяйственной деятельности, а если вам случится побывать в районном центре, вы найдете там сложную иерархию учреждений, задача которых — направлять и контролировать эту деятельность. Но контраст между сельскохозяйственной бюрократией и самим хозяйством, между неимоверно разбухшим "руководством" и жалким обликом того, чем руководят, лишь подкрепляет впечатление призрачного существования, какой-то непоправимой катастрофы, постигшей весь край. Люди живут как бы в щелях обширного уютного государства, которому нет до них никакого дела. Такой огромной щелью стала деревня.

Однажды, бродя по полям, заезжий гость, ибо кому же как не ему, не умеющему понять и оценить, придут в голову такие мысли, — однажды он спускается в лощину, заросшую ивняком, храбро перебирается по упавшему дереву через тихую речку и попадает в другой век. Аллея и дом с колоннами. Этот дом пуст. Колонны осыпались, и обнажился кирпич. За домом, призвав на помощь воображение, можно найти остатки парка, а в парке гуляет привидение — барышня в соломенной шляпке, с раскрытой книжкой. Перед вами памятник погибшей цивилизации. Здесь обитало исчезнувшее племя — в этих поместьях, близ этих рек.

Русский революционер Николай Морозов, просидевший четыре года в Алексеевском равелине и еще двадцать лет в Шлиссельбурге, занимался толкованием Апокалипсиса с астрономической точки зрения и пришел к выводу, что античной древности не существовало. Даты европейской истории должны быть пересмотрены, памятники эллинской и римской литературы сочинены в средние века. В одной новелле Борхеса рассказано о

языке, науке и литературе никогда не существовавшего народа; его изобрели ученые. Что-то похожее приходит на ум, когда оглядываешься на золотой век русской литературы. Кажется, что вся она придумана, сочинена кем-то посторонним, и невозможно поверить, что ее творцы жили здесь, на этой бездыханной земле.

Величина, которую мы могли бы определить как плотность истории на единицу географии, в России много меньше, чем на Западе. Русская история напоминает русский пейзаж; если природа повсюду стремится растворить в себе историю, то в России ей удалось это больше, чем в какой-либо другой европейской стране. Безбрежная плоская даль, почти без всяких естественных препятствий простирающаяся до Урала (за которым начинается новая даль), внушает чувство покоя и освобождает от времени. Века плывут над этой страной, как тучи. История пронеслась, как татарская конница, и пропала в пыли. Кого только не видала дорога, по которой влачили вы, кляня все на свете, — и что же? Русская равнина поглотила энергию завоевателей, и татары повернули коней у рубежей Западной Европы. Поляки, а за ними французы завязли на грязных дорогах, заблудились в лесах. Немцы утонули в снегу. Все миновало, и не осталось следов.

Привычная для европейцев периодизация истории с трудом приложима к России. Эта страна не знала Ренессанса и Реформации, переход от средневековья к Новому времени растянулся на много столетий, в известной мере не завершен до сих пор, психология и уклад жизни большинства населения империи еще в начале прошлого века мало отличались от XVII, даже XV столетий, а двадцатый век застает деревенскую Россию почти той же, какой она была сто лет назад. После золотого века поэзии, прозы и музыки, после Леонтьева, который мог бы стать учителем Ницше, и Данилевского, чей труд, вышедший в 1871 г., до неправдоподобия напоминает Шпенглера, духовная культура России все еще кажется фантомом, чем-то наносным, навязанным извне, и авторитет "Заката Европы" пророчит рождение "русско-сибирской" культуры лишь в неопределенном будущем: ему представляется, что ее еще нет! Если везде и во все времена, за исключением, может быть, Афин V века, существовала дистанция между "духом" и "почвой", то в России их разделяет пропасть. И сегодня большая часть населения, не говоря уже о правящей верхушке, — правнуки крепостных, факт, который позволяет понять беспочвенность русской культуры в ее собственной стране.

II.

На этом фоне внезапные разряды энергии, копящейся в двух столицах, потрясают страну, подобно стихийным бедствиям. Немного можно назвать государств, где внутренние потрясения носили бы столь разрушительный характер. Когда вскоре после революции Бялика, выехавшего в Палестину,

спросили, что происходит в России, он ответил: "Ничего особенного; хазир (боров) перевернулся на другой бок". В этих словах, полных непонимания, возможно, заключена доля истины. Время от времени дремлющий великан видит небывалые сны. Это сны о сказочном будущем. Но вслед за тем происходит то, чему Бялик уже не был свидетелем: гигант пробуждается и приступает к осуществлению своих снов. Мы наблюдаем воистину апокалиптическое зрелище: бессознательное целого народа становится его исторической действительностью.

Катастрофы русской истории — это одновременно прорывы в утопическое прошлое. Вечно отстающие часы российского государства начинают стучать с необычайной быстротой, и вязкое субисторическое время сменяется лихорадочным временем утопии. Русская история сбивает с толку ученого; меньше всего она поддается оценкам в духе гегелевско-марксистской историософии. Скорее ее следует описывать в категориях мифологических. История превращения России в Советский Союз записана, как в книге судеб, в русском фольклоре. Богатырь Илья Муромец, колоссальная инерционная масса России, тридцать три года сидит неподвижно в родительской избе, потом поднимается и седлает такого же, как он, огромного коня. Его ждут подвиги. Внезапный переход от растительного существования к сверхъестественной активности равнозначен скачку в другое время.

Время утопии — это время митингов, патетических клятв, вдохновляющей простоты лапидарных лозунгов и геометрических эмблем, время, когда некогда жить обыкновенной жизнью. Время изможденных вождей, потрясающих костлявыми кулаками, и ответом им служит согласный гул толпы. Время полного экономического крушения, воровства и пиров, похожих на пир во время чумы, и посреди этого разора — шествие кумачевых флагов, какой-то нескончаемый парад-фестиваль; героическое время патрулей, нарукавных повязок, кожаных курток и скрипящих ремней, время юношей, время женщин, отшвырнувших быт. В пыльных бурях гражданской смуты, в мусорном смерче рождение нового мифа возвещает о себе как некая заря обновления. Вдруг начинает казаться, что до горизонта, скрывающего лучезарное будущее, — подать рукой. Это будущее мыслится не как решение социальных проблем, а как их снятие во всеобщем благоденствии и всечеловеческой гармонии. Поэтому всякому реформизму объявляется война. Не латать эту старую, изношенную, скучную и беспросветную жизнь, а сломать ее напрочь. Разрушение — есть созидание. На три, на четыре десятилетия гигантское недвижимое царство охвачено лихорадкой. В спешке и панике воздвигаются города, трещат леса, мелеют реки, целые деревни снимаются с места, уезд перебирается в область, область бежит в столицу, и скоро все города превращаются в чудовищно переполненные деревни. С бешеной скоростью крутится государственный механизм, превращая тело народа в фарш. Все едут, все государство куда-то переселяется, вокзалы запружены толпами, бабы кормят младенцев, сидя на деревянных

чемоданах; все строится, и все стоит недостроенным, странная, ветхая новизна преобразает все вокруг: страна — точно огромное поместье полковника Кошкарева. Но на полпути к земному раю силы оставляют измочаленного гиганта, и он вновь впадает в оцепенение.

И снова до чуткого слуха Европы доносится могучий храп... Между тем утопический потенциал медленно копится в мозгу погруженного в летаргический сон народа. Грезящий мозг гиганта — вот что такое культура России. Утопизм — характерная черта этой культуры, пронизанной не светом разума, но тусклой, как блеск лампад, национальной мифологией, культуры, носящей отпечаток высокого дилетантизма, сохранившей почти средневековую целостность и вместе с тем излучающей идеи будущего.

III.

Умерший в начале века Николай Федорович Федоров изложил свою философию в многословных, по большей части неоконченных трактатах, часть которых была издана после его смерти в виде двух толстых томов для бесплатного распространения. Федоров указывает человечеству на его главную ошибку: существование людей лишено цели, каждый озабочен собственным благополучием, человечество в целом заблудилось. Торгашеская цивилизация соблазняет человека ложными приманками богатства, успеха, удовлетворения похоти и жажды власти, другими словами, поощряет и воспитывает небратские отношения между людьми. Природа влечет человека к смерти; предназначения Творца, этого источника вечной жизни, искажены и в естестве, и в общественной жизни. Истинной целью и общим делом всего человечества должно быть освобождение от смерти.

Как и Маркс, Федоров убежден, что философия есть инструмент переустройства мира. Не объяснить миру, каков он, а указать ему путь к спасению. Философия должна быть устремлена не на то, что есть, а на то, что будет. Но это будущее оказывается опрокинутым в прошлое: вместо того, чтобы без цели размножаться, мы должны возвратиться к жизни тех, кому мы обязаны жизнью. Лишенный отца, этот незаконный сын хочет воскресить того, кто дал себе труд родить его и никогда больше о нем не заботился. Ибо таков урок, преподанный нам Иисусом Христом. Христос не женился, но оживлял умерших; и смерть Спасителя, за которой последовало его воскресение, есть парадигма общечеловеческой судьбы.

Итак, Общее Дело состоит в воскресении все отцов, всех когда-либо живших людей. Их тела будут воссозданы из атомов, рассеянных в земной коре. Для выполнения этой грандиозной программы необходима сплоченность всего человеческого рода; будут созданы гигантские трудовые армии; все будут жить вместе, собственность будет отменена раз и навсегда, половой инстинкт угаснет. Общее дело восстановит братские отношения между людьми. Пример покажет Россия, ибо только русский народ устоял

против духа западной меркантильности и эгоизма. Только здесь сохранилось в чистоте учение Христа. Возвращение к жизни умерших поставит задачу расселения миллиардов человеческих существ в космосе, но, как и задачу воскресения, ее разрешит наука.

Если французскую революцию в большой мере подготовила философия Просвещения, то о революции в России можно сказать, что ей предшествовал расцвет особого рода натурфилософии, отцом которой был Федоров. Этот нищий энциклопедист, одетый в какой-то зипун, с нечесаной бородой и маленькими глазками, должно быть, обладал неотразимым обаянием, иначе трудно понять, каким образом он сумел увлечь, пусть ненадолго, своими идеями таких собеседников, как Толстой, Владимир Соловьев и Достоевский. В Федорове почти карикатурно соединились неслиянные потоки русской мысли, вера в христианское преображение и в безграничные возможности науки, человеколюбие, мессианство и жуткий проект будущего, похожего на концлагерь. Самый стиль его писаний, наставительный тон и скучная обстоятельность, с которой излагаются вполне абсурдные вещи, наводят на мысль о помешательстве. Где-то между фантастическим визионерством и самым вульгарным позитивизмом, рядом с которым позитивизм Чернышевского выглядит вершиной духа, родилась эта запоздавшая на четыре века натурфилософия. И она не осталась без отклика. Воскрешенное человечество ожило на рисунках Чекрыгина. Среди учеников Федорова был Циолковский, молодой провинциал, посещавший Румянцевскую библиотеку, где в задней комнате, окруженный баррикадами книг, трудился над составлением картотеки седобородый пророк Общего Дела. Собственное учение Циолковского изложено в брошюрках, которые он печатал в Калуге во время революции и гражданской войны. В затхлом провинциальном городке, где он был школьным учителем, среди непролазной грязи и всеобщего запустения, он грезил о космической экспансии человечества и превращении всего человеческого рода в гигантское сверхразумное "лучистое тело" после того, как все земное вещество будет израсходовано на нужды промышленности и науки.

В этот ряд утопистов мы должны включить и Владимира Ильича Ленина, как бы ни показалось странным сопоставление Ленина с чудачком Федоровым, которого он отнес бы — если бы когда-нибудь о нем слышал — к идеологам умирающих классов, буржуазии и какой-нибудь феодальной аристократии, ищущей утешения в сказках. Однако ленинизм — это такая же фантазмагорическая программа, проповедуемая с каменной серьезностью, напоминающей серьезность душевнобольного, которому не приходит в голову, что он бредит. Сочетание политической трезвости с фантастическим мировоззрением — одна из самых поразительных черт Ленина. Реализм, не отличимый от беспринципности, мастерство плетения интриг и умение заставить людей плясать под свою дудку соединяются в нем с верой в спасительную миссию рабочего класса, в мировую революцию, в то, что нищая и не-

устроенная Россия может одним прыжком перелететь через вонючее болото своей действительности в светлое царство будущего, где не будет ни собственности, ни классов, ни самого государства. "Учение о партии" родилось в обстановке конспиративных кружков, в папиросном дыму и ночных словопроениях, и сама эта призрачная, подпольная среда оставила на нем свой отпечаток. Дух вселенского авантюризма, якобы санкционированного наукой, веет над ним. Сочинения Ленина, посвященные тактике революционного движения и содержащие подробный план захвата власти, удивляют наивностью и неопределенностью представлений о том, что же будет, когда власть перейдет, наконец, в руки партии. Предполагалось, что главное — совершить революцию, а там все устроится само собой. ("Найти смысл жизни, — писал Федоров, — и сама собой уничтожится вся путаница.") На съезде комсомола вождь партии говорил молодым людям, сидящим в зале: "Вы будете жить при коммунизме". Горизонт казался совсем близким.

Мраморный склеп под стенами византийского Кремля, где покоятся голова и плечи основателя первого социалистического государства, — все, что от него осталось, — может быть, самый впечатляющий символ ленинизма, образ жуткого бессмертия. Не Христос, а Ленин демонстрирует это бессмертие. Но если бы он в самом деле восстал из гроба, поглядеть, что вышло из его предприятия, он был бы немедленно арестован и объявлен врагом народа, подобно тому, как приходится арестовать Христа, явившегося во второй раз, в легенде о Великом инквизиторе.

IV.

Философы по-разному объясняли мир, а речь идет о том, чтобы его переделать. Не идеи правят миром, а материальные потребности. Чтобы потреблять, надо производить. Значит, все дело в средствах производства, в том, кому они принадлежат, и в производственных отношениях. Общество, где производительные силы не соответствуют производственным отношениям, обречено, и чем скорей оно рухнет, тем лучше. Марксизм возник как реакция на идеализм и прекраснодушие XIX века, как призыв взглянуть в глаза жестокой правде жизни. В России эту правду не надо было открывать: она лезла в глаза на каждом углу. В России метафизика сидела в лохмотьях и тянула руку за подающим. Достаточно было взглянуть в ворота первой попавшейся фабрики, чтобы убедиться: старик прав, а все остальное — болтовня.

Меньше всего мы поймем марксизм, объявив его мировым злом. Значит, все, что ему противостояло, было добром?.. Однако именно на русской почве он очень быстро приобрел мифологические черты.

Вернее будет сказать, что в России обнажился и засиял, как выдернутый из ножен клинок, скрытый под научно-позитивистской оболочкой мифологизм марксистского учения. Мир погряз в грехе, в поклонении идолу денег,

порабощен алчной буржуазией, воплощением всего худшего в истории. Но явился избранный народ, русский пролетариат, в широком смысле — весь русский народ, и новый Моисей ведет его в обетованную землю. Как и Моисею, Ленину не довелось увидеть завершение этого пути; его дело продолжает верный ученик, с нами наше великое Учение, с нами — симпатии угнетенных всей земли. Так попеременно с обломками иудео-христианской мифологии родилась новая русская утопия, захватившая в двадцатых годах значительную массу населения бывшей Российской империи.

Можно было бы проследить, каким образом утопия превращается в государственный миф, который занял духовное пространство, освободившееся после двухсотлетнего петровского мифа, — как тот занял место византийского мифа.

Можно описать дальнейшую эволюцию государственного мифа, обратившись к несколько непривычной для читателя области знания — к психиатрии; пройти, так сказать, по этому госпиталю истории, где содержатся без надежды на исцеление целые народы. Тогда окажется, что миф проходит в своем развитии фазы, аналогичные фазам шизофренического бреда. Первая совпадает с революцией, которую можно уподобить острому психозу; как и в случае с больным, это творческая продуктивная фаза: бред непрерывно обогащается, обрастает подробностями, расцветает причудливыми красками, — каждый день что-нибудь новое. Миф еще не сложился. Вторая — фаза стабилизации: время митингов кончилось, героическая эпоха позади. Миф обретает государственно-упорядоченные формы. Пациент живет внутри созданной им бредовой системы, как живут в собственном доме. Наконец, в третьей фазе, когда творческие потенции мифа исчерпаны и мифологический режим достиг зенита, когда солнце палит вовсю, погружая в сонливость неподвижных часовых, и флаги повисли на мачтах, когда никому уже неинтересно знать, во имя чего шумели и митинговали, какому богу клали поклоны, — в третьей фазе бред теряет внутренний смысл, бледнеет и рассыпается. Речь становится бессвязной, пациент никого уже не хочет убедить и механически повторяет одни и те же слова. Это фаза распада личности.

Тем самым мы ответили на вопрос, что осталось сегодня от марксистско-ленинской идеологии в стране, где эта идеология некогда одержала свою самую блистательную победу: ответ прост — ничего. И на этом можно было бы не задерживаться, если бы время от времени нас не уверяли в обратном.

V.

В самом деле, утверждение, что миф и кодифицирующая его идеология попросту сошли со сцены и не заслуживают серьезной критики, иному читателю покажется спорным. Все знают, что СССР идеологическое государ-

ство. Постулаты вероучения составляют тело и кровь режима, воплощены в его структуре. Как для еврейских каббалистов мир был построен из букв и слов священного языка, так и о советском государстве можно сказать, что оно создано из тезисов и изречений. Как же оно продолжает существовать, если "язык" мертв?

Жизнеспособность идеологии зависит от того, насколько ей удалось соединить в себе противоположные элементы мифологии и науки. Но именно таково блестящее достижение марксизма-ленинизма: сохраняя внешние признаки научности, подчеркнуто отстраняясь от религии, используя наукообразные словосочетания и т. д., он в то же время обыгрывает архетипы, присущие всем мифологиям мира. Марксизм-ленинизм — "вечно живое учение". Как же может быть, чтобы оно испустило дух?

В Москве произошел забавный случай. Во время очередного съезда партии все газеты, как полагается, напечатали речь Генерального секретаря КПСС. В речи были перечислены видные деятели зарубежных компартий, умершие со времени предыдущего съезда. После перечня имен и приглашения почтить память покойных товарищей минутой молчания в тексте, который поместила "Медицинская газета", стояло: "Бурные аплодисменты". Ошибка, пропущенная многоэтажной цензурой, объяснялась привычкой к стереотипу: за именами коммунистических лидеров автоматически должны следовать аплодисменты зала. Но этот инцидент, сам по себе незначительный, хотя и дорого обошедшийся редактору, говорит о многом. Дело в том, что на ошибку не обратили внимания и читатели, — редакцию не стоило наказывать. Вся речь состояла из стереотипов, давно лишившихся в глазах читателей какого-либо конкретного смысла, и в сущности была прочитана только корректором. Но и он видел в ней лишь последовательность стандартных словосочетаний.

Все понимали, что съезд созывается не для того, чтобы обсуждать проблемы и принимать решения, а потому, что полагается, чтобы время от времени происходили партийные съезды. Старый, обрюзгший и задыхающийся человек принужден два часа стоять на трибуне, читая заготовленную для него речь, не потому, что он хочет убедить аудиторию в своей правоте, а потому, что заведенный порядок предусматривает необходимость произнесения многочасовых ритуальных речей. Люди, время от времени прерывающие его бурными аплодисментами, во время которых они встают, делают это не потому, что они восхищены его умом и покорены его ораторским искусством, — ни ума, ни искусства в речах оратора никогда не было, и никто не ожидает от него этих качеств, — но потому, что этого требует ритуал съезда. После чего речь публикуется в газетах, дикторы читают ее по радио и телевидению и уверяют граждан, что весь мир, затаив дыхание, прислушивался к словам этой речи, — все происходит по однажды заведенному порядку, и все, начиная от высших функционеров и кончая плебсом, понимают, в чем состоит его истинное содержание и смысл. В самых дальних ще-

лях гигантской империи люди знают, что миф умер. Но смысл порядка не в нем. Смысл — это сам порядок.

В центре Москвы, вблизи основного комплекса зданий Комитета государственной безопасности, находится Идеологический отдел ЦК, несколько поодаль, но также на одной из центральных площадей расположен Институт марксизма-ленинизма, за ним — Прокуратура СССР и так далее. Эти подробности столичной географии сами по себе говорят о том, какое место в государственно-административной машине занимают идеологические учреждения. Вместе с карательными учреждениями они образуют становой хребет режима. Уже это могло бы оправдать существование идеологии: каково бы ни было ее содержание, она символизирует порядок. Если это так, то сдвиг от содержания к "слову", к оболочке учения, в некотором смысле более существенной, чем само учение, представляется естественным. В различных ритуальных акциях ссылки на "самое передовое мировоззрение", цитаты из классиков марксизма-ленинизма и т. п. принимают вид священной абракадабры. Это сакральный язык, и этим ограничивается его функция: содержание текстов никого, кроме самих священнослужителей, не интересует. Армия идеологов, теоретиков и преподавателей диалектического и исторического материализма, истории КПСС, "научного атеизма" и пр. внушает своим слушателям и в конечном счете всему народу, что превосходство советского строя и неизбежность победы коммунизма во всем мире обеспечены абсолютной непогрешимостью марксизма, подобно тому как устойчивость валютной системы обеспечена запасом золота в стране. Мы, однако, знаем, что в последние века Византийской империи иностранцам показывали в царской сокровищнице дутые слитки золота и фальшивые драгоценные камни.

Осуществление утопии означает ее смерть. Бесполезно спорить о том, насколько удачно она осуществилась и не исказился ли марксизм в России. Ведь лучшим подтверждением истинности веры было ее воплощение в жизнь; но оно-то ее и погубило. Это был небесный Иерусалим, который растаял, как только явился Иерусалим земной. Не логика Учения и не соблазны утопии, от которой, как от Эвфориона, осталось одно одеяние, руководят действиями властителей и приводят в движение машину, а примитивная логика власти, самосохранения и порядка. История группы, издававшей подпольный журнал "Левый поворот", — и, как водится, дорого заплатившей за свои убеждения, — может служить иллюстрацией к сказанному. Молодые люди изучали труды основателя советского государства и убедились, что правительство изменило ленинизму. Лет 30 назад появление такого кружка было бы естественным. Двадцать лет назад к ним еще могли бы отнестись всерьез. Теперь же чиновники прокуратуры смотрели на этих ленинцев как на тронутых. Почти такой же была реакция родителей и друзей. И для друзей, и для карателей Ленин с его пятьюдесятью шестью томами со-

чинений был именно тем Лениным, который лежит в Мавзолее, — нарумяненным и набальзамированным трупом.

VI.

Эти размышления — или воспоминания, — ибо все наши грезы, все мысли и споры об этой стране будут теперь только воспоминаниями, — вновь подталкивают к вопросу, о котором вскользь уже упоминалось: насчет "мирового зла". Сформулированный с топорной прямолинейностью, он сперва кажется вовсе недостойным внимания. Русская эмиграция, подобно революции, дала слово бессловесным и призвала к решению мировых проблем малых сих, едва успевших осилить начальную школу. Оттого в спорах о качестве и судьбе России вопрос об уровне полемики заслоняет суть разногласий, и начинает казаться, что самые темы и проблемы не поднимаются над этим уровнем. Однако, черт возьми, надо ответить — если не "оппонентам", то самому себе.

В какой-то пьесе Шоу сэр Исаак Ньютон помогает маленькой девочке решить задачу, сколько будет трижды два. Это очень просто: берем натуральный логарифм от трех — он называется на память пять десятичных знаков. Затем логарифм от двух. Суммируем... Результат будет меньше, чем шесть и одна тысячная, и больше, чем пять и девятьсот девяносто девять тысячных. Ответ оказывается тем менее определенным, чем выше "уровень решения".

Автору этих строк было 15 лет, когда он спросил себя; чем отличаются этот строй и этот вождь от фашизма и Гитлера? — и ответил: ничем. Очень немного времени понадобилось для того, чтобы покачнулся и второй идол — Ленин. Наконец, коррозия добралась до основ, и был задан вопрос: на каком основании Маркс решил, что пролетариат, когда он свергнет буржуазию, не окажется сам корыстным и жадным до материальных благ? Этот вопрос предполагал уже некоторый жизненный опыт, однако дело происходило во время войны и в среде, где ценность научных идей заведомо ставилась под сомнение. В заключение было поставлено еще два вопроса. Первый: где гарантия, что партия, захватив власть, не превратит ее в инструмент тирании, и второй: зачем нужен был 17-й год и кто его собственно совершил?

И вот сейчас, слушая рассказы о том, что "мировое зло" было куплено на немецкие или еврейские деньги в мясной лавке дьявола — Карла Маркса — и привезено 3 апреля 1917 г. в Петроград, я вспоминаю это отроческое упоение обретенной истиной, гордость открытием, которое еще никому не известно, и святую уверенность, что на вопросы, формулируемые в терминах арифметики, существуют такие же однозначные арифметические ответы. Задача о мировом зле решается просто. Или — или; либо мы с дьяволом, либо с Христом. Или коммунизм, или Россия. Или советский, или рус-

ский. Советская власть есть насилие, чужими руками совершенное над русским народом. Советы могли залить Россию, как нефть растекается по поверхности воды, но смешаться с ней не могли; советские — это "они", и у нас с ними нет ничего общего.

VII.

Но мы приехали оттуда, мы только что из этой страны, подарившей миру самое слово "советский", мы еще помним ее запахи, вкус ее хлеба, не похожий на здешние изделия, синюю кромку леса на дальнем горизонте, дожди, чмокание луж и сосущую сердце дорогу. Мы еще не оклемались на благоустроенном Западе, и для нас "уровень решения" — это жизнь, которую мы прожили в Советской России; так что само это словосочетание, этот оксюморон, оскорбительный для всякого истинного патриота, для нас звучит естественно. Мы еще не забыли русский язык, не те кудрявые слова, вычитанные из Даля, а ржавый, царапающий уши и горло язык, на котором изъясняется проклятый Богом советский народ. Язык газет, язык подворотен, язык бюрократии и уголовного мира, язык людей, о которых невозможно сказать, кто они? — ни то, ни се: ни рабочие, ни крестьяне, ни народ, ни интеллигенция; язык, в который ушли, как в трясины, десять веков русской литературы и который точно позавчера впервые явился на свет. Я припоминаю соотечественников; кто они: русские, советские? Признаюсь откровенно: слово "советский" для меня вовсе не бранное слово. Оно просто значит — такой, какой есть.

Человек, вскормленный и вспоенный советской властью, вкусивший всех ее благ, может оказаться носителем и всех тех качеств, которые принято считать национальными, — и, конечно, не будет исключением. Он может быть русским, евреем или татарин. Но при этом он принадлежит к некоторому сверхнароду, который существует на самом деле и, нравится это или нет, больше всего соответствует понятию, обозначаемому в европейских языках словом "нация". Вы можете выделить в нем ядро, приблизительно совпадающее с тем, что называлось русским народом, и периферию разной степени дальности; но советский, неотделимый и неотчуждаемый, компонент будет присутствовать везде.

Забавно было бы свидеться снова с людьми, которых знал в юности. Люди, живущие в воспоминаниях, не стареют, даже наоборот, и к ним относишься, как героям порочитанных в детстве книг: постепенно начинаешь видеть в них ровесников, а там и младших. Однако полковник Шумаков, начальник 5-го следственного отдела, сейчас уже, наверное, вкушает мир где-нибудь на Востряковском кладбище, на его левой половине, отведенной для воинов (правая половина — еврейская). Зато лейтенанты Попов и Жулидов очень может быть, что и живы: им должно быть всего лишь под 70. Вероятно, Жулидов почтенный пенсионер и, как все пенсионеры, рус-

ский патриот. Может быть, даже тайком почитывает Солженицына. Меня и таких, как я, он, разумеется, не помнит, но может быть, ему было бы даже лестно узнать, что кто-то хранит о нем живую память. Жулидов был человек вполне ничтожный, но какой-то ярко выраженный. Когда он говорил, никогда нельзя было понять, придуривается он или серьезен, лжет или говорит правду; чаще он все же лгал, потому что одна из задач его работы состояла в том, чтобы держать обвиняемого в постоянном неведении относительно чего бы то ни было, но лгал он также безо всякой нужды, по привычке или оттого, что давно забыл границу, отделяющую ложь от правды и добро от зла. Был он ловким, ладным, физически сильным человеком, с открытым и довольно приятным лицом, простоватым и одновременно хитрым, и этой способностью неожиданно переходить от суровой официально-сти к балагурству и амикошонству; в нем не было ничего садистского, холодно-зверского, он совершал жестокости как бы играючи — по-приятельски. О нем невозможно было сказать, дурак он или себе на уме, навеселе или трезв, он был прост и непрост, в нем была необыкновенная скользкость; иногда он напоминал сумасшедшего. Что-то соображал, любил подмигивать; вдруг мог ляпнуть какую-нибудь гадость. Любил такие словечки как "мура", "лады", "чин-чинарем", "замнем для ясности", себя называл с ироническим самодовольством "мы, разведка" и, само собой, неустанно крыл матом.

Между прочим, он оказался великолепно осведомлен обо всем, что делалось в университете, знал студентов наперечет; в сущности говоря, ему не требовалось никаких "данных", он и сам не скрывал, что оформление дела носит истинно формальный характер. Но в том-то и было все дело, что это оформление, несмотря на весь его опыт в этой области, было для него нелегкой задачей. И если я едва волочил ноги, возвращаясь с допросов, то и он ехал домой после двенадцатичасовой работы, я думаю, изрядно утомленным и, можно сказать, честно отрабатывал свой неплохой по тем временам бутерброд. Он был очень темный и малограмотный человек, то и дело спрашивал, как пишется то или другое слово, и в протоколах своих обнаружил полное незнание родного языка; естественно, что сочинение их требовало от него больших усилий. Но неумение соединять слова в предложения сочеталось у моего следователя с удивительной ловкостью в использовании всякого рода застывших государственных словосочетаний. Стиль его так и пестрел выражениями вроде: "свою враждебную антисоветскую деятельность проводил...", "неоднократно допускал клеветнические высказывания в адрес одного из руководителей коммунистической партии...". Я думаю, что соединение всех этих качеств, советских и народных, нельзя считать необычным. Если, конечно, не считать случайным то, что произошло с нами за минувшие 75 лет. Следователь был человек многотысячный, много-миллионный.

VIII.

”Вы ненавидите Россию.” Если бы дело сводилось к столь простым чувствам! Если бы можно было апеллировать *просто* к чувствам... Мы подобрали бы куда более убедительные аргументы. Или, пожалуй, обошлись бы вовсе без аргументов. Ибо чувства неопровержимы. — Я бы хотел знать, что значит любить Россию. Хотите быть патриотом? Это, ей-Богу, не так трудно. Отрастите бороду, научитесь изъясняться веревочным языком, усвойте огородную терминологию, почаще склоняйте имя Божье и не уставайте объяснять бездуховному Западу, что он немощен и сгнил изнутри, до основания проеден червем либерализма, атеизма, рационализма и марксизма. Вашей *ultima ratio* да будет ссылка на безгрешную голубиную Россию — какой она была когда-то, какой она в некотором высшем смысле остается по сей день.

В нашумевшей речи Томаса Манна ”Германия и немцы”, которая была произнесена сразу после войны, между прочим говорилось о том, что двух Германий не существует; парадоксальность этого заявления, сделанного писателем, у которого было достаточно оснований отождествить себя с ”доброй” Германией и отмежеваться от ”злой”, никогда не смущала русских читателей, они ее даже как будто не замечали. Им казалось вполне очевидной мысль о том, что страна, допустившая у себя триумф национал-социализма и рухнувшая вместе с ним в преисподнюю, выбрала эту судьбу, и так ей и надо. И даже сейчас, когда она превратилась в самую могущественную демократию Европы и ничто в этой стране не предвещает возрождения фашизма, никто не решается говорить, что она была бедной Красной Шапочкой, которую подстерег и сожрал волк. Если бы все обстояло так просто!

Между тем люди, преспокойно соединяющие со словом немецкий все, что им известно о гитлеровском государстве, выходят из себя, когда кто-нибудь осмеливается назвать государство Ленина и Сталина русским или хотя бы российским.

Существует близкое сходство между Германией и Россией — притом что трудно найти два других столь разных народа. Существует параллелизм духовного и политического развития, запоздалого здесь и там, сходство между эволюцией ”русской идеи” и немецкого национализма, вначале голубого, затем багрового, сходство наркотически-чарующего почвенничества, общая тяга назад, к Средним векам, эротическое влечение к народу, в женственно-темную глубину, близость Леонтьева и Ницше, Ницше и Достоевского, Розанова и Клагеса, общее для обеих традиций отречение от эгалитарного прогресса, от соблазнов технической цивилизации, от французского рационализма и английского прагматизма — в Германии, от ”Запада” — в России. Тоска по утопии — и там, и здесь. И, как некий убийственный итог, — общий опыт тоталитаризма.

Тоталитаризм и деспотизм — не одно и то же. В некотором смысле это даже противоположности. Деспотизм "аристократичен" (авторитарен). Тоталитаризм "народен". Деспотизм предполагает дистанцию между угнетателями и угнетенными. Подобно грани, отделяющей население от оккупантов в завоеванной стране, в деспотическом государстве есть более или менее отчетливая граница между насильником и жертвой. Деспотизм включает в себя в неявной форме идею восстания. Тоталитаризм исключает всякую мысль о восстании. Хуже того: он дезавуирует идею вины. Зло, реальное и повседневное, во власти которого мы оказались, не было злом в его классическом — деспотическом — обличье. Прежде всего это зло казалось абсолютно деперсонифицированным: все его представители были всего лишь функционеры. Удивительная пьеса, в которой все действующие лица — статисты. Даже главари настолько ничтожны, что необходимость в дьяволе ощущается прямо-таки физически: злу ведь тоже присуща своя эстетика. Но в том-то и смех, что никакого дьявола, никого, кто оправдывал бы столь громкое имя, среди этих мелких бесов нет. Во-вторых, это зло, которое не выбирают. Ибо оно может как-то молчком внушить своим жертвам, что выбирать поздно, ибо выбор уже сделан за них. Да и нет смысла, потому что нет никакой разницы между добром и злом, между преступником и преступлением, между виновником и виной, обнимающей всех. Тоталитаризм стремится сделать своими соотрапезниками всех и добивается этого, заставляя всех служить себе. В конце концов он превращается в образ жизни. В тоталитарном государстве граница между "властью" и "народом" отсутствует — либо нам придется искать ее в каждом доме, в каждой семье, в каждой биографии.

IX.

Крах утопии означает не только смерть будущего, во имя которого было принесено столько жертв, но и смерть славного прошлого. Вся история борьбы и побед начинает казаться бессмысленной. Надежды и пафос — все скомпрометировано. Героическая юность страны приобретает криминальный оттенок. Гражданская война предстает как кровавый абсурд. Самый словарь двадцатых годов кажется каким-то чудовищным измывательством над языком, лингвистической катастрофой, и сейчас нам легче понять людей конца прошлого века, чем деятелей времен НЭПа и первых пятилеток. Со сменой поколений падают последние защитные барьеры, гангрена будущего распространяется на прошлое и в короткий срок поражает все то, что составляло заповедную область идеологии, такую же, как лучезарный прогноз. Но здесь требуется некоторое уточнение.

Говоря о марксистско-ленинском учении, мы имели в виду теорию, сложившуюся к началу 20-х годов; мы молчаливо ставили знак равенства между этим учением и советской идеологией. Это не совсем правильно, так

как учение представляет собой род *philosophiae perennis* и в качестве такой не подлежит усовершенствованию: оно и так совершенно. Идеология же вынуждена меняться. Задача идеологии — приспособить "незыблемое" учение к нуждам момента, другими словами, оправдать и освятить политику партии ссылками на высшую санкцию единственно правильного мировоззрения и учения. Нужно признать, что на протяжении десятилетий идеология блестяще справлялась с этой задачей. Чем больше она изменяла учению, тем настойчивей клялась в своей верности ему. Однако самый серьезный идеологический сдвиг произошел еще на переломе тридцатых годов, когда ортодоксальный "пролетарский интернационализм" был дополнен советским патриотизмом, а патриотизм начал быстро приобретать облик русского имперского национализма, когда был заново осознан основной факт революции — большевистская власть была единственной силой, сохранившей империю. Власть не может быть интернациональной, и с исчезновением последних надежд на мировую революцию национализм должен был дать этой власти новую санкцию, точнее, вернуть принадлежавшее ей по праву. Заодно он оправдывал расправу с врагами народа, собиравшимися распродавать Россию по частям иностранным империалистам, окружал лик вождя харизматическим нимбом и, вероятно, выполнял множество других побочных задач. Как бы то ни было, с этого времени заслуги советского режима в пробуждении и воспитании патриотических чувств народа, возвращении к национальным корням и т. п. превзошли все усилия ревнителей русской идеи в зарубежном враждебном лагере. Прославление подвигов русского оружия, величия русского государства, приоритета русской науки, необычайных достоинств русского национального характера становится постоянной темой государственного искусства и литературы, и лучшие образцы этого искусства представляют собой художественные транскрипции двуликой марксистско-националистической идеологии, вроде того как православная иконопись претворяет в краски и образы православно-христианскую теологию.

Быть может, самым ярким примером такой идеологической иконы, поистине непревзойденным образцом, был замечательный фильм Сергея Эйзенштейна "Александр Невский", ставший памятником эпохи — разумеется, не той, которую он изображает. Можно было бы до мельчайших подробностей, до ничтожных деталей пейзажа, жестов второстепенных лиц и складок одежды, до последнего такта величественной музыки Прокофьева проследить, каким образом слово и буква идеологии нашли свое воплощение в этом фильме. Это произведение можно было бы назвать шедевром подлости; как во всяком шедевре, в нем нет ничего лишнего и случайного. Фильм, получивший всенародное признание, напоминает произведения немецкой кинематографии и литературы времен национал-социализма, но в русском варианте. Князь выглядит славянским арийцем. Он снят так, что всегда кажется выше всех остальных. Его язык представляет собой смесь

архаически-народного слога с языком газеты. Он враг богачей, друг, учитель и вождь беззаветно преданного ему народа и, судя по всему, атеист. В Новгороде XIII века вообще нет никаких следов христианства, если не считать колокольного звона, который, однако, созывает людей не в храмы, а на городскую площадь, где князь выступает с речью, в которой клеймит врагов народа и изменников родины (процессы 1937—38 гг.). Изменниками оказываются эксплуататоры народа — богатые купцы. Совмещение двух систем координат совершается легко и просто: классовый враг есть не кто иной как враг национальный. В фильме с изумительным искусством обыгрываются простейшие символы и элементарные семиотические приемы; он как будто нарочно создан для того, чтобы иллюстрировать теорию архетипов, хотя едва ли сценарист когда-нибудь слышал о Юнге. Контрасты белого и черного, теплых грудных голосов русских женщин, поющих величественно-задушевную песню о родном крае, и мрачной дисгармонической мелодии рыцарского рога, лик Солнца на княжеском стяге и страшный, могильный латинский крест, вознесенный над коленопреклоненными немцами, над снежной пустыней, движение орденского войска, мертвого механического Запада, который замыслил поработить Русь и ломает себе на этом шею, — все сходится на одном, соединяется в единый вектор и бьет в одну цель. Конечное объяснение омерзительных свойств, которыми наделены немцы, — то, что они ненавидят русский народ.

Соединение марксизма-ленинизма с русским патриотизмом могло бы оживить издыхающее "учение", но этого не произошло. В годы войны марксистская фразеология была попросту отменена, а восстановленная, уже иначе как фразеология не воспринималась. Последнюю попытку реанимировать коммунистическую веру предпринял Хрущев: в 1961 г. было торжественно объявлено, что общество будущего будет построено в течение ближайших двадцати лет, и некоторое время печать и литература были заняты тем, что отыскивали вокруг себя "зримые черты коммунизма". Теперь, когда поколение, которое должно было, наконец, вскарабкаться на сияющие вершины, сходит со сцены, не приблизившись к ним ни на дюйм, идеология стоит перед новой и труднейшей задачей: как согласовать истину марксизма с фактом, который невозможно скрыть, — экономической инвалидностью системы. Несомненно, что идеология найдет выход (об экономике этого сказать с уверенностью нельзя). Будут придуманы какие-нибудь новые формулы. Но это уже неинтересно, ибо утопия разложилась и вера мертва.

Х.

Мы вернулись к началу. Вид нищих изб, заросшие бурьяном поля, грязная дорога, по которой мотается и ныряет, как утлый челн, заблудившийся "жигуленок", что это: итог завершившегося пути, гигантское разбитое ко-

рыто? Правда ли, что надорвавшись в бесплодных усилиях, великан впал в оцепенение и во сне копит энергию для нового прыжка в ничто? Два факта советской действительности поражают наблюдателя. Он видит огромные переполненные людьми города, промышленные предприятия, сложнейшую административную структуру, фантастическую бюрократию; замечает, не может не заметить милитаризацию, размах которой, возможно, превосходит все существовавшее когда-либо в истории. Вместе с тем, приглядевшись, он обнаруживает всеобщую апатию. Подлинный энтузиазм и предприимчивость эти толпы проявляют лишь в магазинах, где невозможно протолкнуться из-за очередей. Прочее делается кое-как. Наблюдателя поражает унылость этого величия и контраст между параличом общества и мажорным тоном газет. В этой стране все как будто сговорились говорить друг другу неправду, только неправду, ничего кроме неправды. Тридцать лет назад казалось, что сталинский террор подавил активность масс; сейчас стало ясно, что принудительный труд был подлинной основой экономического роста: освободившись от страха, неблагодарное население вовсе утратило желание работать. В государстве, где уклонение от общественно-полезного труда преследуется в уголовном порядке, огромное множество работников только числится на работе, и анекдотические меры, принимаемые властями для восстановления трудовой дисциплины, — лишь свидетельство того, что бедствие приняло национальные масштабы.

И вот теперь мы спрашиваем себя, есть ли еще что-нибудь, что духовно и морально объединяет этот народ. Какая вера склеивает массы после того, как государственная мифология разложилась и доживает свой век в анекдотах, под сенью съеденных молюю знамен? Мы ступаем на зыбкую почву. Дело не только в том, что вопросы такого рода внутри страны не обсуждаются, что там нет средств и способов изучения общественного мнения, как не существует и самого общественного мнения. Неизвестно, как вообще взяться за эту тему. Неясно, как сформулировать вопрос. Нет уверенности в том, что его вообще можно "формулировать". И едва ли ответ — каким бы он ни был — может быть облечен в логическую форму. Если верно, что для достижения контакта с душевнобольным врач должен научиться мыслить его категориями, то есть психопатологически, то не менее верно и то, что проникнуть в мифологическое сознание народа можно лишь научившись мыслить мифологически.

На поверхности, однако, лежит нечто более очевидное: взаимоотношения рядовых людей с государством. Отношения эти можно сравнить с ситуацией подростка в семье, где его не любят. Он знает, что всем обязан своему отцу; более того, он считает естественным, что отец содержит его. Но это черствый, злой и несправедливый отец, — деспот, требующий покорности и на каждом шагу унижающий достоинство своих детей. И сын испытывает к нему противоречивые чувства — тайную ненависть, страх и преданность. Самая жестокость этого властелина импонирует подростку как при-

знак могущества. Противопоставить ей он может лишь хитрость. Лишенный права что-либо решать, он заискивает перед своим благодетелем, изворачивается, лицемерит, лжет и где только можно обманывает его.

Поэтому можно сказать, что сын достоин такого отца, а отец заслужил такого сына. О тоталитарном режиме обычно говорят, — и мы говорили, — что он превращает всех граждан в своих сообщников. Говоря о советском режиме, можно добавить, что он превратил своих граждан в иждивенцев. При этом оказывается, что иждивенцы — все. Это придает государству потусторонние черты, но этот признак всегда с вами; подобно всевышнему, говорящему устами своих служителей, он везде, хотя его нигде не видно. Он недостижим и всесилен, все обязаны ему всем. Лозунги "спасибо нашему родному правительству", "спасибо партии" и т. п. не вполне лишены смысла: государство в самом деле кормит, поит и одевает своих подданных, тратит деньги на их обучение, вообще милостиво разрешает им жить, — и, разумеется, беспощадно третировает их. В этой стране, где каждый находится в неоплатном долгу перед родиной, то есть государством, люди беспомощны, как подростки. Их инициатива носит хаотически-инфантильный и подпольный характер и всегда направлена против государства; естественно, что она карается. "Дать по рукам" — ходовое выражение газетной публицистики. Дать по рукам всякому, кто обманывает государство — пытается заняться независимой деятельностью, наладить собственный промысел. Огромное большинство населения отучено от самостоятельности, лишено сознания общих интересов, инстинкта солидарности, и не знало бы, что ему делать со свободой, если бы свобода вдруг свалилась на него с небес. С недоумением прислушивается советский человек к смутным искаженным известиям о волнениях в Польше; ему говорят, что они результат заговора реакционных сил против польского народа, и он готов этому верить; его возмущает неблагодарность поляков, "за которых мы проливали кровь", вместе с тем он испытывает к ним что-то вроде зависти — и в любом случае понимает, что ничего подобного не может и не должно случиться в России.

Через 67 лет после революции люди отдадут себе отчет в том, что они живут хуже, чем граждане других более или менее развитых стран, много хуже, чем можно было бы жить в стране столь обширной и богатой; понимают, что новая власть не создала гарантий свободы и не ликвидировала социальное неравенство; но они понимают и другое. Инстинкт, в некотором смысле обратный социальному, подсказывает им, что без этого государства они не смогли бы ступить и шагу, рухнуло оно — и все они превратятся в толпу беспомощных потерявшихся детей.

Так выясняется глубокий резон безнадежного status quo, цель и смысл бессмысленного порядка: ибо он не вовсе бессмыслен. Сознание этого смысла гарантирует прочность порядка, быть может, надежней, чем бюрократия, армия и тайная полиция. Существовали и, кажется, существуют до

сих пор иллюзии, что этот порядок можно улучшить — смягчить или рационализировать, не меняя его по существу: технократические, экономические или правозащитно-демократические грезы. Но суть этого порядка состоит в том, что его невозможно реформировать. Потяните за ниточку, и зашатаются колонны. Выньте один кирпичик — только для того, чтобы заменить его другим, — и повалится все здание. Порядок есть порядок: или он такой, или никакой. "Самые лучшие правители, — говорится в Книге Мо-цзы, — те, о которых народ знает лишь, что они существуют. Несколько хуже правители, которых народ любит, и хуже всех правители, которых он презирает." Эта китайская мудрость применима к России в том смысле, что презрение и недоверие будет всегда вызывать то правительство, которое не проявляет достаточной энергии в поддержании порядка. Оттого всякое внешнее посягательство на государство, даже мнимое (как в случае с корейским самолетом), вызывает единодушный отпор.

Порядок есть порядок. В многонациональной стране он не дает вскипеть кровавой каше, в которую превратилось бы освободительное движение окраин, стоит только ослабнуть скрепам; в государстве архаического типа, единственной сухопутной империи если не на всей земле, то по крайней мере в европейско-средиземном регионе, дожившей до наших дней, надлом столба, на котором держится вся исполинская пирамида, будет означать для огромного множества людей потерю всех средств к существованию, голод, развал, разгул на безбрежных осиротевших территориях. И вместе с тем мы чувствуем, чуем, как чуют близость гнилой весны, как чувствуют приближение смерти, — безнадежную старость всего государственно-национального организма. Эта старость, возможно, не что иное, как подбигающийся к опасной границе, копящийся в неведомых глубинах, в недрах коллективного бессознательного, смертоносный утопический потенциал. Срок жизни государственных образований, подобных Российской империи, кажется predetermined: оба Рима, и западный, и восточный, просуществовали тысячу лет. Третий переступил порог второго тысячелетия еще в прошлом веке. Сколько он еще протянет? Пока в спящем мозгу гиганта не созреет новая утопия?

Тот, кто прожил жизнь в Советском Союзе, мог заметить черту, характерную для многих живущих там. Ее трудно определить, но она хорошо чувствуется в общении с нашими земляками, пугает и подкупает одновременно; я назвал бы ее душевной неупорядоченностью. Сочетание душевной, а также духовной и интеллектуальной недисциплинированности с жесткой регламентацией общественной жизни, какая-то внутренняя растрепанность, душевный хаос человека, прикованного, как пленный раб, к железной колеснице, к сверхорганизованному государству, — заставляет его ощущать присутствие этого государства и как тяжкую обузу, и как единственный гарант своего благополучия. Подлинная трагедия состоит в том, что в этой стране, где все живое, смелое и самобытное душит неподвижная власть, где

бездарные наставляют талантливых, старики притесняют молодых, мертвые правят живыми, слишком многим кажется, что такая власть необходима, так как она не дает вырваться наружу хаосу, царящему в душах. Что такое этот хаос, знает на частных, но незабываемых примерах каждый. Ужас перед народом — чувство, присущее не только верхушке, но прежде всего самому народу.

XI.

Умом Россию не понять... В Россию можно только верить... Старые-пре-старые строчки, от которых невозможно избавиться и которые повторяешь про себя, точно грызешь заусеницы. Стихи, где отчаяние соединено с неявной аналогией нации с Богом. Постигнуть божество рациональными средствами невозможно; зато в него можно уверовать. Все, что мы сказали выше, должно быть отнесено скорее к отрицательным ценностям коллективного сознания и образует его поверхностный слой, доступный описанию сравнительно простым языком социальной психологии. Но в глубине души дремлет иное — почти невыразимое — чувство. Это чувство может быть названо истинной верой.

Существует чувство России. Назвать его патриотизмом или национализмом значило бы обеднить его. Оно свойственно самым разным людям, принадлежащим ко всем этажам общества. Тем, кто не симпатизирует режиму, оно позволяет игнорировать режим; тем, кто кормится его подачками, оно служит оправданием: ибо они всегда могут сказать себе, что изменить государству значить посягнуть на Россию.

Это чувство связано с огромностью страны. Можно ехать много дней подряд, и за окнами будет Россия, и на каждой станции будут надписи на кириллице, и в вагон будут входить люди, разговаривающие по-русски. Можно проехать полсвета, пересечь несколько климатических поясов, тундру, тайгу, степь, миновать сожженные солнцем солончаки и въехать в пустыню — и все это будет еще Россия. Такая большая страна не может погибнуть. Существует русский Бог — существо, мало похожее на христианского Бога, и, конечно, существо, в которое никто не верит; но он существует. Этот Бог ленив и беспечен. Он предпочитает махнуть рукой на все происходящее: авось разберутся без него. Но в последнюю минуту, на краю пропасти, перед самым концом, этот Бог вмешается. Он не допустит, чтобы Русь загремела в тартарары. Ведь в конце концов уже не раз бывало, когда судьба страны висела на волоске, когда все, казалось, было кончено; но как-то обходилось. Обойдется и впредь.

Не революционное прошлое, не гражданская война, не успехи индустриализации служат источником гордости, нет, над всем этим прошлым стоит черная тень. Но подлинным источником утешения, самолюбования, горделивой уверенности в том, что никакие испытания не могут сокрушить

страну, самая огромность которой служит залогом ее устойчивости, — остается война, память о войне, которая сама по себе перерастает в новый миф. Мотивы этого мифа вплетаются в воспоминания, которые сохранились в каждой семье. Война — единственная область прошлого, где официальный словарь не вступает в противоречие с народным сознанием, всякая сила, выступившая на стороне врага, безусловно осуждается, в контексте военных воспоминаний даже имя Сталина не вызывает у простых людей ни насмешки, ни презрения. В конце концов им безразлично, кто такой был Сталин на самом деле. Но то, что самая страшная катастрофа пронеслась мимо, то, что самая сильная армия мира сломала себе шею в России, служит до сих пор высшим и последним доказательством — чего? Конечной правоты, обоснованности веры в Россию.

Веру эту можно определить как смирение паче гордыни. Ибо самая неустроенность страны, неразумие, бедность, грязь, какая-то вековая невежуха — непонятным образом укрепляет веру. Трезвый анализ убеждает, что у этой страны нет будущего, и можно лишь удивляться тому, что она еще существует. Такая вера никого не убедит. С такой верой невозможно что-нибудь построить, стать предметом восхищения для других, невозможно остановить пораженного Божьим чудом созерцателя и заставить посторониться другие народы и государства. Но с ней можно жить.

Боль проходит понемногу,
Не навек она одна.
Есть конец мятежным стонам.
Злую муку и тревогу
Побеждает тишина.

Или еще:

Не поймет и не оценит...

Нет, не так.

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В красоте твоей смиренной...

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя...

22 июня 1984

Ганс МАЙЕР (Мюнхен)

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Правда ли, что литература подчинена тем же законам прогрессивного роста, каким следует, допустим, экономика, — от натурального хозяйства к всемирному? Можно ли говорить о литературном прогрессе — если не в „сознании свободы”, то хотя бы в том смысле, что островки местных литератур сливаются в единую мировую литературу? Этот вопрос задаешь себе на Франкфуртской ярмарке. И если это действительно так, то значит, великий гражданин Франкфурта был прав. Выражение „мировая литература”, по-видимому, принадлежит Гете; во всяком случае, благодаря ему оно вошло в обиход, подобно тому как он дал жизнь термину „автобиография”. То, о чем он размышлял в маленьком Веймаре в 1827 году, его грезы о всемирной литературе — в самом деле были выражением безграничной веры в прогресс. Тогда еще не видели принципиальной разницы между литературной экспансией и расширением рынка. Мысль Гете и здесь стоит под знаком единства природы и общества, он убежден в том, что расширение международных связей и преобразование литературы в великий синтез человечества — это единый процесс.

Вот что он говорит об этом: ”Повсюду мы читаем и слышим о продвижении человеческого рода вперед, о все более широкой перспективе мировых и человеческих отношений. Как бы то ни было..., я хотел бы со своей стороны напомнить моим друзьям, что, по моему глубокому убеждению, ныне складывается единая общемировая литература, в которой нам, немцам, уготована почетная роль.”

Эти слова хорошо известны — может быть, слишком хорошо. И, пожалуй, именно поэтому им не следует доверять — как еще одному доводу в пользу скомпрометировавшей себя философии роста. Но оставим в покое философию; поговорим о том, что было для Гете важнее всего: о так называемой изящной литературе, как принято было выражаться в те времена, хотя бы эта литература вовсе не была изящной, — о беллетристике, как мы ее называем сегодня.

Итак: действительно ли она шагает в ногу с полетами в космос или успехами Европейского рынка, и насколько оправдывает себя представление лингвистов о языке литературы как о некоем универсальном коде?

Речь, произнесенная на открытии Международной книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне осенью 1983 г. Г. Майер — современный западногерманский критик и литературовед, ныне министр культуры Свободного государства Бавария.

Гете, по крайней мере, представлял себе все это иначе. Его милые немцы должны были занять почетное место в грядущей мировой литературе. Все-таки как немцы, как писатели, пишущие на родном языке. Синтез многообразия — вот цель. Встреча вопреки разногласиям, наперекор даже взаимному непониманию. И пускай эта встреча не приведет к единству взглядов, она все-таки позволит понять другого, да и осознать собственную самобытность. Вот что означала для него мировая литература, только это и более ничего. Пятого апреля 1830 года разговор за столом у Гете снова возвращается к этой непростой теме. Старцу осталось жить меньше двух лет. Он высказывается ясно и определенно, отлично понимая, с какими трудностями придется столкнуться в будущем: "...ибо в конце концов всеобщая мировая литература сможет возникнуть только благодаря тому, что нации сумеют постичь отношения всех ко всем, и при этом каждая непременно обнаружит в другой нечто приятное и нечто отталкивающее, не обойдет вниманием то, что достойно подражания, и то, чего надо избежать." Нечто приятное и нечто отталкивающее. Лучше не скажешь.

Да, но на самом-то деле так не получается! Литература не следует библейскому правилу: испытайте все и сберегите лучшее. Да и что значит "лучшее" с точки зрения другого народа? Заметьте, что умиротворяющая проза, та проза, которая расписывает счастье в шалаше и улады простой жизни, всегда действовала лишь короткое время — и ни на что не воздействовала. В конце концов она оказывалась — да и то в лучшем случае — подстрочным примечанием к истории литературы. Взгляните на список нобелевских лауреатов. Ничто не доставило стокгольмским академикам столько хлопот, как фраза из завещания Альфреда Нобеля о том, что литературные произведения следует награждать за "идеализм". Идеалистическая литература редко бывает хорошей литературой. Чаще оправдывается фраза Валери: "Оптимисты плохо пишут".

Отталкивающее — если воспользоваться определением Гете — как раз и оказывается господствующим в литературе, какой бы народ мы ни взяли. Из кого рекрутируется всемирная литература? По большей части из хулителей, из разгребателей грязи. В 1939 году я присутствовал на докладе, который прочел в Женеве, в качестве полномочного представителя в дружественной Швейцарии, только что упомянутый, почтенный и знаменитый Поль Валери. Доклад был о Вийоне и Верлене. О висельнике пятнадцатого века и голодранце из респектабельного девятнадцатого века.

Самое восприятие произведений национальной словесности в другой языковой и литературной среде происходит вовсе не по рецепту Гете. Выясняется, что усваивают отнюдь не самое приятное и достойное подражания. Нет, воспринимается и служит пищей для размышлений отталкивающее и отвратное. Кстати, это относится и к самому Гете. Что соблазняло и привлекало в нем читателей за пределами немецкоязычного региона? Вспышки гнева и мизантропии в "Западно-Восточном диване", кощунство и непри-

стойности "Фауста", ни в какие ворота не лезущая скандальность романа "Избирательное сродство". Гете знал, что делал, когда спрятал вторую часть "Фауста" под замок и распорядился издать ее лишь после своей смерти.

Великолепные культурные выставки, организуемые под эгидой Европейского совета, привлекают массу народа. Посмотрите, кого они там чествуют. Выставка в Стокгольме посвящена шведской королеве Христине и ее гостю Декарту. Печальный эпизод XVII века, окончившийся смертью великого философа. Или такая тема: "Век 20-х годов", выставка в Берлине. Тут, можно сказать, собран целый букет: бунтари и отщепенцы, беспаспортные бродяги, те самые, кого назовут потом вырожденцами, чьи произведения будут выставлены на посмешище как доказательство разложения буржуазного искусства, а затем с улюлюканьем вышвырнуты из музеев. Завтрашние эмигранты или узники концлагерей. Те, чьи имена соскребут со страниц истории, кого сожгут в печах.

Думая о европейской литературе, о самой возможности ее существования, наталкиваешься еще на один парадокс. Шансы благоприличной словесности, поставляющей образцы для подражания, как мы убедились, невелики; но еще меньше сулит успехов творчество космополитическое, открытое миру, то есть такое, которое, собственно, и заслуживает в первую очередь право называться европейским. Высокие тиражи и щедрые гонорары — не для таких писателей. Эмиль Людвиг жил в швейцарской эмиграции припеваючи. А Роберту Музилю пришлось, если вы позволите мне воспользоваться общепринятым выражением, положить зубы на полку; да и власти свободной Швейцарии весьма неохотно терпели его пребывание в стране. Эмиль Людвиг писал о Наполеоне, о Гете, даже о Христе. Музиль никак не мог освободиться от своей Какании, от воспоминаний об эпохе накануне Первой мировой войны, от старых преступлений, полузабытых грехов и глупостей политиков и снобов исчезнувшей Дунайской монархии. Теперь Людвиг превратился в подстрочное примечание, а Музиль — в великого писателя, правда, до сих пор нелюбимого; впрочем, он сам это предсказывал.

В чем дело? Я думаю, не только в размерах дарования, но и в особых закономерностях восприятия чужого гения. Литература тем легче перешагивает границы собственной среды, чем меньше к этому стремились. Примером может служить прелестная история — о ней рассказывал Томас Манн. Дело было в 1929 году на банкете в честь нового лауреата Нобелевской премии. Лауреат — это был сам Манн — сидел рядом с Сельмой Лагерлеф, которая когда-то тоже получила эту премию; разговор шел о „Будденброках” и о романе Лагерлеф "Сага о Йесте Берлинге". Когда она сочиняла эту книгу, сказала Сельма Лагерлеф, ей и в голову не приходило, что она пишет что-то серьезное. Ей было 32 года, она была сельской учительницей. Роман, действие которого происходит в глухой шведской провинции, вышел в свет в 1891 году, а через пять лет он уже был переведен на немецкий

язык, стал всемирно известен, наконец, в 1909 году удостоился Нобелевской премии. Новоиспеченный лауреат с удовольствием слушал старую даму: ведь он тоже считал свою семейную сагу историей сугубо местного значения, способной заинтересовать разве что близких друзей и родственников, которым 24-летний автор читал отрывки, — слушая страницы, посвященные Тони Будденброк, люди вспоминали тетюшку Элизабет. И действие романа тоже происходит в одном городе — Любеке, хотя он нигде не назван. Все это, однако, не помешало книге выйти в широкий мир, перешагнуть границы стран, зажить новой жизнью на языках нескольких континентов.

И таких примеров можно привести сколько угодно. Тесный круг, сугубо локальная среда вбирает в себя необозримые дали и расширяется до масштабов всечеловеческого. Таковы повествования Уильяма Фолкнера об американском штате Миссисипи, таков "Мост через Дрину", где разыгрывается история, рассказанная сербом Иво Андричем. Такова летопись колумбийской деревни, которую ее уроженец Габриэль Гарсия Маркес окрестил именем Макондо. Снова и снова читатель, никогда не видевший этих мест, вживается в их одиночество, в их драму. Вот так, наверное, и возникает мировая литература — сначала в душах читателей, а потом уже в обзорах, которыми открываются учебники.

Надо ли желать чего-нибудь большего? Есть ли необходимость в каком-то специальном литературном сообществе, в круглом столе, за которым будут собираться мечтатели и изгои из всех углов мира? С планами экономического роста и международного сотрудничества она, эта литература, во всяком случае не будет иметь ничего общего.

И все же по крайней мере однажды в нашем столетии возникла единая европейская литература, сплоченная чем-то большим — а именно, общими задачами. Нет, не накануне Первой мировой войны, как, может быть, подумают некоторые. Правда, перед самой войной появились две книги, где содержалось блестящее предсказание дальнейшего хода европейской истории: "Восстание ангелов" Анатоля Франса и "Верноподданный" Генриха Манна. Но они принадлежали одиночкам, которых мало кто принимал всерьез. В 1945 году автор "Верноподданного" с горечью констатировал: "Каждый раз, когда Германия проигрывает очередную войну, мой роман переиздается. Но не раньше".

ПЕН-клуб, основанный в 20-х годах с целью облегчить контакты между писателями всего мира, преуспел очень мало. Слишком велики были еще в те времена географические расстояния, да и в собственных своих странах писатели не умели найти общего языка. Плюрализм и солидаризм — вещи не очень близкие. Это показал 33-й год. Писатели-эмигранты из Германии не встретили поддержки у зарубежных коллег. Самое большее, что сделал ПЕН-клуб, — это исключил из своих рядов певцов гитлеровского режима, представителей немецкой "письменности", как величали в Третьем рейхе литературу; да и на этот шаг он решился лишь после доклада, произ-

несенного на конгрессе клуба в Дубровнике эмигрантом Эрнстом Толлером. Больше они ничего не сумели сделать, эти литераторы, поработанные идеей "умиротворения" фашизма.

Но затем раздался топот четырех колонн генерала Франко, марширующих на Мадрид. Пятая колонна стояла наготове внутри республиканского лагеря. И тогда случилось нечто небывалое, нечто такое, что уже не повторилось, хотя и не прошло бесследно для литературной жизни и литературного сознания нашего века. Возникла международная солидарность писателей — через барьеры языка, традиций, над границами всего, чем обычно живет литератор. Солидарность — с кем? Конечно, не с мятежниками, а с теми, кто защищал оказавшуюся беззащитной демократию; с испанской свободой, которая — ее защитники это знали — могла бы быть и лучше. И вот люди, всегда и всему говорившие "нет", сплотились во имя защиты, а значит и утверждения. И не только метафорически, но и в прямом смысле — в самой Испании.

То, о чем я хочу здесь напомнить, станет ясным, если я назову лишь несколько книг. "По ком звонит колокол" Эрнеста Хемингуэя и "Надежда" Андре Мальро, "Винтовки Тересы Каррар" Бертольта Брехта и "Стихи из Испании" Стивена Спендера. Рассказ Сартра "Стена" и "Испанское завещание" Кестлера. И еще одно имя: англичанин Эрик Блэр, писавший под псевдонимом Джордж Орвелл, тяжело раненный в боях и распрощавшийся с побежденными и преданными республиканцами в своей книге "Хвала Каталонии".¹

Побежденные и преданные. Побежденные пятью колоннами и легионом "Кондор". Но побежденные и внутри. Не только Пятой колонной, но и сталинизмом, которому, чем больше длилась война, тем важнее было одолеть не мятежных генералов, а "троцкистов", кто бы ни подразумевался под этим словом. Удивительно, что на этом сломалась и вся эта, единственная в своем роде европейская литература защиты демократии. Об этой истории можно вспомнить, когда думаешь о сегодняшней Испании. Об этом даже полезно помнить. Эта европейская литература, окропленная кровью великого поэта Федерико Гарсия Лорки, не могла забыть охватившего ее тогда гневного отчаяния. С тех пор и Спендер, и Мальро, и Кестлер, и сколько других — перестали верить в воззвания и манифесты. Они не в силах были забыть сталинских идеологов, этих комиссаров кровожадного правоправия, чьи тени остались жить в их книгах.

Как следствие возникла нынешняя всемирная литература антиутопий — литература утраченных иллюзий. Литература, отказавшаяся заново экспериментировать с принципом надежды, но поддержанная весьма широким сообществом литераторов, художников, интеллигентов. Две, получившие всемирную известность книги — "Тьма в полдень" Артура Кестлера и "Скот-

¹ В русском переводе — "Памяти Каталонии". (Прим. переводчика)

ный двор” Орвелла — не могли бы появиться, не будь их авторы участниками испанских событий; теперь этих авторов с удовольствием цитируют даже те, кто их никогда не читал. Достаточно привести хотя бы фразу, звучащую поистине горькой насмешкой над тем, что еще вчера именовалось ”раскрепощением человека”: ”Все животные равны, но некоторые равнее других.

Одному из этой блестящей плеяды некогда опьяненных надеждой, а затем протрезвевших писателей в этом году вручена премия мира Немецкого союза распространения книги. Пятьдесят лет дружбы, годы Веймарской республики, годы изгнания, годы совместного труда связывают меня с Манесом Шпербером. Я хотел бы пожелать ему счастья.

И еще об одной знаменитой книге стоит упомянуть напоследок, книге, порожденной все тем же опытом Европы 30—40-х годов. Уже совсем немного остается до 1984 года. На днях я слышал, как один радиокомментатор сказал: ”Год Орвелла стучится в дверь”. Фраза, удивительно похожая на тот самый *newspeak* (новоязык), который описан Джорджем Орвеллом в романе ”Тысяча Девятьсот Восемьдесят Четвертый”. Автор был уже смертельно болен, когда работал над этой книгой, и было это в 1948 году. Та же комбинация цифр. ”Новоязык” — смесь пустопорожней риторики и канцелярских клише. Его задача — упростить человеческую речь настолько, чтобы она больше не выражала никакой работы ума; ”newspeak” отменяет размышление, а следовательно, отменяет литературу. Он служит двойному сознанию, иначе говоря, мышлению, где любую идею можно заменить на обратную. Это может начаться с культа Большого Брата, но постепенно превращается в человеческую натуру, в душу всего народа. И тогда бытие в полном смысле слова начинает определять сознание, взгляды приспособляются к обстоятельствам. Такие выражения как ”самоцензура”, ”добровольный самоконтроль” — Орвелл самой чистой воды. В этом, быть может, и состоит глубочайшее противоречие всей сегодняшней литературы: она больше не знает, сохранится ли в будущем то, что поистине составляет ее душу, — писание в надежде сберечь то, что смертно. Гюнтер Грасс недаром спрашивал, есть ли еще смысл писать. Писать и думать, что ничего из написанного не дойдет до потомства. Но всякая литература утопична постольку, поскольку она сопротивляется, выражаясь словами Эрнста Блоха, ”самой жестокой антиутопии” — смерти. Не следует забывать ни того, ни другого — ни опасности самоконтроля, ни угрозы конца всей литературы.

И, может быть, понимание этой опасности снова сплотит европейскую литературу. Большие Братья не перевелись, мы знаем это. Сколько бы ни было литератур, только одна литература заслуживает этого имени — литература свободная. Без ”новоязыка” и двоемыслия. Литература, которая существует, несмотря на то, — а вернее именно потому, — что ей угрожают тоталитаризм и смерть. ●

ВЕНЕЦИЯ

Что меня больше всего занимает в чужих городах, так это их тайные будни, обычная жизнь, которая прячется за показухой рекламных путеводителей; там и сям выглядывающая действительность, овеянная неуловимой печалью, со следами распада и заплатами, на которую вроде бы и не стоит расходовать пленку, но которая во сто раз притягательней всего, чем вас потчуют глянцевого проспекты.

На острове Сан-Микеле находится кладбище. Поля крестов, и посреди полей, словно деревни, фамильные склепы. Ходишь и читаешь наугад имена, и становится не по себе при мысли, что под каждым крестом лежит человек. Был мягкий зимний день, и в воздухе стоял аромат соли и плесени, обычный запах Венеции. Кто-то пристроил букет цветов прямо на указателе с надписью "Игорь Стравинский". Могила номер 36 в секторе "Грече". Что это значит, неизвестно; самый же сектор представляет собой четырехугольный участок между склепами, наподобие внутреннего двора. Все просто, каменная плита, пожухлые листья и лепестки цветов. Перед надгробьем умершей знаменитости чувствуешь себя самого как бы несуществующим, и волнует собственно только то, что знаешь: вот покоится некто, оставивший этот мир. Подле Стравинского лежит греческий король Александр I.

Для меня кладбище — это места, полные человеческих историй. Исторический момент — миг смерти — остановлен и оставлен в неприкосновенности. Что есть кладбище? Место встречи всех поколений. Место, где ужасает неистощимость инстинкта размножения. Этот покой обманчив, воздух насыщен, точно мириадами невидимых насекомых, частицами распада, испарениями исчезнувших тел, влагой слез.

На другом указателе вырезано имя поэта Эзры Паунда; мы пошли, куда показывала стрела, и заблудились. Попали на протестантский участок, а далее на пустырь, отведенный для неверующих. Здесь могильные камни торчали среди глины и щебня, кой-где росли кусты. Мы брели, как замороженные, мимо позеленевших надгробий, и время от времени попадались на глаза изречения вроде следующего: "Кто живет в памяти близ-

ких, тот не умер, а просто живет далеко". И когда, наконец, выбрались на асфальтированную набережную и увидели длинную череду строений, колеблющихся на поверхности глянцевитых вод, я спросил себя, где же будут жить мертвые, если море затопит остров. Подошел *varometro*, венецианский речной трамвай; мы взошли на борт. Навстречу нам пыхтел, приближаясь, черно-золотой погребальный катер, с грузом на борту.

Несколько улочек в квартале Нуово — теперь они составляют часть рабочего района Капореджо — были в 1516 году отведены под гетто. И вот спустя много столетий я гуляю по этим улочкам. Я тащусь по ним, словно последний оставшийся в живых, ищу товарищей по несчастью, дышу запахом обвалившейся штукатурки, отсыревшей лепнины. Сегодня суббота, контора раввина — или как она там называется — закрыта. На главной площади, между плитами, несколько полумертвых деревьев тянутся вверх в узкий просвет неба; подняв голову, я разглядываю этажи. С одной стороны площадь все еще перегорожена кирпичной стеной, и на минуту мне кажется, что я вижу над ней колючую проволоку. Взгляд натывается на таблички с объяснением, что община была депортирована нацистами. На табличках представлены разные виды казней, грубо высеченные фигуры с надвинутыми на лица шлемами, люди на коленях, под дулами автоматов, обнимающие друг друга. И вот ты стоишь здесь, потомок, и не чувствуешь себя невиновным.

Ветер вздымает пыль с мостовой, но это не пыль, а пепел. Не библейские слова звучат в ушах, а лай овчарок и скрежет лопат. Я стискиваю кулаки, и мнится мне, что сейчас раскроются могилы. И замученные встанут и двинутся бесконечной колонной через пустыню забвения навстречу обетованной земле, и я пойду за ними. Если я в самом деле сплю, значит мне снится сон о моей смерти.

На эспланаде напротив Дворца дождей, несмотря на плохую погоду, происходил праздник. У моста Вздохов, бессмертного *Ponte dei sospiri*, толпа осаждала громыхающие американские горы. Вниз по рельсам неслась гусеница с большими нарисованными зубами. Пролетев сквозь туннель в большом красном яблоке, поезд, как червь, изгибался и вновь возносился вверх под крики пассажиров. Вдали на набережной крутились карусели, летели коляски и космические корабли, громкоговоритель над балаганом ужасов изрыгал стоны и уханье, косматая ведьма гримасничала на крыше, зазывая народ.

Здесь уличные торговцы предлагают корзины, полные теннисных мячей. Прилавки уставлены рядами банок с золотыми рыбками. Рыба вздрагивает, когда мяч попадает в цель; выигравший бросает свою добычу в целлофановый мешок. Я попробовал представить себя в прозрачной камере и как в меня с гоготом целятся теннисным мячом. Что за странная, однако, идея. Тут же подросток, окоченевший от холода, продавал подержанные комиксы, но фланирующие люди даже не смотрели на его товар. Некоторые, правда, останавливались, чтобы погладить взъерошенную от сырости кошку, которая жалась к его ногам.

Зима на губах, холодное солнце в волосах женщин. Увидеть Венецию и умереть.

Все остальное было прекрасно, и возвышенно, и великолепно: бессмертный город, каким он выглядит на глянцевых открытках, под густосиними небесами. И лорд Байрон плывет кролем по Большому каналу, подплывает под мост Риальто, ныряет и — смотрите-ка! — достает со дна очки и колпачки от фотоаппаратов. Итальянский смех, птичий щебет американок, приглушенная немецкая речь. От музея до клоаки — один шаг. Удручающе прекрасно побывать здесь. Пленительно, сногшибательно — сесть на мель на этих площадях, от которых отходят улочки, где, расставив руки, можно коснуться обеих стен. Увидеть Венецию — и умереть...

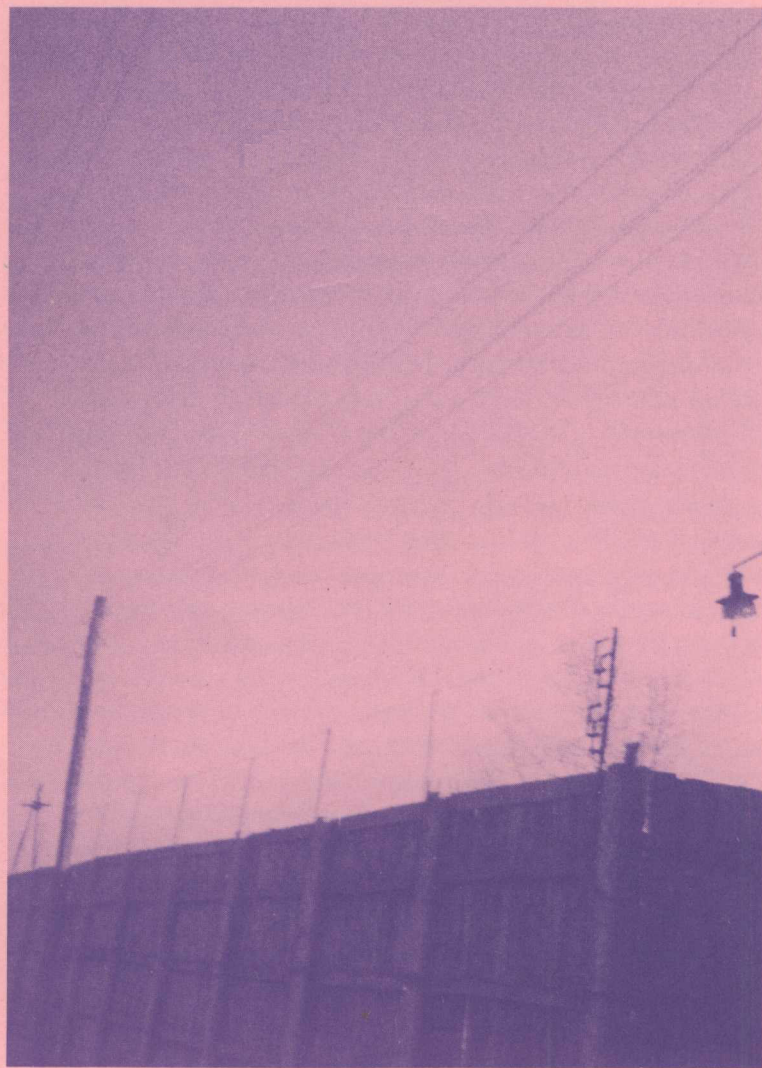
Людвиг ФЕЛЬС

Больше, чем кто-либо из вас, поверьте, я люблю свою страну, желаю ей славы, умею ценить высокие качества моего народа; но верно и то, что патриотическое чувство, одушевляющее меня, не совсем похоже на то, чьи крики нарушили мое спокойное существование и снова выбросили в океан людских треволнений мою ладью, приставшую было у подножья креста. Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носитя со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы. Я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия. Тот обнаружил бы, по-моему, глубокое непонимание роли, выпавшей нам на долю, кто стал бы утверждать, что мы обречены кое-как повторять весь длинный ряд безумств, совершенных народами, которые находились в менее благоприятном положении, чем мы, и снова пройти через все бедствия, пережитые ими. Я считаю наше положение счастливым, если только мы сумеем правильно оценить его; я думаю, что большое преимущество — иметь возможность созерцать и судить мир со всей высоты мысли, свободной от необузданных страстей и жалких корыстей, которые в других местах мутят взор человека и извращают его суждения. Больше того: у меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество. Я часто говорил и охотно повторяю: мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества...

Что же, разве я предлагаю моей родине скудное будущее?

МОРДОВСКИЙ ЛАГЕРЬ

ГЛАЗАМИ ИВАНА КОВАЛЕВА —

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ